

Федеральная таможенная служба
Государственное казенное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Российская таможенная академия»
Владивостокский филиал

В.А. Останин

**Собственность: противоречия присвоения
(Проблемы теории и методологии)**

Монография

Владивосток
2015

УДК 330.8 + 122/129
ББК 87
О-76

Рецензенты:

А.И. Фисенко, доктор экономических наук, профессор,
директор института экономики и управления на транспорте
Морского государственного университета им. Г.И. Невельского

Ю.В. Рожков, доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры банковского дела
Хабаровской академии экономики и права

Останин, В.А.

О-76 Собственность: противоречия присвоения (Проблемы теории и методологии) : монография / В.А. Останин ; Российская таможенная академия, Владивостокский филиал. – 2-е изд., доп. – Владивосток : РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2015. – 204 с.

ISBN 978-5-9590-0626-6

В монографии рассмотрены методические и теоретические проблемы собственности, представленной в своей субстанциальной и процессуальной формах. Уделено внимание онтологическому аспекту исследования собственности. Раскрываются механизмы решения предметных и гносеологических противоречий в анализе отношений присвоения.

Для магистрантов, аспирантов, студентов, интересующихся глубинными проблемами собственности, противоречиями присвоения дохода в обществе, а также проблемами познания экономических явлений.

УДК 330.8 + 122/129
ББК 87

ISBN 978-5-9590-0626-6

© Владивостокский филиал
Российской таможенной академии, 2015
© Останин В.А., текст, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Собственность как диалектическое противоречие.....	10
1.1. Отношение собственности и их теоретический образ в экономических теориях	10
1.2. Собственность как диалектическое противоречие в своей субстанциальной и процессуальной формах	16
1.3. Проблемы диалектического противоречия в экономической теории.....	63
Глава II. Собственность как противоречие субстанции.....	77
2.1. Противоречие становления идеи равенства и справедливости в распределении и присвоении.....	77
2.2. Развивающиеся производительные силы как дифференцированная сущность собственности.....	94
2.3. Собственность как структурное и процессуальное противоречие	111
2.4. Основное экономическое противоречие присвоения	140
2.5. Некоторые проблемы теории разрешения экономических противоречий.....	149
2.6. Воля к власти денег как фактор присвоения дохода в обществе	187
Заключение	199
Список литературы	201

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография является результатом глубокого переосмысления основных положений теории собственности, которые были изложены два десятилетия назад. Многие идеи объективно нуждались в уточнении, детализации, конкретизации, применительно к тем событиям, которые бурно протекали в последний переходный период к новым для России социально-экономическим отношениям. Косность и догматизм прежней социально-экономической мысли был отброшен, политизированность политической экономии была отброшена в заклинаниях некоторых теоретиков, однако эта «беда политической экономии» не была преодолена. Политическая экономия была есть и будет оставаться наукой политизированной, даже если прежний термин «политическая» был выброшен из лексикона. Именно в подобных работах общество будет проявлять все более нарастающей интерес, сколько бы не появлялось порой весьма поверхностных работ в области экономикс, пустоту которых не прикрывает мнимый фиговый листок эконометрики. Каждой области экономического знания должно отводиться свое место, эти области должны не заменять, а дополнять, обогащать, формируя целостность экономического знания этой сложной и предельно противоречивой природы собственности и противоречий присвоения в обществе.

Теория собственности есть та точка, от которой следует отталкиваться, если исследователь пытается понять суть тех социально-экономических процессов, которые протекают в обществе. Поэтому в основу данного издания легла монография 1994 года¹. Если отбросить нечто временное, несущественное и случайное, то сама суть отношений собственности в этом издании, как мне это представляется, будет высвечена более четко. Далеко не случайно К. Маркс заметил, что ключ к познанию природы обезьяны, следует искать в человеке. Развитое тело изучать легче, ибо еще то, что изначально было в предпосылках, в потенции, в развитом организме оно проявилось как явление закона, отбросив случайности. Бурные девятые годы в России, последующий период закрепления отношений собственности дали не только достаточно убедительного материала, но и появление достаточного количества работ, в которых было

¹ Останин В.А. Собственность: сущность, противоречия, формы их разрешения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1994.

предприняты попытки теоретически осмыслить суть происходящего не только в России в последние десятилетия, то и взглянуть на эти процессы с позиций теории диалектического противоречия. Это придает определенную специфику данной монографии.

Нынешнее состояние экономики в стране выражает объективную потребность поиска более эффективных форм движения и реализации отношений собственности. Последняя, будучи по своей внутренней природе противоречивой формой движения производительных сил в их диалектическом единстве с общественной формой (производственными отношениями), осуществляется в самом процессе расширенного производства человеческого индивида. Тем самым, мы рассматриваем процесс расширенного воспроизводства не только как процесс производства материальных благ, услуг. Последнее есть лишь специфическая превращенная форма воспроизводства материальных условий жизненного бытия человека, а, следовательно, и его самого. Поэтому увидеть смысл происходящего в экономике в производстве товаров, денег, благ, материальных и нематериальных ценностей есть несбыточная мечта понять суть, обращаясь исключительно к видимости сущности. Даже наполнение количественными моделями самой теории часто не помогает решению этой проблемы. Как-то Леонард высказал идею, противопоставив философию математике и придав последней статус «царицы» наук. Без последней аргументация бессильна, способная порождать только крик. На это мы можем возразить тем, что засилье математических моделей без раскрытия сути экономического явления также способна воспроизводить подобный крик, о котором писал Леонардо. в образной и предельно точной форме это выразил лауреат премии Нобеля в области экономики Морис Алле, когда подобное состояние охарактеризовал как математическое шарлатанство в экономике. Прежде чем отвечать на вопрос «сколько», следует найти ответ на вопрос «что есть то, что исследователь пытается количественно измерить?». В исследовании необходим целостный подход не только в области качества, но и в сфере единства глубокого теоретического осмысления качества явления с его количественным измерением. «Мы являемся свидетелями нового схоластического тоталитаризма, основанного на абстрактных априорных концепциях, оторванного от какой бы то ни было реальности; своего рода «математического шарлатанства»...», основная задача –

не использование математики ради нее самой, а применение и качестве средства исследования и анализа конкретной реальности»².

Общественные формы производства и присвоения произведенного дохода всегда протекают с той или иной степенью эффективности. При этом интенсификация и экстенсификация производства выступают не как формы, лишённые своего специфического содержания, а как исторически преходящие моменты движения, присвоения человеческим индивидом своей собственной сущности. Собственность, таким образом, выступает уже не только как общественная форма присвоения материальных благ, ибо это есть только одна сторона, а точнее, момент отношений собственности, а как противоречивое единство отношений человека с природой в процессе ее производительного присвоения и отношений между людьми, в которые вступают люди в процессе воспроизводства условий материальной жизни. Другими словами, собственность не есть застывшее структурное отношение, лежащее исключительно в сфере производственных отношений, но и сфере производительных сил, или производительного производства, или присвоения.

Как показала историческая практика, нынешнее состояние экономической теории неадекватно отражает критическое состояние экономики. Более того, экономическая теория обнаружила определенную теоретическую беспомощность и в разработке современных форм хозяйствования. Можно в определенной мере утверждать, что неспособность политэкономической науки дать практические рекомендации в области хозяйственного строительства свидетельствует о ее глубоком кризисе.

Основная тяжесть поиска моделей эффективного хозяйствования лежит в сфере поиска адекватных насущным требованиям форм движения и разрешения экономических противоречий. Последние по своей глубинной сущности всегда остаются противоречиями собственности. Вопрос о месте и роли экономических противоречий как источников и движущих сил социально-экономического развития является, таким образом, наиболее актуальным для современной экономической науки. Вместе с тем, именно этот вопрос является и наименее теоретически разработанным в политической экономии, хотя в последнее время отмечается появление ряда работ

² А. Морис. Экономика как наука [Электронный ресурс]. URL: http://v1.ucoz.org/_ld/0/82_alle_m_ekonomik.pdf

по проблемам экономических противоречий в экономике. Представление об экономике как о непротиворечивом процессе ее развития есть проявление догматизма экономической мысли. Вообще следует принять в качестве тяжелого теоретического заблуждения метод, посредством которого исследователи пытаются построить адекватные модели на основе корреляции и регрессии. Это настолько сильно упрощение, что скорее приведет к очередному догматическому суждению в теории.

Для того чтобы понять диалектическое противоречие как источник и движущую силу социально-экономического развития, как процесс совершенствования производственных отношений, а также отношений в сфере производительных сил, механизма использования экономических законов, следует на уровне теоретического анализа различать диалектические противоречия в самих производственных отношениях, в отношениях сферы производительных сил, экономических законах, формах их проявления и «осуществления». Познание противоречивости экономических явлений, т. е. только феномена экономических противоречий, есть познание их внешних форм как первого этапа познания глубинной сущности экономических явлений. Познание с целью не только теоретической констатации того факта, что противоречие существования есть та форма, через которую раскрывается источник движения экономической реальности, а с целью теоретического анализа и поиска таких априорных нынешней действительности экономических и политических форм хозяйствования и управления, которые расширенно воспроизвели бы материальные условия человеческого бытия и самого человеческого индивида.

Эти внешние, поверхностные формы, в любом случае являются формами движения экономической действительности, способом экономического бытия, но далеко не всегда они являются формами ее расширенного производства. В последнем случае экономические противоречия воспроизводятся на качественно более высоком уровне, когда «старые» формы хозяйствования содержатся в «новых» как бы в «снятом» виде. Эти новые формы движения, «осуществления» внутренних экономических противоречий в сущности самих экономических явлений связаны, таким образом, с процессом разрешения диалектических противоречий. Более того, они выступают

не только формами движения, но и самим бытием этих внутренних экономических противоречий, противоречий собственности.

Диалектический метод данного конкретного исследования отношений собственности, что есть резюмированное логическое выражение становления самого объекта в процессе познания, исходит из материальных предпосылок, т. е. из всей совокупности материальных условий присвоения индивидами своей собственной природы. Данные материальные предпосылки находят свои формы материального бытия по своей совокупности средств производства, форм общественной организации материального и духовного производства, формах хозяйствования, нормах хозяйственного права, традициях, правах, привычках и навыках к труду, формах материального принуждения и стимулах, в имеющихся в обществе структурах и формах распределения. Эти материальные предпосылки и образуют то, что классики называли «субстанцией». Вместе с тем, здесь собственность выступает еще только как совокупность, как наличное бытие. Отношения собственности еще не даны нам в своей сущности. Вся эта совокупность материальных условий присвоения человеком своей собственной сущности выступает перед нами первоначально еще только как некоторая суммативная данность в своих чувственных формах. Они даны вместе с нами бытием человека. Их материальность состоит в том, что они существуют независимо от того, осознает ли человек их природу, их сущность, или нет. Они существуют вне человеческого сознания. Это и есть критерийный признак их материальности.

Второй этап познания отношений собственности, который схватывается мышлением в методе, заключается в познании сущности существующих форм материального присвоения. Здесь уже единое материальное целое, которое бесконечно богато по своим внутренним связям, как бы «расщепляется» познающим сознанием. Первоначальный целостный объект исследования начинает существовать для исследователя как предмет его научных интересов. Абстракции отношений собственности предстают уже как идеальные формы, как абстракции от других сущностных моментов отношений собственности как целостности.

Третий этап исследования отношений собственности есть обратное движение сущностных определений собственности в их первоначальное наличное бытие. Будучи непосредственным единством

сущности и наличного бытия, собственность на этом этапе есть действительность. Только здесь собственность может быть представлена как экономическая субстанция. Поэтому сущность отношений собственности есть не некоторая застывшая данность, а процесс саморазвертывания от наличного материального бытия до собственности как действительности, получающая свое адекватное выражение в понятии «собственность».

Собственность как отношение представляется, тем самым, как глубинное основание всех явлений материального воспроизводства, а также как вся совокупность форм внешнего «осуществления», т. е. как субстанция, как экономическая действительность.

В работах политэкономов собственность чаще всего рассматривалась в отрыве от имманентных ей форм движения. Более того, собственность выступает только с одной стороны, преимущественно как общественная форма присвоения, как способ соединения производителя со средствами производства. Присутствующие часто при этом ссылки на ее связь с производительными силами только подчеркивали момент разрыва, «насильственного» отделения и такого же механического соединения ее сущностных сторон.

Вместе с тем именно благодаря исследованиям политэкономов и стало возможным выдвижение концепции собственности как субстанции, как основы всей совокупности явлений экономической реальности в единстве со своим «обоснованным». Однако, как показал сам ход глубинных реформ экономических отношений, механизма хозяйствования, именно неразработанность основных теоретических проблем собственности отражает выработку практических рекомендаций для практики хозяйственного строительства.

В монографии делается попытка раскрыть сущность форм собственности в обществе, понять внутреннюю самопротиворечивость индивидуального, коллективного и общенародного, наконец, глобального, присвоения. При этом внимание акцентируется на философских моментах теории собственности, форм разрешения экономических противоречий. Понять собственность как субстанцию, как причину самой себя, где человек не обособлен, не оторван от анализа, а сам является носителем отношений собственности, понять собственность в моделях ее осуществления для человека есть цель настоящего исследования.

Глава I

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

1.1. Отношение собственности и их теоретический образ в экономических теориях

Важнейшим направлением развития марксистско-ленинской политической экономии, как и всей экономической теории, является углубление комплексного исследования проблем собственности вообще и социалистической собственности, в частности. Можно утверждать, что формирование предмета политической экономии, полная реализация всех ее функций, уровень ее научной зрелости в конечном итоге определяются степенью научной разработанности природы и сущности собственности.

Проблема отношений собственности в политической экономии остается, однако, недостаточно исследованной областью. Данное положение необходимо констатировать, хотя фундаментальность этой категории постоянно привлекала к себе внимание политэкономов, философов, юристов, хозяйственных практиков.

Понятие собственности всегда отражало чрезвычайную по своей важности и сложности сферу понимания человеческих взаимоотношений между людьми в процессе материального производства условий их собственного существования. В определенной степени проблема адекватного отражения, например, социалистической собственности, осложнялась тем, что последняя находилась в некотором «застывшем» состоянии, как некоторое структурное отношение, оторванное от своего носителя, т. е. человека. Собственность может быть адекватно выражена в теоретических моделях тогда, когда она представлена в процессе становления, развертывания, преодолевающая абстрактность моделей. Поэтому то, что вчера еще могло претендовать на истину, в дальнейшем может уже скорее характеризоваться как научный предрассудок.

На протяжении всего периода развития собственность постоянно эволюционизировала. Этот процесс тесно переплетался с процессом теоретического отражения в науке, хозяйственной практике существенных сторон отношений собственности. Можно полагать, что процесс разработки теоретических образов никогда не был зеркальным отражением генезиса отношений собственности, имманентных ей объективных экономических законов и форм хозяйствования. Более того, следуя принципу единства исторического и логического, можно утверждать, что истинность того или иного теоретического образа отношений собственности достигается лишь с учетом конкретных исторических условий формирования научной концепции³.

Собственность, как таковая, отражает не только различные стороны материального и духовного человеческого бытия, включая способ соединения самого производства со средствами производства, обмена и потребления производственных продуктов. Далее эти связи получают свое закрепление в воле господствующего класса, рефлексирываясь в отношениях права, религии, морали, нравов. Очень часто понятие собственности соотносится и с самим объектом присвоения.

Критическое прочтение наследия классиков позволяет нам сделать еще один важный вывод, усложняющий задачу исследования. Как известно, взгляды классиков на природу собственности не оставались неизменными, застывшими. Следовательно, научную значимость будут представлять исследования, раскрывающие не только теоретические дефиниции этих сложных взаимосвязей, но и определенную эволюцию этих взглядов. В противном случае, метод нашего исследования не может привести нас к положительным результатам, а само исследование будет представлять эклектическое заимствование из различных источников часто весьма противоречивых определений, не связанных с единой теоретической концепцией.

Можно выделить ряд принципиально важных теоретических положений К. Маркса на проблемы собственности. Так, в работе «Нищета философии. Ответ на "Философию нищеты" г-на Прудона» К. Маркс вполне однозначно разводит понятие собственности как экономического и юридического понятия. Собственность как юридическое понятие есть лишь рефлексия в воле господствующего

³ История политической экономии социализма. Л.: ЛГУ, 1972. С. 32.

класса экономических отношений собственности, как выражение ступени развития производства. Здесь собственность напрямую связывается с производством. В этой работе однозначно ясна мысль К. Маркса о том, что распределение труда в обществе наполняет своим экономическим содержанием отношения собственности.

Более того, сама экономическая противоположность в ее наиболее общем выражении совпадает с противоположностью между капиталом и наемным трудом, прибылью и процентом, с одной стороны, а с другой стороны – с заработной платой. Становится очевидным, что отношения капитала и наемного труда есть по своей глубинной сущности отношения собственности, они лежат внутри отношений собственности и представляют новую форму по сравнению с докапиталистическими формами развития отношений собственности.

Методологическая ценность этого положения классиков заключается в том, что собственность начинает рассматриваться как единство двух, на первый взгляд, существенно различающихся определений – отношений индивидов друг к другу, а с другой стороны, – как отношение индивидов к орудиям и продуктам их труда.

Таким образом, богатство определений собственности следует рассматривать под тем углом зрения, что классики марксизма-ленинизма не разрывали эти две противоречивые стороны собственности как комплексного единого отношения.

Можно говорить также и о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли самую порождающую субстанцию, из которой, как из глубинного основания, развиваются все дальнейшие определения собственности. Разделение труда и частная собственность становятся тождественными выражениями. Поэтому вполне закономерно, что отношения капитала, по К. Марксу и Ф. Энгельсу, есть специфические отношения собственности.

Так как отношения собственности закрепляются, рефлексировываются в правовом сознании, то последнее находит свое выражение в правовом понятии собственности, когда существующие отношения собственности выражаются как результат всеобщей воли. Собственность как отношение права приобретает позднее у К. Маркса лаконичное выражение: «Собственность является только сознательным отношением к условиям производства как к своим собственным...»⁴.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 482.

Подобная рефлексия отношений собственности осуществляется не только в отношениях права, но и в политических отношениях. И, тем не менее, эти отношения тоже есть отношения собственности. О том, что отношения собственности охватывают не только сферу экономических или правовых отношений, но и сферу истинно человеческих, т. е. нравственных, этических, религиозных и т. п. отношений, однозначно свидетельствует следующее высказывание К. Маркса. «Определить всеобщую сущность частной собственности, как результат отчужденного труда, в ее отношении к истинно человеческой и социальной собственности»⁵.

Практически каждое из определений, приведенных выше, схватывает в сознании только какую-то одну сторону собственности как целостности. Подробное, и в определенной мере обобщающее, определение экономического содержания собственности дано К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». И хотя речь у К. Маркса идет о частной собственности, это имеет непреходящее значение в методологии исследования этого понятия. Частная собственность охватывает здесь у К. Маркса две сферы отношений: отношения работника к труду, к продукту его труда и отношения к не-работнику, а также отношение не-работника к работнику и продукту его труда. Таким образом, у классиков содержание собственности в широком смысле слова никогда не ограничивалось какой-то одной ее стороной, аспектом. Более того, так как присвоение объектов материального мира всегда осуществляется в обществе и посредством общества, то и сами исходные предпосылки выступают у К. Маркса как собственность.

Дополнительно можно только заметить, что классики вполне однозначно выражали свое отношение по поводу реального, или действительного, присвоения и формального присвоения в возможности. Последнее и является предпосылкой действительного присвоения – собственности, реально осуществляющейся. Поэтому вещь, рассматриваемая только в отношении к воле, не есть вовсе вещь. Вещью, как действительной собственностью, она становится только в процессе общественного присвоения природы независимо от права. Таким образом, собственность «осуществляется» только через само производство.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 98.

Собственность как базисное отношение закрепляется в воле господствующего класса, приобретая характер титула реальных, действительных отношений собственности. Подобное разнообразие определений собственности у классиков нуждается в дополнительном пояснении. Если же названные выше определения собственности рассматривать только как независимые, как истекающие из разных генетических ветвей, то, естественно, перед нами противоречащие друг другу определения. Попытка дать изначально непротиворечивое изложение теории была бы равносильна попытке дать теорию раньше самой теории.

Понятие «собственность» будет отличаться от внешне противоречивых представлений собственности тем, что понятие есть продукт рассмотрения вещей, явлений, процессов в их всеобщности, взаимосвязи, генезисе, в их становлении. Важная методологическая посылка К. Маркса в исследовании проблем собственности заключается в том, что он не выводит собственность из других понятий. Собственность выводится у К. Маркса из «самой себя». Тем самым она предстает как *причина самой себя, как порождающая свои различные определения как causa sui*, по Б. Спинозе.

Работник, начиная выделять себя из первобытного стада, одновременно начинает относиться к условиям своего бытия как к своим собственным. Условия его бытия раскрываются в условиях его собственного существования: собирательстве плодов, строительстве жилища, коллективном труде в общине. Работник относится к объективным условиям своего труда как к своим собственным; последнее есть природное, еще не различенное единство труда и его внешних предпосылок (Дж. Локк).

Маркс считает недостаточным объяснение причин становления собственности у Дж. Локка, который полагал: «хотя земля, все низшие существа принадлежат сообща всем людям, все же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто кроме него не имеет никаких прав». Труд его тела и работа его рук по самой природе вещей принадлежат ему. То, что человек извлек из предметов, созданных и предоставленных ему природой, он слил со своим трудом, с чем-то

таким, что ему неотъемлемо принадлежит, – и тем самым, делает это своей собственностью⁶.

В данном объяснении объекты природы находятся в совместном владении, последнее же есть атрибут собственности. Тем самым и Дж. Локк не может выйти из логического заблуждения в доказательстве, так как использует посылки, которые сами еще необходимо доказать, а именно, собственность объясняет владением, которая есть ее функция, или атрибут.

Скорее собственность есть комплексное отношение, выражающую некоторую целостность: с одной стороны, принадлежность индивида к сообществу, т. е. отношение между людьми, а с другой стороны – отношение людей к условиям своего собственного существования. Быть членом общины есть, таким образом, основное условие присвоения (собственности), покоящейся на первобытнообщинном строе. Все дальнейшие формы общественной организации людей: рабство, крепостничество, частнокапиталистическая форма, есть лишь различные формы собственности на ее более развитых этапах. Родовые корни всех этих развитых форм собственности истекают из племенной формы собственности. Следовательно, понимание собственности не сводится, как нам представляется, к какой-то одной форме, одной стороне этого комплексного отношения. В своей всеобщности отношения собственности выступают как противоречивое единство противоположных ее моментов, а именно, отношение индивидов к условиям своего собственного существования, своего собственного материального воспроизводства, и, с другой стороны, отношение между самими индивидами. «Собственность означает... отношение трудящегося (производящего себя или себя воспроизводящего) субъекта к условиям своего производства или воспроизводства как к своим собственным»⁷.

Каждая сторона этого отношения, взятая обособленно в отрыве от другой, не может дать целостного представления о собственности. Более того, взятые как независимые, они выступают как противоречивые определения различных «сущностей», а не как различающиеся определения одной и той же сущности – собственности.

⁶ Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1980. С. 19.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. С. 415.

1.2. Собственность как диалектическое противоречие в своей субстанциальной и процессуальной формах

Для каждого способа производства характерна специфическая форма присвоения человеком предметов природы и одновременно своей собственной человеческой сущности. Существенным содержанием этого процесса является то, что присвоение предметов природы есть само жизнебытие человека – и как существа биологического, и как социального. Собственность вне общественных связей и отношений есть нонсенс. Данное жизненное бытие осуществляется только в обществе, поэтому и присвоение предметов природы и своей человеческой сущности может и должно осуществляться посредством общества. Непосредственные же формы могут находить свое выражение в бесконечном многообразии внешних форм присвоения, что оформляется внешним образом в раздвоении, в обособлении внешних форм непосредственного присвоения.

На поверхности экономической реальности взаимосвязи между людьми выступают во внешней различности отношений к человеку как производителю (при этом человек рассматривается как средство достижения цели для другого) и как субъекту форм общения, как субъекту производственных отношений (здесь человек уже может рассматриваться как цель всего процесса присвоения, т. е. своего собственного расширенного производства). Данное единство бесконечного многообразия форм присвоения природы, осуществляемое в обществе и посредством общества, представляет в действительности «мир материального человеческого бытия», который выступает как мир материального воспроизводства человеческого индивида.

Данный мир, в котором все связано и взаимообусловлено, есть мир как становящаяся целостность. Он выступает как некоторая наличествующая данность, не нуждающаяся ни в каких других определениях с привлечением предикатов вне системы, а из данного бытия, которое есть бытие человека и дано вместе с ним.

Это многообразие форм действительного присвоения есть не только материальная предпосылка человеческого существования, но и само существование, т. е. сама человеческая жизнь. В этом многообразии посредством субстанции обнаруживается всеобщность, необходимость тех или иных конкретных форм производственных связей. Однако последнее обнаруживается не в самой субстанции (всей системе отношений собственности), а в сущности отношений собственности. Из этого следует, что понятия сущности и субстанции не совпадают по своему объему. Субстанция включает в себя сущность только как момент. Второй момент – явление сущности, в том числе во всем многообразии форм реального и духовного присвоения. Следовательно, собственность как субстанция есть диалектическое единство сущности (как внутренней формы, посредством которой находит свое выражение основа производственных связей) и явления (всего бесконечного многообразия форм существования).

Собственность, как сущностное отношение, не может явить себя иначе, кроме как в своих внешних формах. Однако эти внешние формы есть формы своего внутреннего. Отражение сущности собственности во внешний мир, по Гегелю, есть рефлексия собственности. Но, соотнесясь с внешним миром своего собственного бытия, собственность как существенное отношение только и может соотнестись с собой, т. е. рефлексировать себя на саму себя. Эта внутренняя рефлексия и позволяет «видеть» сущность собственности, которая есть, таким образом, ее собственная внутренняя рефлексия. *Собственность же, как субстанция, выступает уже не только как основа всего бесконечного многообразия форм присвоения людьми условий своего собственного воспроизводства, но и самих этих условий (форм «осуществления» этого основания).* Тем самым собственность как субстанциональное отношение в своей основе выражает необходимость определенных форм и характера присвоения, которая, однако, выявляется в возможных, случайных формах действительного материального присвоения. В итоге, собственность, не вытекая ни из каких внешних определенностей, внешних предикатов, сама, как субстанция, содержит в себе все свои предикаты.

В истории философской мысли понятие «субстанция» наполняется различным содержанием: от некоторого отдельного, сущего само

по себе, восходящего к аристотельскому «узия», как первосущность; как основа и сущность; как некоторая всеобщность, основа всего бесконечного многообразия реальных вещей, которая находит причины своего собственного существования в самой себе (вся материя как субстанция в широком смысле слова).

В последнее время активно разрабатывается и такая теория субстанции, в соответствии с которой субстанция вмещает в себя два уровня: сущностный и феноменальный. Субстанция не представляется уже лишенной своих материальных носителей, а существует в диалектическом единстве с единичным, или, другими словами, представляет собой единство двух уровней – сущностного и сферы его существования. Последнее находит свое выражение в формах движения, бытия материальных вещей. Тем самым субстанция, как единство сущности и существования, находит свои формы самореализации в двух типах определений – в атрибутах и модусах⁸.

Подлинно научное знание исследуемых объектов, следовательно, будет определяться тем, в какой мере удалось раскрыть причинность явлений, выявить их закон как выражение сущности рассматриваемых процессов. Подобный подход будет субстанциально-системным подходом, когда объект познается как *causa sui*, т. е. самодетерминирующийся из самого себя. Собственное внутреннее единство основания объекта и его «обоснованного» как определенной системы со своей структурой, обуславливающее целостность объекта, и может быть названо субстанцией в узком смысле этого слова. В широком же понимании, в смысле некоторой абсолютности под субстанцией понимается вся материя как порождающая себя причина.

Данное понимание субстанции в совокупности с субстанционально-системным подходом позволяет рассматривать ее, во-первых, как внутреннее основание конкретной материальной системы, как начало или как исходную логическую предпосылку, в которой уже изначально заложены генетически все противоречия системы. Понятие субстанции не опосредовано никакими элементами, т. е. оно выступает непосредственно и не нуждается ни в каких опосредующих понятиях.

⁸ Кучевский В.Б. Анализ категории «Материя». М.: Наука, 1983. С. 236.

Как нам представляется, все общественное производство есть воспроизводство человеческого индивида в обществе и посредством общества. Однако это воспроизводство человеческого индивида может выступать непосредственно как цель всего человеческого сообщества, либо опосредовано, когда воспроизводство одной его части осуществляется за счет другой его части.

Другая черта материального воспроизводства человеческих индивидов заключается в том, что данное воспроизводство всегда осуществляется как материальное воспроизводство условий жизни индивидов. Воспроизводство материальных условий человеческого бытия по своей глубинной сущности всегда связано с присвоением объектов природы. Но так как присвоение природы всегда осуществляется в обществе и посредством общества, то отношения людей к природе в процессе производительного присвоения всегда опосредованы отношениями между людьми как собственниками. Воспроизводя условия существования, работник воспроизводит в них непосредственно себя и, как правило, не только себя, а других членов сообщества. Точно также другие члены сообщества воспроизводят условия существования этого индивида. В своей сущности этот процесс есть не что иное как обмен деятельности индивидов в процессе своего как собственного воспроизводства и воспроизводства всего сообщества. Воспроизводя условия жизни для других, человеческий индивид получает возможность тем самым опосредованно воспроизвести и себя лично. Сохранение же человечества, как писал по этому поводу Дж. Локк, его воспроизводство – есть главный общесоциологический закон человечества.

Можно, таким образом, предположить, что условия воспроизводства человеческих индивидов выступают как богатство сообщества. Однако в каждой социально-общественной формации это богатство принимает различные модифицированные формы. Понятие субстанции позволяет «охватить» мышлением все это многообразие со стороны необходимости, сущности, причинности и противоречивости.

Наше понимание субстанции отлично от того содержания, которое ей придавали Спиноза или Лейбниц. Бытие субстанции есть «в-себе-бытие», которое есть одновременно и «для-себя-бытие». Сущность же субстанции дается в ее атрибутах, т. е. атрибут есть нечто то, благодаря чему субстанция есть в себе. Можно

сказать, что атрибут есть внешность внутренней субстанции, через что она постоянно дает ей способ выразить ее самость. Сущность субстанции может обнаружиться внешним образом только благодаря своим модусам. У модусов, в отличие от сущности субстанции, нет способа бытия подобного в-себе-бытия. Свою причину существования он имеет в другом. Бытие, исходящее из другого, есть форма бытия его самого в другом. Другими словами, он есть состояние атрибута, или множество субстанции как таковой во внешности.

Из этого вытекают следующие важные для нас выводы:

1. Сущность и существование субстанции совпадают.
2. Сущность есть действительность субстанции, а сама действительность есть сущность, взятая в единстве со своим явлением, или модусом⁹.

В итоге сущность собственности как субстанции выражает сам процесс присвоения со стороны необходимости расширенного воспроизводства общественного индивида. Одновременно она есть внутренний мир субстанции, сущность каждого модуса, отдельного и особенного.

Следовательно, определение субстанции может быть только тавтологичным. Последнее не следует считать каким-то недостатком. Это представление может возникнуть только при неглубоком рассмотрении существа вопроса. Если в исходном исследовании исходит из каких-либо внешних посылок, то окончательные выводы не могут быть истинны в своей достаточности, ибо исходные посылки должны быть сами доказаны.

Выделяя в отношении собственности два уровня, следует ответить на следующий важный в теоретическом плане вопрос о характере взаимодействия между этими двумя уровнями. Так, существует весьма распространенная точка зрения на то, что характер отношений собственности определяет характер и способ производства, понимая под характером собственности ее сущностные характеристики. Другими словами, возникают ли между сущностными и феноменальными отношениями собственности отношения детерминированности?

⁹ Гегель Г.В.Ф. Различия между системами философии Фихте и Шеллинга в соотнесении с работами Рейнгольда, имевшими целью облегчить обзор состояния философии в начале XIX столетия // Кантовский сборник: межвуз. темат. сб. научных трудов. Вып. 14. Калининград, 1989. С. 29.

Во-первых, следует развести понятия «связь» и «взаимодействие». По своему объему взаимодействие всегда сводится к связи, однако не всякая связь может быть понята и сведена к взаимодействию. Более того, детерминизм как учение, признающий существование универсальной, всеобщей и закономерной связи всех вещей и явлений и отрицающий существование каких-либо явлений вне этой связи, не сводится к механическому детерминизму, когда связь принимала исключительно характер причинно-следственного взаимодействия. В исследовании отношений собственности следует перейти от механического детерминизма к диалектическому детерминизму, когда признается объективность случайности и ее связь с необходимостью. В отношении детерминации (что следует из самого определения) всегда можно выделить активную сторону – детерминанту – и пассивную – детерминируемое. Но в отношениях собственности как субстанции между ее сущностной стороной (всеобщностью, необходимостью, глубинным основанием) и ее феноменальным уровнем связь не может выражать детерминацию, т. к. это связь различных состояний. Выделять активную и пассивную стороны можно только в отношениях взаимодействия. В то же время и в процессе взаимодействия, когда одна сторона выступает как абсолютно первичное, а вторая как абсолютно вторичное, при переходе к процессу рассмотрения его как некоторой целостности, положение может меняться. Первичное становится вторичным, а вторичное первичным. Подобные выводы не позволяют точно так же выделять абсолютно активное и абсолютно пассивное в процессе взаимодействия некоторого целого. Из этого вытекают, по крайней мере, два важных вывода. Считать, что в самой сущности производительные силы определяют производственные отношения, столь же истинно, как и обратное утверждение: производственные отношения определяют (детерминируют) производительные силы. А так как между сущностью и явлением (в нашем случае между глубинными, сущностными отношениями собственности и их феноменальными отношениями собственности) нет никакого взаимодействия, то, следовательно, между ними и не могут возникать никакие отношения детерминации. Это есть связь различных состояний. Как пишет по этому поводу М. Хайдеггер, причинность действительна лишь в мире феноменов, но не в мире сущностей. Каузальное

познание дает человеку убежденность в верности своих утверждений относительно мира, но такая убежденность опасна ускользанием истинности.

На сущностном уровне собственности как субстанции можно выделить определенную структуру, а именно – структурное отношение производительных сил и производственных отношений, которые находятся во взаимосвязи. Характерным признаком природы взаимосвязи является то, что в сфере сущности единое, конкретное целое оказалось в процессе духовного освоения этого конкретного целого расщепленным. Более того, сама сущность уже есть противоречивое единство дифференцированных сущностей. Взаимодействие внутренне противоречивых дифференцированных сущностей доводится в процессе возвращения к единому целому до понятия самодвижения предметного мира. Предметное противоречие, которое по своей природе есть диалектическое противоречие, со стороны онтологического аспекта свое сущностное бытие приобретает как самодвижение. Сущность собственности как субстанции, как основание всеобщности, свои имманентные формы (самодвижение) может находить онтологически только в единичном. Признавая право на существование такой науки как сущностная онтология, мы, тем не менее, можем утверждать следующее. Субстанция, если она понимается только как всеобщее основание всего бесконечного многообразия предметного мира, т. е. охватывает мир со стороны всеобщности, сущности, необходимости, лишается сама своего объективного бытия. Она есть только мысленная абстракция, в которой свои действительные формы могут находить в мышлении субъекта. Мы отказываем в праве той науке, которая претендует на субстанциальность мышления. Свое объективное действительное бытие субстанция может находить только в своих модусах, а самодвижение – в движении. Тем самым субстанция есть всеобщее основание, взятое в единстве с обоснованным, т. е. внутренним и внешним. Вместе с тем внешнее должно пониматься как внешнее «своего» внутреннего.

Одновременно мы должны доказать, что в своих исследованиях мы исходим из материальных предпосылок. Иными словами, собственность как исходное отношение должна быть взаимоувязана определенным образом с материальным образованием.

Несмотря на очевидную фундаментальность понятий «материальное» и «идеальное» в современной материалистической диалектике теоретический спор о природе идеального, способах его бытия в последние годы разгорался с новой силой в работах Д.И. Дубровского, Г.Н. Вилеева, А.М. Коршунова, А.Е. Мамардашвили, А.Н. Леонтьева, Ю.В. Орфеева, В.И. Толстых, В.С. Тюхтина, Н.А. Пономарева, А.Г. Спиркина, Э.В. Ильенкова и др. Не давая критического анализа различным теоретическим концепциям, мы только отметим две наиболее отчетливо противостоящие точки зрения – Э.В. Ильенкова и Д.И. Дубровского.

У Э.В. Ильенкова идеальное есть представленная в вещи форма общественно человеческой деятельности. Другими словами, идеальное бытийствует в вещи. Непосредственно здесь лежит одно из больших заблуждений, суть которого раскрывается в том, что сугубо *гносеологические категории насильственно* онтологизированы. Идеальное растворено в материальном.

Д.И. Дубровский очень четко проводит мысль о том, что идеальное существует только в человеческом создании. Однако и он допускает ошибку в том, что абсолютизирует различенность материального и идеального. Ссылки на цитаты К. Маркса о том, что идеальное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней, положение не спасает, так как не объясняет механизм превращения материального в идеальное. Это же в полной мере относится и к известной мысли В.И. Ленина об относительной различенности объективного и субъективного.

Познание, остановившееся на данном уровне, превращает эти глубокие и чрезвычайно важные фундаментальные категории по своей значимости мысли в пустые, тощие абстракции. Материя не должна отождествляться с материальным. Материя есть диалектическая противоположность идеального.

Следовательно, производственные отношения не должны рассматриваться как часть мира, они не могут находиться в мире как некий объект наряду с производственной деятельностью. В то же время, производственные отношения есть реальность, но реальность субъекта, в формах, в которой дан один из противоречивых моментов единого диалектического целого.

Поэтому Э. Гуссерль прав, когда в «Логических исследованиях» пишет: «Явления вещи не есть являющаяся вещь (противостоящая нам, в своей самости). Мы переживаем явления как принадлежащие феноменальному миру. Сами явления не являются»¹⁰.

Поэтому, если в качестве исходного в теории трудовой стоимости, например, берется абстракция – абстрактно всеобщий труд, – то и вся теория, если не сделать необходимые дополнения, может стать предельно абстрактной, умозрительной схемой знания, больше напоминающей результат второго деяния Иуды Фомы, построившего дворец на небесах для царя Гундофара.

В наших исходных посылках собственность первоначально выступает как вся совокупность материальных условий человеческого бытия, более того, вся эта совокупность есть бытие человека для другого человека. Эти предпосылки материальны, они существуют независимо от того, осознает человек их или нет. Сам человек противостоит данному предметному миру. Сущностной характеристикой этого материального мира является его наблюдательность, его отражаемость в сознании человека.

При всей важности теоретических исследований проблем идеального, осуществленных философами, мы выскажем свой взгляд на природу становления материального идеальным в процессе материального производства.

Как нам представляется, наиболее глубоко «схватил» эту проблему превращения материального в идеальное Г.В.Ф. Гегель в своей итоговой работе «Философия духа». В знаменитом параграфе 445 Гегель писал, что формальный ход развития интеллигенции проходит три этапа: «Первоначально интеллигенция имеет непосредственный объект; далее, во-вторых, некоторый в самое себя рефлексированный, приобретший внутренний характер материал; наконец, в-третьих, некоторый столь же субъективный, сколь и объективный предмет. Так возникают три ступени: а) знание, относящееся к непосредственному единичному объекту, имеющее как бы материальный характер, или созерцание...»¹¹.

¹⁰ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1 // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. С. 287.

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. С. 267.

Естественно, материалист в этом пункте отбросит излишнее «как бы» и скажет, что чувственное созерцание служит отражением внешних для психики материальных вещей. Различие между объективным и субъективным есть. Оно, т. е. это различие, и относительно, и абсолютно. Оно относительно к деятельности. На это наводит одна бесконечно глубокая мысль Г.В.Ф. Гегеля из недавно опубликованного наследия. «Абсолютное противоречие противоположностей должно оставаться, объединение обоих редуцируется до объединения в общем понятии деятельности»¹².

Мы считаем глубоко научно обоснованными теоретические выводы крупного ученого биолога и философа Макса Гартмана о том, что следует помнить и осознать ту грань, где различие между материальным и идеальным, между объективным и субъективным абсолютно. Эта грань лежит в сознании, отражающем материальный мир в своих понятиях.

Все остальные уровни есть процесс становления понятия, есть процесс деятельности как единство объективного и субъективного. Далеко не случайно, что представление, по взглядам Г.В.Ф. Гегеля, уже не есть ни нечто объективное, ни нечто субъективное. Оно как бы лежит в этих двух сферах.

Следовательно, наши исходные предпосылки материальны, а сама теория отмежевывается от умозрительности и спекулятивности.

Предупреждая возможные возражения, мы заметим, что собственность как наличное бытие всей совокупности материальных условий человеческого бытия первоначально еще не выступает как субстанция. Первоначально она субстанция «в себе». Она есть конкретное материальное целое. Поэтому, когда К. Маркс и Ф. Энгельс пишут о субстанции как о совокупности, как о сумме капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное и которое есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде «субстанции», то следует оставить ту иронию, которую придают классики понятию «субстанция». *(Мы усматриваем в том, что «субстанция»*

¹² Гегель Г.В.Ф. Различия между системами философии Фихте и Шеллинга в соотнесении с работами Рейнгольда, имевшими целью облегчить обзор состояния философии в начале XIX столетия // Кантовский сборник: межвуз. темат. сб. научных трудов. Вып. 14. Калининград, 1989. С. 130.

заклучена в кавычки). Это и есть действительная основа, материальная реальность¹³.

В последующем творческие потенции сознания будут расщеплять это единое диалектическое целое. Материально-содержательное будет становиться духовно-содержательным. Те авторы, которые очень просто разрешают проблему, объявляя материальное как содержание, а идеальное как форму, просто не видят, что между их «содержанием и формой» лежит пропасть. Г.В.Ф. Гегель пытался преодолеть то, что абсолютно развел Р. Декарт и И. Кант, объявив тождество бытия и мышления. Однако его бытие есть само мышление, а не материальное бытие.

Те авторы, которые некритически берут на вооружение тезис о том, что суть диалектического познания заключается в раздвоении единого и познании противоречивых сторон его, допускают ошибку. Природа материального объекта может быть отражена как противоречие двух тенденций только очень и очень приближенно, огрубленно, а, следовательно, и неистинно. Внутренний мир материального мира точно так же богат, как и его материальное содержание. Понять его со стороны раздвоенности можно только поверхностно. Истинное есть целое. Но целое есть только сущность, завершающаяся через свое развитие. *Расщепление на множество (а не раздвоение) внутренне противоречивой природы наличного бытия позволяет нам познать бесконечно богатую внутреннюю природу собственности.*

На этом этапе собственность познается как диалектическое внутреннее единство со стороны дифференцированных сущностей. Каждое отдельно взятое есть только одностороннее отражение материального мира. Это духовно содержательное единство не может стать субстанцией, вернее, мы считаем этот уровень недостаточным. Субстанция, как материально-духовная субстанция, т. е. деятельность, может быть принята нами только тогда, когда она составит синтез конкретно-чувственного наличного бытия и ее сущности, т. е. как действительность.

Попытка представить собственность как действительность была предпринята в исследованиях Т.А. Мшвидобадзе. Развивая его плодотворную, как нам представляется, идею о диалектическом

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 37.

целом, мы одновременно заметим следующее. Собственность как субстанция не может быть сведена только к единству производительных сил и производственных отношений. Она есть целостность не только производственных сил и производственных отношений, но всей совокупности правовых, нравственных, религиозных и других атрибутов. В противном случае, моменты абстрактности в исходном не преодолеваются. Взятые нами исходные предпосылки нашей теории становятся, таким образом, простой абстракцией, которая есть абстракция от самого обыденного, лежащего на поверхности бытия материальных условий жизни индивидов. Как наличное бытие оно содержит в себе все свойства отношений собственности. Оно массовидное, оно исторически и логически первичное, т. е. исходное.

Вся история человечества есть история воспроизводства материальных условий жизнебытия человека. Следовательно, мы в нашем исследовании в качестве исходной абстракции категории, ее выражающей, берем отношение людей к природе в процессе воспроизводства его собственных условий существования. Но так как данное воспроизводство осуществляется в обществе и посредством общества, то данное отношение людей к природе уже содержит в себе «свое иное», т. е. отношение между людьми. Таким комплексным отношением может выступать отношение собственности, которое, однако, нами берется несколько шире, чем это описывается в учебной и научной литературе. Отношение собственности берется как исходное и основное отношение. Именно оно в нашем исследовании составляет ту форму, которая содержит в себе все противоречия экономической жизни, и которые из нее развиваются. В этом исходном отношении, как отношении воспроизводства человеческих индивидов, заложены противоречия системы ее последующих форм, т. е. содержатся «зародыши» будущих потенциально включенных, развивающихся противоречий.

Из этих отношений собственности, как материальных условий, вытекают возможность и необходимость духовного воспроизводства индивидов. Последнее, хотя и есть различное в целом, но не может рассматриваться в отрыве от первого. В своей целостности их развитие есть само становление отношения собственности как тотальности. Оно разворачивается во всем многообразии

качественных и количественных характеристик. Поэтому собственность может быть в той мере не абстрактно всеобщим определением этих взаимосвязей, в какой исходное отношение, определено как содержательное отношение.

Тем самым отношение собственности является самым первым и простейшим отношением. Вряд ли можно предположить, что могут складываться какие-то иные, более ранние отношения, чем отношения по воспроизводству материальных условий жизни человеческих индивидов. Данное отношение есть не только исходное, первичное отношение, но и самое всеобщее отношение, которое лежит в основе всей системы экономических отношений как его развившихся форм. Более того, каждое отношение в сфере материального воспроизводства условий жизни человеческого индивида можно рассматривать как форму проявления основного экономического отношения – отношения собственности, как развивающийся результат, как момент всеобщности, тотальности.

Подводя некоторый итог нашему исходному положению, мы можем утверждать, что собственность, понимаемая нами подобным образом, предстает как субстанция всей многообразности явлений экономической реальности, как всеобщее основание (сущность) в единстве с формами своего «осуществления», т. е. как действительность. Наш отход от традиционных определений собственности был вызван проблемами «существования» отношений собственности, когда последняя соотносилась либо с системой производственных отношений, либо с их «ядром», основой, либо с отдельным производственным отношением. Эти проблемы стали теоретически неразрешимыми в границах прежних взглядов на отношения собственности, когда в исследованиях практически игнорировался онтологический аспект.

В нашем понимании онтология как наука об определениях сущего, как наука о всеобщих законах природы, общественного бытия человека есть диалектический материализм. Мы считаем необходимым дать сначала критический анализ понимания собственности с точки зрения онтологии. Это позволит нам выявить те серьезные теоретико-методологические изъяны, которые характерны для некоторых традиционных концепций в сегодняшней политэкономической науке.

Онтологический аспект в исследовании отношений собственности фиксирует вопросы существования, формы бытия, а именно: что существует в действительности, в какой форме исследуемое нечто «бытийствует», как и почему оно существует именно в этой форме. Теория познания (гносеология) отношений собственности выражает вопросы отражения, нашего знания собственности, отвечает на вопросы об адекватности нашего знания собственности как объекту. Не впадая ни в «чистый онтологизм», ни в «чистый гносеологизм», мы заметим следующее. Отношения собственности существуют как объективно, т. е. вне нашего сознания, так и субъективно, т. е. в человеческом сознании, или идеально. Но, существуя в нашем сознании, они реальны, т. е. действительны для познающего субъекта. И для последнего от этого их роль несколько не становится менее значимой. Следовательно, речь необходимо вести о формах бытия объективной реальности и ее субъективного образа. Тем самым, проблема своими корнями уходит в вопрос существования материального и идеального.

Для познающего, ощущающего субъекта материальное становится фактом осознания последнего. Материальный мир, как мир вне нас, чувственный мир. Последнее же есть процесс и результат взаимодействия «мира вне нас» с нашим внутренним идеальным миром. В результате последний становится уже как «мир для нас». Бытие, существующее вне нашего сознания, может быть только как неосознанное нами бытие. «Мир же для нас» есть не что иное, как мир, получивший в нас свое осознание, или осознанное бытие. Форма бытия этого мира есть мир идеальный, а именно, отражение наличной объективной действительности или проект будущей объективной действительности. В то же время этот идеальный мир есть отражение и проект самого себя, ибо сознание рефлексивно включает самоотражение, непременно связанное с отражением внешнего мира материальных объектов¹⁴. Следовательно, понятия «объективная реальность» и «материальная действительность» по своему содержанию тождественны, т. к. даже тогда, когда для нас предмет есть идеальный образ другого субъекта, мы его можем познавать только через его материальные проявления.

¹⁴ Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983. С. 20, 21.

Производственные отношения, в которых раскрывается сущностный уровень понятия собственности, представляют собой абстракцию не только от конкретно-чувственной формы производственных связей (это необходимый, но недостаточный момент абстракции), а от второй стороны этого сущностного отношения – производительных сил. Поэтому возникает вполне правомерный вопрос о форме бытия производственных отношений, а, следовательно, сущностного уровня собственности. Те авторы, которые усматривают отношения собственности в отдельном производственном отношении, в системе производственных отношений, либо в «ядре» всей системы производственных отношений, и трактующие собственность как некоторое объективное, материальное «нечто», чтобы быть последовательными в своих теоретических выводах, должны тем самым допустить существование вне сознания некоторых объективных абстракций, идей. Тем самым их материализм на словах вольно или невольно превращается, в лучшем случае, в объективный идеализм. Мы же, в свою очередь, отстаиваем ту точку зрения монистического диалектического материализма, что никакие абстракции вне человеческого, индивидуального сознания существовать не могут. Свою форму бытия сущностный уровень собственности может находить только в субъективном, индивидуальном сознании. Независимое, объективное бытие производственных отношений вне единичного есть бытие «на языке», словесное бытие, химера.

Объективными могут быть только материальные образования, т. е. средства производства, формы организации труда, люди с умениями и навыками к труду и т. д. Наконец, объективно существуют теоретические концепции, идеи, теоретические взгляды, которые объективированы в воззрениях, школах, монографиях, научных статьях и прочих формах материального представления. Только в процессе познания объективно-чувственный образ последних в результате творческих функций самого процесса познания расщепляет это духовно-конкретное целое, познает противоречие стороны этого конкретно-духовного целого, последние, например, производственные отношения, начинают представляться познающему субъекту как нечто существующее реально объективно, как некая самосущая реальность, существующая вне нашего сознания. Отмеченный, таким образом, недостаток метода исследования лежит, как нам

это представляется, в односторонности метода исследования, в игнорировании онтологического аспекта исследования собственности.

Все сказанное относится и к понятию «производительные силы». Последние находят свое сущностное определение как отношение человека к природе в процессе ее производительного присвоения. Представляет интерес следующее положение: существуют ли производственное отношение и производительные силы как рядоположенные, как две самосущие реальности, либо это есть одно отношение, которое, однако, есть диалектическое противоречие. Мы считаем, что производственные отношения следует рассматривать как инобытие на сущностном уровне производительных сил. Производственное отношение содержит в себе свое собственное внутреннее отрицание. Более того, они представляют собой конкретное тождество, содержащее различие, которое развивается в противоположность. Ни производственные силы, ни производственные отношения не обладают независимым друг от друга материальным, объективным существованием. Свое единство в сущности они находят в содержании понятия – «экономические отношения». В результате логично следует вывод о том, что взятые в отдельности производительные силы или производственные отношения не обладают субстанциальным содержанием. Они есть идеальные образы сущностного отношения собственности. Свое независимое друг от друга бытие как производительные силы, так и производственные отношения находят только в сознании. Если же наделять производственные отношения свойствами материального, то это теория, если быть до конца последовательными, приведет к признанию субстанциальности сознания. Следовательно, производительные силы и производственные отношения должны рассматриваться как дифференцированные сущности собственности как субстанциального отношения. Свое материальное бытие они находят только в единичном, т. е. в непосредственных производственных связях, которые всегда чувственно-объективны для познающего субъекта. Производительные силы – это столь же однопорядковая категория, что и производственные отношения. Каждая из этих категорий выражает сущностные отношения собственности, но лишь односторонне: либо со стороны отношения людей к природе в процессе ее производительного отношения, либо со стороны отношений между людьми. Первая группа отношений

есть отношения людей как производителей, вторая – общественная их форма.

Данный метод исследования отношений собственности позволяет рассматривать одну сторону, но одновременно в мышлении «схватывать» и другую сторону. Тем самым собственность предстает как комплексное образование, как единство различных сущностных определений, как отношений диалектических противоположностей, когда ни одна сторона не имеет своего реального существования на феноменальном уровне в отрыве от другой стороны. Производительные силы на сущностном уровне есть производственные отношения, но выраженные как отношения людей к природе, и наоборот, производственные отношения есть опосредованная общественная форма сущностного выражения производительных сил.

Действительной же формой бытия отношений собственности, как мы отмечали это несколько ранее, становится вся совокупность материальных условий жизнедеятельности человека, посредством которых он воспроизводится как общественный индивид: средства производства, природная среда жизнеобитания, которая дана вместе с самим существованием человека, определенные конкретно исторические формы организации производства и труда, другие формы материального общения и связей, через которые осуществляется процесс движения, реализации отношений собственности. Последнее есть процесс материального воспроизводства общественного индивида. Собственность, как целостность (как субстанция), представляет, таким образом, единство сущности (диалектическое единство производительных сил и производственных отношений) и форм его «существования», что имеет место в процессе материального производства.

Это позволяет раскрыть механизм движения производства, диалектику производительных сил и производственных отношений, а, следовательно, истинные источники и движущие силы способа производства. Большое число теорий о характере взаимодействия производительных сил и производственных отношений в своих исходных посылках исходят из самого факта взаимодействия между ними, однако это взаимодействие уже определенно детерминировано. Для большинства этих теорий характерен поиск некоторого механизма взаимодействия в производительных силах

и производственных отношениях. Начинают изыскиваться различные опосредующие формы производственных отношений, как, например, формы, выполняющие роль неких «пограничных слоев» между производительными силами и производственными отношениями, а также между производственными отношениями и надстройкой.

Теоретически мы не можем согласиться с подобной метафизической трактовкой диалектической взаимосвязи между производительными силами и производственными отношениями. Данные отношения не выводятся в теории из исходного или основного отношения как из субстанции, а просто берутся как данные, которые следует принять, а в методе исследования властвует принцип – объяснить неясное через более неясное. В результате реальные связи экономической действительности подгоняются под созданные умозрительные схемы.

Полагая собственность как субстанцию, мы, тем самым, полагаем ее всеобщим основанием в построении всей целостной системы категорий и понятий политической экономии. Одновременно собственность выступает как исходный пункт теоретического исследования производства, как способ ее бытия, как способ ее движения. В итоге достигается тот факт, что вся противоречивость внешних и внутренних форм экономической деятельности постигается с точки зрения их внутреннего единства, их природной общности.

Собственность, как субстанцию (в том числе и ее любую форму собственности), следует раскрыть со стороны ее субстанциальных свойств, субстанциальных отношений и субстанциальных законов. Собственность как субстанция всей бесконечности связей и явлений экономической реальности, обладает присущими ей важнейшими атрибутами, а именно: всеобщностью, существенностью и внутренней активностью. Субстанция, лежащая в основании всех явлений и выражающая их всеобщность, может и должна выражать сущность всех конкретных явлений действительности. Собственность, с одной стороны, не растворяется в феноменах экономической реальности, с другой стороны, она и не существует где-то рядом с явлениями экономической жизни.

Внутренняя активность собственности, как имманентного атрибута субстанции, проявляется в том, что собственность рассматривается нами в своем внутреннем единстве структуры и форм движения (изменения) структуры. Так, субъективированная сущность

собственности есть труд, присвоение, который, в свою очередь, есть проявление человеческой деятельности. Последнее же неотделимо от самого работника с его потребностями и интересами в условиях своего труда, продуктах труда других членов общества. «Осуществление» собственности как процесса жизнебытия индивида позволяет рассматривать ее как субстанцию-субъект. Для нас субстанция не просто материя вообще. В нашей концепции субстанция есть материальный мир человека, сам человек как ее бесконечный модус, когда **материальный мир достигает своей субъективности в человеке**. Субъективность материального мира возникает только там и тогда, где и когда бесконечный модус, как проявление единичного и особенного формообразования, качественно и сущностно выходит за границы своего прежнего бытия. Это становится возможным только тогда, когда атрибуты субстанции превращаются в атрибуты собственного бытия этого бесконечного модуса, или человека¹⁵.

Становление человека как человека есть, собственно, процесс превращения человека на объекта своей истории в субъект исторической действительности. Этот процесс есть одновременно и процесс становления самой субстанции. Переход от адаптивного существования, что характерно для далеких предков человека – обезьян, – к формам адаптивно-субъектного бытия, и, наконец, к человеку как субъекту – это есть иное выражение процесса становления собственности как субстанции-субъекта. Как только прекращается первоначальное животное состояние, собственность человека на его окружающую природу всегда опосредуется его бытием в качестве члена общины, семьи, рода и т. д. его отношением к другим людям, которые обуславливают и его отношения к природе¹⁶.

Делая всеобщими определениями своей предметной деятельности универсально-всеобщие определения атрибутов субстанции, субъект наследует и атрибут креации, порождение нового. Креативная логика Универсума шаг за шагом становится собственной логикой, креативной по самому существу своей предметной деятельности¹⁷. Материальное производство есть, таким образом,

¹⁵ Диалектическая логика: Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 499.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 3. С. 391.

¹⁷ Диалектическая логика: Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 506.

неотъемлемый атрибут собственности, ее способ существования, бытия. Данное положение позволяет рассматривать нам собственность как процесс, как процессуальное отношение. Собственность обладает внутренней активностью, что на поверхности экономической реальности проявляется как непосредственные интересы производителей в своем собственном расширенном воспроизводстве. Сам же субъект отношений собственности может воспроизвести себя только таким образом, что он воспроизводит условия бытия для другого. Само же его бытие, его жизнь есть для него закон.

В условиях оформленных отношений всеобщее-общественной (социалистической или коммунистической) собственности субъект отношений, т. е. субъект всех изменений и проявления собственности как субстанции (сопроизводитель – он же и собственник), хотя и наделен соответствующим сознанием и волей, тем не менее выступает как форма ее саморазличия, как ее представитель. Он не может рассматриваться нами как существующий вне этого субстанциального отношения собственности. Из этого следует важный вывод о том, что все отношения по поводу присвоения материальных условий воспроизводства включены в отношения собственности как субстанции.

Интерес по своему собственному расширенному воспроизводству не привносится как бы извне, трансцендентно. Он по своей природе вытекает непосредственно из самой собственности как субстанции-субъекта, формируя ее внутреннюю активность. Можно сделать вполне определенный вывод о том, что собственность по своей глубинной сущности есть выражение диалектического противоречия со всеми ее имманентными атрибутами, а именно: взаимным полаганием противоположных моментов противоречивых связей, взаимоотрицанием, взаимопроникновением и внутренним опосредованием диалектических противоположностей. Поэтому К. Маркс не допускал никакой двусмысленности, анализируя отношения собственности в процессе ее становления. Момент целостности есть в то же время, в том же отношении «инобытие» другого, и наоборот, ***каждая из сторон ее, т. е. целостности, может восприниматься лишь в абстракции от другой и от своего чувственного образного представления.*** Можно полагать, что одна из этих сторон, например, общественная форма отношений людей к природе в процессе

ее продуктивного присвоения, выражается всей совокупностью производственных отношений, т. е. собственностью как общественной формой присвоения. Вторая сторона собственности как целостности выражает отношения людей к природе. Эта сфера отношений собственности лежит уже в сфере производительных сил. Само производство выступает как форма реального, действительного присвоения людьми условий своего собственного существования. Эти парные категории соотносятся с непосредственными производственными связями как соотносится сущность со своим явлением.

Дифференцированная сущность собственности в нашем понимании есть одно из противоречивых определений собственности как диалектического целого. Тем самым производственные отношения и производительные силы есть односторонние, абстрактные выражения, продукт активного творческого сознания. Здесь противоположности как дифференцированные сущности, становятся себе тождественными. Свое сущностное бытие они находят в форме инобытия другого, как «свое в ином», как момент диалектического целого. Познание диалектического целого как дифференцированных сущностей есть сфера диалектического, или отрицательного, мышления. Последнее есть необходимый, но недостаточный момент, наряду с рассудочным и спекулятивным, или положительным, познанием предмета.

Становится явным недостаточность подхода, подвергнутого нами критике, что производительные силы следует рассматривать в единстве с производственными отношениями. Познание собственности как субстанции позволяет понять, что производственные отношения становятся лишь односторонним сущностным выражением отношений собственности как комплексного отношения. Производительные же силы при этом становятся содержанием этой общественной формы.

Подобное понимание собственности как комплексного отношения, к сожалению, не получило своего исследования в политэкономической и философской литературе. Часто собственность рассматривалась односторонне. Более того, полностью исключалась возможность взгляда на собственность со стороны производительного присвоения, т. е. со стороны производительных сил.

Основной методологический изъян многих встречающихся концепций собственности вообще заключается, на наш взгляд, именно в том, что выпячивается какая-то одна сторона этого сложного комплексного отношения. В результате неизбежен тот вывод, что все эти различные определения предстают как бы изолированно, в своей абстракции от других ее сущностных определений. Тем самым мы наталкиваемся на противоречия в определении собственности. Данное противоречие в определении лишь фиксирует внешним образом тот простой факт, что собственность есть само противоречие в сущности. Различные же ее определения односторонне выражают в мышлении это противоречие, но не разрешают его. Это указание на то, что мы подошли к сущностному пониманию противоречия самой собственности.

Само существование противоположных определений собственности не есть какая-то аномалия в мышлении, нарушение его формальных операций. В противном случае может наблюдаться отрыв формы от содержания, разрушается естественное диалектическое единство противоположностей в мышлении.

Собственность как волевое отношение, как отношение людей к условиям материального производства как к своим, есть лишь рефлексия этих материальных объективных отношений, без которых они не более как иллюзия в головах юристов и некоторых экономистов. Следующая и, на наш взгляд, самая важная теоретическая несостоятельность подобного одностороннего понимания собственности заключается в том, что основанные на нем концепции не приводят к понятию собственности как причины самой себя, как субстанции. Тем самым остаются в тени источники и движущие силы развития отношений собственности. И если о последних и ведется речь, то они, тем не менее, не могут быть выведены из самих себя. Более того, они как бы «пристегиваются» к отношениям собственности и ее движущим формам. Понять собственность в единстве со своими имманентными источниками и движущими силами развития можно, на наш взгляд, только поняв ее как субстанцию, как причину самой себя.

Поэтому все приведенные определения собственности, взятые в своей обособленности, абстракции, дают лишь необходимую, но недостаточную дефиницию собственности. На данном уровне

познания социалистическая собственность выступает как *абстрактно всеобщая* категория. Различные ее определения как бы равнодушно существуют друг с другом, не обнаруживая своего внутреннего единства, не говоря уже о том, что собственность в данном понимании не выступает как субстанциальное начало, несущее в себе свое развитие и свое внутреннее отрицание.

Безусловно, данная ступень познания отношений собственности является необходимой. Однако с этим можно согласиться только для первого уровня экономического мышления. Политэкономы, которые в своих спорах исходят в признании своих определений, исключаящих все другие противоположные определения, стоят на односторонних позициях. Для этого уровня мышления достаточно его рассудочной формы. Это исходит из того, что согласно природе конечных определений, они следуют одной из противоположностей. При этом одно из определений должно быть истинным, а другое ложным. Эти односторонние определения собственности удерживаются в их изолированности, в оторванности, в абстракции, а все определения данного типа не выходят за пределы определений рассудка, т. е. за пределы абстрактных определений собственности. Но подобные определения собственности не имеют по своему существу значимости истинности в сфере абстрактной всеобщности.

На данном уровне определения собственности не выражают противоречия. Приводимые различные определения предстают как безразличные друг к другу. И хотя они противоречат друг другу, по существу, они различенные лишь внешним образом определения. Попытки избежать противоречий только обедняют теорию, делают ее бессодержательной и пустой.

Собственность, представляемая уже как диалектическое единство отношений между людьми и природой в процессе ее производительного присвоения, опосредованное отношение между людьми, есть выражение собственности как конкретно всеобщей формы производства материальных условий человеческого бытия. В данном случае это отношение людей к природе в процессе ее производительного присвоения, а также сама общественная форма присвоения выступает не как рядоположенные, независимые и изолированные определения, а как равнозначные определения одной и той же сущности – собственности. Каждая из ее сторон раскрывается через свое

опосредование. При этом опосредование выступает уже не как внешнее опосредование, а как внутреннее опосредование, т. е. опосредование в самой сущности.

Собственность как конкретно всеобщая форма производственных связей есть сторона особенности. Однако в данном случае она не только рассматривается в своей всеобщности, не только относительно всей совокупности производственных связей, но и ставится к системе отношений других единичностей. На этом уровне познания собственности последняя раскрывается в своих взаимосвязях к другим единичностям, а именно явлениям в сфере производительных сил, а также явлениям в сфере форм общественной связи. Тем самым мы получаем конкретную, или специфическую, всеобщность всей совокупности производственных взаимосвязей. На данном, более высоком уровне абстракции, собственность не просто выражает некоторую общность отношений между людьми как производителями или как собственниками. Например, их формальное равенство к средствам производства в условиях социалистической формы собственности как формально равных собственников не есть их формальное абстрактное тождество внутри социалистически или корпоративно ассоциированного сообщества, а конкретное целое всех этих феноменов. Конкретно всеобщее единство всей совокупности производственных взаимосвязей корпоративных или социалистических сопроизводителей и собственников уже есть не их абстрактное тождество, а единство, включающее в себя различие, развивающееся в противоположность.

На конкретно всеобщем уровне собственность как субстанция раскрывается как сущность всего материального производства условий жизненного бытия людей. В этом случае, как мы полагаем, сущностное определение собственности раскрывается в одном, но очень важном ее аспекте, а именно в аспекте «тождества», внутреннего единства всех многообразных форм ее движения, всех возникающих и исчезающих в этом движении различий и противоположностей. Собственность, выраженная как субстанциальное отношение, есть одновременно всеобщая форма существования материального производства.

Здесь собственность не нуждается уже ни в каких внешних побудительных причинах для своего существования. Будучи взятая

как некоторая целокупность отношений людей к природе в процессе ее производительного присвоения и к самим себе, вся эта система отношений получает различные формы своего отражения в нормах права, этики, морали, нравственности, в религиозном сознании. Здесь все формы ее рефлексии порождены собственностью как причиной, производящей все недостающие ей, как целостности, определения.

Собственность как совокупность всей системы производственных отношений и собственность как совокупность отношений людей к природе в процессе ее производительного присвоения должны рассматриваться как моменты всей целостной системы отношений людей по производству материальных условий своего собственного бытия. Одновременно они должны рассматриваться как различные определения собственности как субстанции. Собственность предстает, таким образом, как всеобщая и конкретная форма взаимосвязей людей, как некоторая целостность, как систематизированная тотальность, «совокупность целого», «органическая система», конкретная целостность¹⁸.

Собственность как конкретно всеобщая форма выражения производственных связей выступает основой всей материальной деятельности, ее предпосылкой и одновременно результатом. Производство общественного индивида есть предпосылка, сама деятельность, условие и результат. Оно сразу выступает как естественное отношение, и в то же время, как общественное. Собственность, следовательно, можно выразить как субстанциальное отношение, которому имманентны его атрибуты. Через атрибут субстанция выявляет свою сущность, следовательно, специфика атрибута есть сущностная определенность субстанции, с потерей которого исчезает и сама основа.

Но атрибутами собственности являются в том числе и вся система производственных отношений, производительных сил, т. е. экономическая структура, а также формы движения собственности. Считать, что сущность собственности может быть выражена только в каком-то одном производственном отношении, вряд ли теоретически состоятельно. Например, в собственности всего общества на средства производства. Нам представляется, что подобное понимание сущности собственности будет выражать глубинную

¹⁸ Кайдалов В.А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. С. 24.

черту, но это будет крайне бедное выражение. Более того, даже отождествление сущности собственности со всей совокупностью производственных отношений есть одностороннее выражение сущности социалистической собственности. Это есть не более как дифференцированная сущность.

Другой атрибут собственности раскрывается в отношении людей к материальным условиям производства, через отношения реального присвоения природы, т. е. сферу производительных сил. Сущность, например, корпоративной или акционерной, собственности, как целостности, есть диалектическое единство имманентных ее атрибутов: производительных сил, производственных, надстроечных отношений, взятых в своей специфической форме, а также институтов.

Производительные силы становятся, таким образом, объектом, который входит в предмет политической экономии. Кроме того, из этого вытекает, что любая форма собственности представляется более содержательным понятием. Отношения общественной или корпоративной собственности на средства производства при всей важности этого производственного отношения в структуре отношений как формы присвоения есть только одна сторона, один момент сущности как целостности отношений людей в процессе производства материальных условий их собственного бытия.

Выдвинув подобное положение о природе собственности, мы, вместе с тем, полагаем, что дифференцированная сущность собственности – производительные силы – ни в коей мере не тождественны средствам производства, самим работникам. Под производительными силами, как нам представляется, следует понимать не сами факторы производства, а выражение их со стороны сущности, всеобщности и необходимости, как выражение людей к природе в процессе ее производительного присвоения. С самими же факторами производства производительные силы соотносятся, как сущность соотносится с своим явлением. Бытием производительных сил и производственных отношений на феноменальном уровне являются сами производственные связи материального способа производства. Не существует в природе каких-то отдельных отношений собственников и отдельных отношений между людьми как производителями. Есть единая противоречивая целостность производительных сил и производственных отношений – производственная связь.

Данная концепция позволяет преодолеть то положение в теории, согласно которому производственные отношения и производительные силы рассматриваются как две субстанции с независимыми друг от друга атрибутами. В результате возникали непреодолимые препятствия в выработке теоретического образа механизма взаимодействия между ними. И хотя даже на уровне рассудочного мышления, производительные силы и производственные отношения мыслятся как независимые определения одной и той же сущности, тем более нельзя мыслить существование каких-то пограничных отношений, которые в то же время есть только производственные отношения. Данный подход не только метафизичен, так как производительные силы и производственные отношения мыслятся как порожденные разными генетическими ветвями, но и эклектичен, ибо даже не предполагается их диалектического перехода. Когда исследуются отношения собственности на ее сущностном уровне, выражение всеобщности производственных связей может быть дано производительными силами, производственными отношениями. В противном случае, это будут только абстракции в самой сущности. Вместе с тем нельзя не заметить, что само понятие «производительные силы» наполняется существенно другим содержанием, чем это дается в учебной и научной литературе.

Метод исследования собственности как субстанции позволяет представить отношение собственности не только на различных уровнях – сущностном и феноменальном – но и представить ее как структурное отношение, как отношение – процесс, как процессуальное отношение. Только в моменте внутренней различности можно, как нам представляется, уловить намеки на осуществление принципа самодвижения. ***Данный принцип в собственности, как субстанции, осуществляется как принцип самовоспроизводства общественного индивида.*** Если не осуществить последнее, то собственность может быть представлена как гомогенное образование, лишенное структурной оформленности. А так как человек становится модусом собственности как субстанции, то источники и движущие силы самовоспроизводства общественного индивида не следует искать где-то вне собственности как субстанции. Они заложены в самом бытии общественного индивида. Тем самым собственность,

как субстанция, есть источник своих собственных изменений, причина самой себя.

Проблема исследования собственности перемещается, таким образом, в область исследования структурно-функциональных, а также в сферу функционально-генетических связей, что позволит выявить внутреннюю организацию связи жизненного процесса общества, его действительную «физиологию». В собственности, как мы показали выше, полагается ее структурная оформленность. Производительные силы и производственные отношения представляются как важнейшие подструктурные образования собственности. Каждая из таких структур, например, производственные отношения, сами есть сложное структурное образование. Это в полной мере относится и к производительным силам, которые оформляются в соответствующие подструктуры производительных сил общественного труда.

Данная характеристика собственности, как субстанции, обуславливает необходимость исследования не только сущностного, но и внешнего уровня. Собственность должна быть выражена в своих, имманентных только ей, формах движения и реализации. Но такими формами движения отношений собственности могут быть только внешние формы ее осуществления. Способ, каким осуществляет себя собственность, как сущностное противоречие, есть в то же самое время ее процесс движения и реализация.

Вообще, бытие собственности, как субстанции, есть процесс присвоения индивидом предметов природы, своей собственной человеческой сущности и, одновременно, процесс разрешения своего имманентного противоречия собственности – противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Материальное производство условий человеческого бытия, как форма движения и разрешения противоречий собственности, не существует не до, не вне собственности или независимо от нее. Сам процесс расширенного воспроизводства общественного индивида есть процесс формирования нового отношения собственности. В результате изменяется содержание в самих противоположностях, обретается новое качественное единство, в котором «старое» отношение как бы уходит в основание.

Как показал К. Маркс, внешние формы и есть формы движения и разрешения внутренних противоречий товара – противоречия потребительной стоимости и стоимости. Внешними формами движения социалистической собственности становятся, например, различные формы соединения производителя со средствами производства: аренда, коллективный и семейный подряд, малые предприятия, развитие форм самостоятельности производителя, всевозможное становление посреднических форм кооперации, приобретение самостоятельности республиками, автономными образованиями, областями и т. д. Следовательно, выработка на данном этапе экономической реформы форм соединения работника со средствами производства превращается в важнейшую актуальную проблему. Новое отношение разрешает противоречие в самой сущности собственности, формируя качественно измененную структуру, новое структурно-субстанциальное отношение. В описанном нами процессе отражается изменение «напряженности» структурно-субстанциального отношения, но само отношение не исчезает, так как оно всегда есть внутреннее активное, деятельное отношение. Структурный аспект отношений собственности, как противоречия, выявляет уровень его (отношения) напряженности, но не деятельности.

Как нам представляется, значительная доля работ, посвященных исследованию отношений собственности, касалась познания структуры собственности, причем анализировалась в основном общественная форма собственности (присвоения). Сейчас становится ясно, что дальнейшее развитие теории собственности будет идти по пути анализа внешних форм ее, т. е. по пути поиска наиболее адекватного нынешнему состоянию механизма хозяйствования. Субстанциальное понимание собственности позволяет уже не фиксировать связь между явлениями экономической жизни, а раскрывать ее внутренние причины и источники движения. Здесь собственность предстает как действительность, как единство сущности и явления. Это означает, что собственность на ее высшем субстанциальном уровне познания «схватывается» мышлением как единство своей внутренней структуры (как предметное по своей природе диалектическое противоречие производительных сил и производственных отношений), форм их внутреннего взаимодействия, что находит свое выражение в способе производства (присвоения), а также во всем

многообразии внешних форм, т. е. в «отношении» этих внутренних взаимосвязей, внутреннего взаимодействия (механизм хозяйствования во всем многообразии форм присвоения). Собственность предстает, таким образом, как некоторая целостность объекта в единстве со своей внутренней основой, ее имманентными атрибутами (сущностными характеристиками), акциденциями и внешними формами (модусами).

Уровень того или иного научного исследования, в конечном счете определяется тем, в какой мере автору удалось раскрыть внутренние причины развития явления, события, процесса и т. д. Последнее необходимо предполагает исследование и проникновение в сущность явления, раскрытие его внутренней природы во всей его противоречивости. Понимание диалектического противоречия не исчерпывается утверждением о внутренней противоречивости всех объектов материального мира, в том числе и общественных образований. Речь идет о том, чтобы понять диалектическое противоречие как основополагающую взаимосвязь во всех формах движения материи, как внутренний, имманентный источник и движущую силу всего движения и развития. Это может быть достигнуто только при рассмотрении внутренней структуры путем расщепления процесса как единого целого.

Понять объективные законы общественного развития – это, в первую очередь, исследовать и понять основы этого развития, а именно отношения собственности с имманентными ей внутренними противоположностями.

Отношение человека к его собственной деятельности у К. Маркса не есть некое индивидуальное отношение. За фразой «отношение человека к своей собственной деятельности» стоит вполне определенное содержание общественной связи в обществе. Когда человек противостоит самому себе, то, следовательно, ему противостоит другой человек.

Данное отношение работника к самому себе не становится зряшной и бессодержательной абстракцией. Оно есть предметное, действительное отношение работника к другому работнику или не-работнику, противостоящему ему человеку, выступая как продукт, результат, а с другой стороны, как следствие отчужденного труда, внешнего отношения работника к условиям своей жизни и самому себе.

Так, деньги являются продуктом дальнейшего развития отношений частной собственности, сущность которых не в том, что они есть продукт отчуждения собственности, а в том, что они представляются как продукт ее развития. Последнее имеет то важное следствие, что «отчуждается и становится свойством материальной вещи, находящейся вне человека...», та опосредующая деятельность или то опосредующее движение, тот человеческий, общественный акт, в результате которого продукты человека взаимно восполняют друг друга»¹⁹, оказываясь во власти денег, этой опосредующей формы отношений между двумя частными собственниками, человек теряет свою индивидуальность. Одновременно теряется и индивидуальность и продукта труда, а само соотношение продуктов в их денежной форме выражается как отношение между людьми, но уже в скрытой, завуалированной форме. Деньги вызывают то последствие, что человек начинает рассматривать свою собственную деятельность, свое отношение к другим как силу, независимую от него и от других. Таким образом, деньги как продукт развившейся частной собственности, становятся ее отрицанием, выступая сами в форме отчужденной сущности частной собственности, ставшие для нее внешней и отчужденной формой. Однако это следует понимать как одну сторону этого противоречивого процесса взаимосвязи производителей в условиях господства частной собственности. Деньги одновременно и разрешают это противоречия в условиях обнаружившего себя отчуждения и обособленности. Деньги есть инструмент, который снимает это противоречие, по Гегелю.

В результате такого развившегося общественного отношения частная собственность отчуждается от самой себя. Противоречие частной собственности в своем развитии находит такие формы, посредством которых она порождает свое собственное отрицание. Частная собственность переходит в свою противоположность. Она становится «всеобщей частной собственностью».

Общественное отношение всеобщей частной собственности к частной собственности является уже таким отношением, в котором частная собственность отчуждена от самой себя. Сама частная собственность предстает уже не как нечто застывшее, а как постоянно развертывавшийся процесс. И если рассматривать частную

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 18.

собственность как комплексное отношение, то со стороны отношения работника к труду и продукту его труда отчетливо усматривается отделение живого труда от труда накопленного, т. е. в отделении труда от собственности, а с другой стороны – отделение собственника от не-собственника, или отделение работника от не-работника. Развертывается процесс распределения условий производства. Последнее же есть деятельно осуществляющая себя частная собственность.

Возникает, таким образом, теоретический образ живого труда как «субъективной сущности частной собственности» и теоретический образ его противоположности – «объективной сущности» – как объективного труда в качестве продукта отчужденного, «опредмеченного труда». При этом капитал выступает не только как опредмеченный труд в своей непосредственно предметно-чувственной форме существования, т. е. как деньги, как денежный капитал. При этом стоимость рабочей силы становится уже стоимостью обменного на него капитала. Таким образом, понимая частную собственность как диалектическое противоречие, мы можем констатировать, что капитал в то же время есть труд, а труд есть капитал. Каждый есть бытие другого и одновременно, в этом же отношении, есть его отрицание. На данной ступени развития частной собственности капитал и труд есть развившиеся формы. Здесь уже труд «как субъективная сущность частной собственности и капитал, объективированный труд, как нечто исключающее труд, – такова частная собственность как развитая до степени противоречия форма указанной противоположности, а потому как энергичная, побуждающая к разрешению этого противоречия»²⁰.

Собственность на первоначальном этапе своего развития была положена только как присоединение, «присовокупление» продукта посредством собственного труда работника. Затем этот продукт отчуждался в форме обмена. Собственность же на чужой труд, как пишет по этому поводу К. Маркс, всегда опосредована эквивалентом собственного труда. Эта форма собственности всегда представлена в простом отношении так же как экономическая свобода, экономическое равенство. Дальнейшее развитие меновой стоимости коренным образом изменяет эти условия. В результате окажется, что частная собственность на продукт собственного труда несет

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 113.

в себе предпосылки, которые впоследствии разовьются в отделение труда от собственности. В итоге труд будет создавать чужую собственность, а собственность приобретет право командовать чужим трудом. Однако это будет уже качественно совсем другая форма собственности, а именно – частно-капиталистическая. Фактически в России мы сейчас переживаем своеобразный ренессанс института частной собственности. Последняя опять возникла из пепла разрушенной социалистической собственности, подобно тому, как эта метаморфоза удалась птице феникс.

Ф. Энгельс уже в 1843 г. высказывает очень плодотворную мысль о том, что противоречие частной собственности и есть противоречие между трудом и капиталом как продукт раздвоения труда в самом себе. Более того, как только это отделение совершилось, капитал снова делится на первоначальный капитал и на прибыль, т. е. прирост капитала, получаемый им в процессе производства. Ф. Энгельс видит причину этих дальнейших расщеплений капитала в самой природе частной собственности, когда капитал – ничто без труда, без движения.

В полемике с Ж. Прудоном К. Маркс формулирует свое понимание диалектического противоречия, механизма его разрешения, исходя из того, что в каждом обществе производственные отношения образуют некоторое единое целостное образование, которое в своей основе есть противоречивое единство, и ни один член этого единства не может рассматриваться изолированно в отрыве от других членов и всей целостности. Каждый элемент этой противоречивой «целостности» раскрывает лишь какой-то определенный момент, сторону, тенденцию этой целостности в форме экономической категории.

Истинными источниками движения каждого способа производства являются противоречия в самих отношениях производства, которые мы после Ф.Ф. Вяккерера называем предметными противоречиями. Устранить недостатки, присущие всему капиталистическому способу производства, можно, устранив саму основу, на которой покоятся существующие экономические отношения. Но подобное утверждение равнозначно утверждению об устранении самого капиталистического способа производства. Именно с устранением последнего будут устранены и те противоречия, которые характерны для этого способа производства. Противоречия структуры

и противоречия развития образуют внутреннее единство, при этом первые предполагаются последними как развившиеся из самих себя²¹.

В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К. Маркс, исходя из выработанного ранее понимания того, что антагонистический характер отношений собственности определяет все другие отношения в обществе, начинает исследовать противоречия в самой сущности отношений капитала, во всех формах его проявления и «существования». И хотя высказывания о двойственной природе явлений приводились К. Марксом и ранее, именно в этих рукописях была раскрыта природа двойственности экономических явлений производственных связей, т. е. связей процесса присвоения.

Следует, во-первых, развести содержание понятий: «производственное отношение», «производственная связь», «противоречивость и двойственность производственных связей». Нам представляется, что понятие «связь» по своему содержанию богаче содержания понятия «отношение». Последнее есть момент связи, но момент существенный. Он не охватывает всю совокупность содержания, а выражает только ее устойчивый, сущностный момент. Связь же, напротив, охватывает всю совокупность и богатство содержания, что придает ей изменчивости, подвижности. Вместе с тем содержание понятия «связь» не исключает содержание понятия «отношение», а содержит его в себе, как в целостности. Можно, следовательно, констатировать, что содержание понятия «связь» соотносится с содержанием понятия «отношение», как соотносится явление с сущностью. Будучи отражением существенности, устойчивости явления, в нашем случае производственные связи, отношение характеризуется, соотносится со структурой, что позволяет «схватить» в мышлении производственные связи со стороны сохраняющегося в содержании.

Это было различие со стороны аспекта гносеологического. Со стороны онтологии различие лежит в формах их существова-

²¹ Вязкерев Ф.Ф. Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М.: Высшая школа, 1963; Вязкерев Ф.Ф. Современное состояние теории диалектического противоречия и пути ее дальнейшего развития // Противоречие как источник развития: межвуз. сб. Вып. 13 /под ред. Ф.Ф. Вязкерева. Л.: ЛГУ, 1988; Вязкерев Ф.Ф. Структура диалектического противоречия // Вопросы философии. 1964. № 9.

ния, т. е. бытия. Поэтому и сущностное противоречие товара может находить свои формы материального бытия только в действительном материальном процессе производства, в формах материального существования «общественного индивида». Однако здесь внутренняя противоречивость бытия выступает со стороны его двойственного, как бы самостоятельного, обособленного существования, бытия как материального бытия. Следовательно, производительные силы, как и производственные отношения, есть формы сущностного бытия производственных связей, когда последние «схватываются» мышлением со стороны своей внутренней самопротиворечивости. Экономические отношения есть диалектическое единство производительных сил и производственных отношений, однако это есть противоречивое единство в сущности. Экономические отношения есть формы «осознания бытия производственных связей», а не сами связи, а тем более не производственные отношения. Можно, следовательно, утверждать, что вся совокупность экономических отношений позволяет выразить сущностный уровень отношений собственности как экономической категории.

Из этого простого факта, что товар принимает двоякое существование, когда наряду с его натуральной формой существует и, более того, получает некое обособленное существование в форме денег его общественная сторона, К. Маркс делает вывод, что это неодинаковое двоякое существование есть результат развития противоречия самого товара – внутреннего противоречия потребительной стоимости и меновой стоимости.

Если отношения простых товаропроизводителей характеризовались как отношения реального равенства, меру которого определяла стоимость, то развитие товарной формы отразило процесс исчезновения полярных отношений, основанных на реальном равенстве производителей. В дальнейшем полярные отношения начинают воспроизводиться уже как отношения вещей на базисе абстрактного равенства как стоимостей, т. е. как равенство овеществленного абстрактного труда. Данное равенство есть в своей основе уже реальное неравенство. В процессе поляризации различия потребительной стоимости и меновой стоимости товара, заключенные в простой, или случайной, форме стоимости, осуществляются в процессе дальнейшего развития противоположности развернутой, а далее

эквивалентной форме стоимости. В этом процессе отражается отделение труда абстрактного от труда конкретного, что есть предпосылка отделения потребительной стоимости товара, рабочей силы от его общественного носителя – рабочего класса и его подчинения стоимости, т. е. капиталу. Тем самым рабочая сила сама становится товаром. В этом случае обмен уже не просто обмен овеществленного труда на живой труд, а обмен овеществленного труда как стоимости, содержащей в своей потенции прибавочную стоимость, на живой труд, содержащий потребительную стоимость капитала, т. е. потребительную стоимость для самой стоимости.

В том, что рабочая сила стала потребительной стоимостью для самого капитала в его производстве прибавочной стоимости, а для рабочего только стоимостью его рабочей силы, в полной мере раскрылось то положение, что само движение капиталистического производства привело к глубокому противопоставлению основных субъектов капиталистического общества. Возникла и оформилась поляризация враждебных сил, т. е. антагонизм как «враждебная взаимная противоположность».

Следовательно, частнокапиталистическая форма собственности, включающая в себя отношения капитала и наемного труда, является носителем всех атрибутов диалектического противоречия, взаимного полагания, взаимного отрицания, взаимного проникновения и самодвижения как сущностного бытия.

Само диалектическое противоречие на последней фазе своего развития принимает крайне напряженные формы своего проявления, когда специфическая природа потребительной стоимости товара рабочая сила, покупаемой за деньги капиталом, в процессе своего производства создает свою противоположность – меновую стоимость. Таким образом, действительное существование рабочей силы как товара в качестве потребительной стоимости есть процесс создания капитала как своей противоположности.

Рабочая сила становится потребительной стоимостью только для капитала, как производящая свою противоположность – прибавочную стоимость. Для самого же рабочего его рабочая сила есть только заменитель стоимости средств существования рабочего. Тем самым общество оказывается глубоко расколотым на противоположные общественные субъекты, выступающие как действительные крайности. Не разрушая саму основу –

частно-капиталистическую форму собственности – они никаким образом не могут быть объединены. В то же время эти действительные враждебные противоположности могут опосредоваться. При этом они ведут себя как полярные крайности. Становится ясно, что частная собственность на средства производства, ее отчуждение от непосредственного производителя есть противоречие, которое не может быть разрешено окончательно. Возрастание степени обобществления производства становится тем движущим моментом, которое понуждает это основное противопоставление в диалектическом противоречии к разрешению, к «снятию» этого противопоставления.

«Отрицающая» сторона в этом непримиримом отношении – рабочий класс, – благодаря своему месту в системе общественных производительных сил, начинает выполнять роль движущей силы развития. Он разрешает противоречие тем, что оно расширенно воспроизводится. Разрешая основное противоречие, он создает тем самым основание для разрешения всей совокупности экономических отношений в обществе.

Вместе с тем критический анализ взглядов К. Маркса на природу экономических и политических противоречий в капиталистическом обществе позволяет нам сделать некоторые выводы. Так, в своих исследованиях К. Маркс показывает, что отношения, которые являются производными основного производственного отношения, могут только обостряться. Более того, никакое реальное действие, не затрагивающее основы, не в состоянии разрешить глубинное противоречие способа производства, базирующегося на частнокапиталистической форме собственности как всей целостности отношений. Разрешение основного экономического противоречия капиталистического способа производства будет по своей сути заключаться в отрицании отчуждения производителя от средств производства, в восстановлении их единства. Только рабочий класс, непосредственный носитель общественной рабочей силы общества, в состоянии осуществить не опосредованное капиталом единство со средствами производства.

Можно утверждать, что противоречие частной и частнокапиталистической собственности К. Маркс рассматривал как противоречие в самой сущности отношения. Так, об отношении капитала, К. Маркс писал как о сущностном противоречии, которое есть

самовоспроизводящееся противоречие. Например, каждая сторона сущностного противоречия определяется через свою противоположность. Каждая сторона внутренне полагает другую как «свое иное», капитал полагает наемный труд, а последний полагает капитал. Каждая сторона является моментом другой, ее собственным инобытием. В процессе производства, где внешне опосредуется их соединение, каждая из сторон воспроизводит не только себя, но и свою противоположность. Более того, они воспроизводятся в своей специфической форме, а именно капитал воспроизводится как капитал, как монополюльный собственник средств производства. Труд же воспроизводится как наемный труд вместе с его носителем – рабочим классом как не-собственником средств производства.

Воспроизводство отношений капитала есть воспроизводство их внутреннего единства. В то же время их внутреннее единство необходимо дополняется их внешним различием, внешним противопоставлением, внешней противоположностью, принимающей характер антагонизма. Отношения частнокапиталистической собственности принимают форму отношений враждебных противоположностей. Так ведут себя, исключая друг друга, капитал и наемный труд, хотя они есть в то же время и внутреннее полагание противоположностей. Полярные противоположности различаются внутри сущности, внутренне полагая друг на друга и одновременно, в этом же самом отношении, внутренне отрицая и проникая друг в друга. Каждая внутренняя противоположность есть дифференцированная сущность капитала как целостности.

Образование же действительных крайностей есть принципиальный признак антагонизма. Несмотря на свою внутреннюю обусловленность, действительные крайности ведут себя на поверхности экономической жизни как полностью исключаящие друг друга. Нельзя найти ни одну опосредующую форму, которая бы окончательно «примирила» эти крайности. Данный вид противоречивости есть характерная черта антагонизма, проявление его непосредственной враждебности. В этих специфических условиях противоречие, которое разрешается, есть антагонизм ставшего противоречия. Можно, как нам представляется, утверждать, что частная собственность не всегда была носителем антагонизма в обществе. Антагонистический характер частная собственность приобретает на своей

перезревшей стадии, как ставшее, развившееся противоречие, когда действительные крайности уже не могут быть опосредованы с целью их «примирения», в данном случае взаимного удовлетворения.

Как нам представляется, можно говорить не о «снятии» антагонизма в границах частнокапиталистической собственности, а лишь о «приглушении» степени остроты его. Антагонизм как противоречие в сущности социально-экономической формации исчезает, если «снимаются» антагонистические формы процесса производства, т. е. «снимаются» моменты отделения предметных условий производства от носителя общественной рабочей силы. Тем самым снимается и классовая противоположность в общественной формации.

Продукт разрешения основного противоречия частной собственности есть становление «всеобщей частной собственности». Сам же процесс становления будет характеризоваться тем, что остатки отношений частной собственности будут преодолеваться по мере дальнейшего обобществления производства уже в границах ***социалистической формы частной собственности.***

Мысль о социалистической собственности, которая только преодолевает свои отношения частной собственности, не является иррациональной, как это первоначально может показаться. Общепризнанную форму собственности, как и любую форму собственности, следует понимать не как некоторое «закостенелое», застывшее образование, а как процесс, как становление своей целостности, к которой она движется в результате планомерной деятельности общественного индивида. В процессе своего движения общепризнанная форма собственности сама проходит ряд этапов. Поэтому далеко не случайно, что на определенном этапе общепризнанная форма собственности приобретает правовую форму государственной. Так как общепризнанная форма собственности несет в себе выражение общепризнанного интереса, т. е. интереса в его всеобщей форме, то наличие государства только выражает тот момент, что становление общепризнанного интереса в форме государственного интереса еще не произошло. Государственный интерес, как показал весь опыт социалистического строительства, весьма часто становился иллюзорной формой всеобщего интереса. Некоторые формы реализации общественной собственности присваивались определенной группой лиц, как то: многочисленной корпорацией управляющих,

распорядителей. Будучи обособленной группой, они всегда пытались свои интересы, интересы этой социальной прослойки, выделить как всеобщие под личиной государственного интереса. Тем самым объективные предпосылки бюрократизма были лишь другим выражением того, что государственная форма собственности сама выступала и была носителем моментов частной собственности.

1.2.1. Атрибутивные характеристики общественной (корпоративной) собственности

Рассмотрение собственности как диалектического единства производительных сил и производительных отношений позволяет сформулировать собственность как экономическое понятие. Переход же в сферу существования позволяет судить о собственности как о некоторой целостности, как о единстве экономических, политических, правовых, психологических, религиозных, нравственных отношений. Каждое в отдельности может только мыслиться, т. е. находить свои формы бытия единственно в сознании познающего и осваивающего мир человека. Поэтому атрибутивные (сущностные) характеристики собственности могут быть выделены не из всей целостности. Только из собственности как целостности можно вывести ее специфические отличия, позволяющие судить о характере собственности. Собственность, которая явила свои специфические отличия, приобретает, таким образом, родовую различенность, например капиталистическая частная или социалистическая, корпоративная собственность.

Во-первых, следует теоретически «развести» содержание понятий частная и общественная собственность. Как нам представляется, частная собственность есть противоположность общественной собственности, однако последняя должна мыслиться в своей абсолютно всеобщей форме. К. Маркс назвал эту форму как «всеобщееобщественная» форма собственности (*allgemein gesellschaftliche Eigentum*), в нашем понимании она есть общенародная форма собственности. Отрицание частной собственности есть становление ее как «всеобщей частной собственности». Последнее, в условиях

классового общества, приобретает правовое выражение государственной собственности. Однако ни частная собственность, ни государственная собственность не являются сущностными характеристиками социалистической собственности. Более того, государственная форма проявляет себя как частная собственность. Как мы полагаем, **и в условиях социалистического общества не преодолеваются моменты частной собственности.** Здесь следует различать факт декларирования общенародного присвоения средств производства и реальное обобществление процесса социалистического производства в масштабе всего общества. Следовательно, наличие форм общественной собственности не есть атрибутивный признак только социалистической собственности. Общественная (более того, общенародная) собственность может существовать как при капитализме, так и при социализме. Общественная форма собственности может рассматриваться как высший момент ее реального обобществления, а ее специфическое отличие придается всей целостности отношений собственности: политических, религиозных, правовых, психологических, и т. д.

Во-вторых, следует очистить действительные специфические отличия от тех, которые часто приписываются некоторым авторам. Как нам представляется, социалистическая собственность есть такая совокупность общественных отношений, которые на поверхностном уровне выражают равное положение всех членов ассоциации к условиям их собственного воспроизводства. Последнее выступает как формально равное, так как равное положение всех участников социалистического воспроизводства реально будет лишь их индивидуальным неравенством по своим возможностям соединиться с теми или иными средствами производства, либо по неравенству в результатах процесса производства. Следовательно, социальное неравенство членов корпоративного или всего социалистического сообщества есть атрибутивная характеристика социализации собственности. Оно имеет своими предпосылками не только то, что члены социалистической ассоциации природно не равны, но и тот момент, что уровень развития объектов собственности еще не может обеспечить всем реализацию своих возможностей. С развитием производительных сил общество может, преодолевая существенные различия в физическом и умственном труде, между городом и деревней,

снимать данное противоречие. Вместе с тем мы считаем, что социалистическая собственность может быть только тогда, когда общество обеспечивает определенные формы свободного, лишенного экономического принуждения соединения члена социалистического общества со средствами производства. При этом не играет принципиальной разницы, в какой форме осуществляется это соединение: в рамках общенародной, колхозно-кооперативной, корпоративной или частной мелкотоварной. Социалистическая форма собственности, как целостность, включает в себя все формы. Каждый член сообщества должен обладать свободой в выборе форм собственности, а последние должны быть равнопредлагаемы производителю. В результате отношения экономического соперничества также становятся необходимыми формами связи производителей.

Атрибутивным свойством отношений социалистической собственности является преодоленность отчуждения от собственности. Последнее не сводимо исключительно к отчужденности от средств производства, оно органично включает в себя отчужденность от процесса труда и производства. Нельзя, как нам представляется, считать собственность действительно социалистической, если человек отделен от процесса управления, распоряжения как средствами производства, так и продуктами своего труда. Тонкость понимания данной атрибутивной характеристики, однако, заключается в том, что отношения социалистической собственности могут складываться в условиях сохраняющегося разделения труда на труд физический и труд умственный. Здесь следует различать необходимость разделения труда как момент незрелости отношений собственности и монополизацию определенной группой лиц функций владения, распоряжения, пользования. В этих условиях у значительной группы членов ассоциации никогда не могут сложиться отношения к объектам собственности как к своим. В итоге социалистическое производство есть производство, свободное от какой-либо формы экономического, физического или другого вида принуждения, когда свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех (К. Маркс).

Наибольшие теоретические трудности возникают в оценке меры социалистичности отношений распределения необходимого и прибавочного продуктов. Было общепринято считать,

что распределение произведенного продукта в условиях господства капиталистических отношений собственности осуществляется по стоимости товара рабочей силы и по стоимости капитала. При социализме же распределение национального дохода осуществляется между работниками уже только по затратам живого труда. Отрицался сам факт распределения производственного продукта по накопленной стоимости, т. е. по овеществленной в каких-либо формах собственности. Сам факт выплаты по процентам денежных вкладов, например, представлялся как остатки, рудиментарные явления прежних, т. е. капиталистических, форм распределения, либо как модифицированные формы непосредственно общественных отношений, либо вообще отвергалась необходимость глубоких исследований природы процента в условиях социализма. Эти формы не вписывались в существующую экономическую доктрину отношений собственности, поэтому их сущностная природа или не разрабатывалась, либо засекречивалась. Все это не могло не нанести вред экономической теории социализма.

Как нам представляется, в любой социально-экономической формации распределение, как атрибут собственности всегда сущностно выражает специфические отличия соответствующего способа производства, т. е. присвоения человеком его собственных условий бытия, как материального, так и духовного. Если рассматривать этот мир в целостности, то материальные условия его собственного бытия есть, по образному выражению К. Маркса, его неорганическое тело, т. е. сам человек, находящийся в обществе. И это распределение всегда есть распределение по собственности, например, по собственности на рабочую силу, на внешние условия существования самого индивида.

При капитализме индивид внешним образом раздвоен на капиталиста, монополизировавшего условия воспроизводства, и наемного рабочего, собственника только своей рабочей силы. Эти два внешне различных принципа распределения есть лишь проявление противоречивой сущности бытия индивида в обществе: две его сущностно различные стороны, или моменты.

В границах социалистического способа присвоения восстанавливается единство собственника, т. е. единство индивида

как собственника своих собственных условий существования и собственника своей рабочей силы, которая есть он сам. Поэтому распределение не только по труду живому, но и труду овеществленному вписывается в социалистическую систему отношений распределения. Именно распределение по собственности, как некоторой целостности условий существования самого индивида, может более адекватно выражать сущность отношений социалистической собственности. Речь идет не о том, чтобы формы общенародного присвоения отлучить от индивидуальных форм, а о том, чтобы реально восстановить единство собственника и труженика. Поэтому развитие всего многообразия форм присвоения и по овеществленному труду есть имманентная черта социалистических форм присвоения. Их социалистичность раскрывается в трудовой их природе. Природа последних лежит как в самом источнике – трудовая основа – так и в способах присвоения. Социалистические формы присвоения не могут базироваться на экономическом монополизме, экономическом насилии или других формах прямого или косвенного принуждения. Все формы принуждения должны вытекать из самого индивида, его собственной природы, а не извне. Атрибуты общенародного присвоения должны стать атрибутами индивидуального присвоения. Это не исключает, а наоборот, полагает совместное владение средствами производства с использованием современных форм кооперации.

Граница социалистических форм присвоения, а следовательно распределения, нарушается только тогда, когда член социалистического сообщества отчуждается от материальных условий своего собственного производства. Именно здесь лежат экономические предпосылки, которые позволяют одной части сообщества присваивать неэквивалентно другую часть производственного продукта. В основе эквивалентности и ее меры может лежать в условиях социализма только стоимость условий существования индивидов. Трудовые затраты могут считаться как один из возможных ее модулов, но не субстанцией стоимости. Затраты живого труда есть, другими словами, модифицированная форма стоимости, которая как бы образует ее субстанцию.

1.2.2. Некоторые проблемы совершенствования отношений собственности в условиях радикальной экономической реформы

Понимание собственности как субстанции, т. е. как единство всеобщего основания и «обоснованного», как сущности и явления, позволяет теоретически выработать механизм совершенствования всего комплекса предметных отношений собственности. В научной литературе высказывались и до сих пор высказываются две принципиальные точки зрения на процесс совершенствования отношений собственности. Первая точка зрения отрицает возможность сознательного совершенствования отношений, так как отношения собственности (вся совокупность производственных отношений) складываются, не проходя через сознание человека. Вторая крайняя точка зрения состоит в том, что объясняет процесс совершенствования отношений собственности как процесс непосредственного воздействия на отношения собственности.

Представляя отношения собственности как субстанцию, последняя выступает как предметное бытие человека, как общественное отношение человека к человеку. Следовательно, изменяя само предметное бытие человека к человеку, только и можно изменять отношения собственности. Собственность как предметное бытие есть вся совокупность материальных условий воспроизводства жизни человека, изменять которые можно как неосознанно, так и сознательно. Внешнее выражение данного процесса осуществляется в материальном процессе расширенного воспроизводства человеческого индивида. При этом изменяются орудия труда, предметы труда, сама природа как среда жизнеобитания человека, формы кооперационных связей людей в обществе, а вместе с ними общественные формы присвоения этих материальных условий жизни людей в обществе. Можно утверждать, что посредством внешних форм материального бытия человека в обществе осуществляется процесс внутреннего движения собственности, процесс ее самодвижения. Осознание же формы этого внутреннего самодвижения (*selbstbewust*), безусловно, не воспроизводит отношения собственности как субстанции, так как собственность не есть имманация

гегелевской абсолютной идеи как проявление свободы, воли одного члена сообщества для другого, а есть только фактор, позволяющий наиболее адекватно выразить в практической деятельности объективные закономерности развития собственности. Следовательно, отрицать момент сознательного в совершенствовании отношений собственности, как и абсолютизировать его, теоретически несостоятельно.

Соглашаясь с теми авторами, которые видят процесс совершенствования отношений собственности в развитии механизма хозяйствования, мы вместе с тем считаем необходимым дополнить данный тезис, что следует изменять материальные условия процесса присвоения в материальном производстве, процессах обмена, распределения и потребления условий жизни людей. Внешне формы хозяйствования сами могут быть вызваны к жизни тем, что изменяются внешние формы материального производства (присвоения).

Следует внести также ясность в понимание сути того, что называют процессом совершенствования отношений собственности. Например, когда руководитель страны утверждает, что его аппарат уже хоть сейчас готов рассчитать «все до последнего гвоздя», то, безусловно, этот процесс позволит обеспечить более полное согласование хозяйствующих субъектов и повысить качество планирования. Однако, как нам представляется, этот процесс совершенствования отношений собственности не затронет коренных изменений отношений собственности как целостности. Более того, нынешний уровень общественных связей в обществе будет как бы консервироваться, будет сохраняться изжившая себя система управления национальной экономикой. Данный процесс совершенствования собственности выразит не процесс радикальных экономических изменений, а приспособление форм хозяйствования к изменившимся внешним условиям. Как мы полагаем, первое понимание процесса перестройки, связанной с процессом ускорения социально-экономического развития, предполагал этот тип процесса «совершенствования» социалистических производственных отношений. Мы позволим себе заимствовать одно понятие из биологии, наполнив его своим содержанием, выражающим данный процесс изменения всей системы социально-экономических связей в обществе, а именно понятие

«кидиоадаптация (изоморфоз)». Содержанием этого понятия является теоретическое выражение процесса таких эволюционных изменений в социально-экономическом организме, которые носят частный характер. Изменения в структуре и функциях общественных форм присвоения осуществляется при сохранении в целом уровня организации отношений собственности, происходит процесс присвоения внешних форм хозяйствования, не затрагивая коренных, радикальных преобразований в социально-экономической форме присвоения. Например, совершенствование системы планирования, управления в народном хозяйстве как бы вписывается в сохраняющуюся систему управления. Сейчас можно утверждать, что подобные изменения оказались не в состоянии разрешить сущностные противоречия собственности. Урезанность прав потребителей не позволила преодолеть физическую отчужденность работников от собственности, в результате доля «социалистичности» в отношениях социалистической собственности не возросла (существенно не возросла).

Радикальные преобразования в отношениях собственности могут быть связаны с «поднятием» уровня организации всего процесса социально-экономической жизни в обществе. Это может произойти, если в процессе эволюционных изменений осуществляются меры по становлению такой системы отношений в обществе, когда любой член хозяйственной ассоциации из объекта отношений собственности станет также и субъектом своих собственных изменений. В результате происходит подъем интенсивности жизнедеятельности как любого члена сообщества, так и общества в целом. Попытка же построить отношения социалистической собственности, где связи будут «просты и прозрачны» (Ф. Энгельс), есть ни что иное, как упрощение всей системы отношений, выражение ее деградации. Свое выражение данный процесс может найти в переходе к прямым, распорядительным формам, карточной (подушной) системе, что приведет к подавлению интереса личности, коллектива, а всеобщий (государственный) интерес становится иллюзорной формой общего (общенародного) интереса. Система отношений будет строиться, в основном, на внеэкономическом принуждении, на экономической не-свободе и других видах насилия.

1.3. Проблемы диалектического противоречия в экономической теории

Проблемы диалектического противоречия, их познание как сущности явлений материального мира, познания форм их движения и разрешения являются фундаментальными в общем комплексе проблем материалистической диалектики. Само марксистско-ленинское понимание диалектического противоречия не исчерпывается его констатацией. Даже несмотря на то, что в последние годы был сделан важный шаг в признании социализма как внутренне противоречивой общественно-политической системы, общая теория диалектического противоречия остается недостаточно глубоко разработанной. Проблема диалектических противоречий перемещается уже из сферы признания всех форм противоречий в сферу поиска адекватных теоретических образов этих внутренних противоречий системы, в сферу разработки форм их движения и разрешения. Остается весьма актуальным то важное замечание Г.В.Ф. Гегеля, в котором он пишет о том, что без противоречия нет движения. Данное положение дополняется тезисом о том, что диалектическое противоречие есть внутренний источник и движущая сила не только процесса познания, но и всего материального мира, включая социально-экономическую форму движения материи.

Вместе с тем следует отметить, что проблема диалектического противоречия в экономической теории стала обсуждаться сравнительно недавно. Это было вызвано, в первую очередь тем, что метод политической экономии носил в основном феноменологический, описательный характер, когда только констатировались, обнаруживались различные формы проявления внутренних противоречий системы.

Основной порок критики капиталистического способа производства со стороны представителей утопического социализма состоял в том, что они за этой критикой полностью отбрасывали и революционную сторону противоречий системы. Не понимая внутренней природы противоречий, они тем самым не могли предложить и действенных форм устранения язв капиталистического способа производства.

Классики буржуазной политической экономии, в свою очередь, не смогли выработать научной теории экономических противоречий, которая давала бы объяснение сущности экономических явлений. Само изложение проблем экономической реальности у А. Смита исключительно непоследовательно. Более того, у него удивительным образом уживаются противоречия в изложении, и А. Смит даже не пытается разрешить их. Он их только фиксирует. Теория Д. Рикардо гораздо строже: он пытается уже избежать явных логических противоречий А. Смита. Но вместе с тем это делает саму теорию строже, логичнее, но и беднее, бессодержательнее. При попытке выразить становление экономических категорий, исходя из дальнейшего развития закона стоимости в логических формах, у Д. Рикардо возникла проблема, которую он выразил, но не разрешил. Обнаружив противоречие, которое по своей внутренней природе было диалектическим противоречием в его предметной форме, Д. Рикардо, находясь под влиянием локковской школы с ее канонами исключения противоречий в мышлении, не смог выйти из тупика теоретических парадоксов, объявив их исключениями в завершенной им теории трудовой стоимости. Однако важный итог был получен – были обнаружены и описаны противоречия капиталистического способа производства. Дальнейшее развитие экономической теории показало, что эти противоречия были обнаружены и современниками классиков, которые в лице Мальтуса, Мак-Куллоха, Прудона, Дж. Милля и др. предприняли попытку «подправить» классиков. Это делалось в форме либо отрицания теории, либо приведения противоречивой действительности в непротиворечивую по изложению форму. Именно с этого момента и начинается свое разложение классическая буржуазная политическая экономия. К чему они стремились – это формально логическая последовательность.

Противоречие между общим законом и более развитыми конкретными отношениями у Дж. Милля, например, разрешается не путем нахождения опосредующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное.

Критика метафизического понимания противоречия, его структуры и механизма, его разрешения сочеталась у К. Маркса одновременно с положительным изложением теории диалектического противоречия. Его понимание частной собственности, из которой,

как из основания, развиваются все противоречия системы, становится фундаментальной методологической посылкой в формировании теории диалектического противоречия. Определяя противоречия между капиталом и наемным трудом, которые взаимно полагают, взаимно отрицают и взаимно проникают друг в друга, противоречие «схватывается» как энергичная, напряженная форма, которая побуждает к разрешению этого противоречия, как «внутреннее, деятельное отношение противоположностей». Тем самым очень тонко и в самой сути мышлением усваивается внутренняя природа диалектического противоречия. В «Критике гегелевской философии права» К. Маркс выдвигает очень важную идею о том, что противоположности в диалектическом противоречии не выступают как равнозначные в механизме разрешения этого противоречия. Если Г.В.Ф. Гегель, в конечном счете, пытается примирить их, то, по мнению К. Маркса, одна из противоположностей берет верх. Если противоположность обостряется до такой степени, что всегда побуждает к «борьбе», то на подобном уровне развития противоположности их отношение принимает характер непримиримого отношения. На данном уровне развития противоположностей последние уже не могут опосредоваться, они принимают характер действительных крайностей.

Анализируя процесс становления противоречия частной собственности, К. Маркс отходит уже и от схемы развертывания противоречия, как это изложено в теории Г.В.Ф. Гегеля, хотя именно эта часть его теории отличалась более глубоким рациональным содержанием по сравнению со всей его умозрительной системой. У Гегеля в «Феноменологии духа» отчетливо проявляется его схема диалектического развития противоречия: тождество-различие, которое проходит свои стадии несущественного различия, существенного, противоречие противоположности – основание. К. Маркса уже не удовлетворяет эта схема, и он отходит от нее. Рассмотренное на примере вызревания антагонизма между трудом и капиталом противоречие развертывается уже по следующей схеме. Во-первых, непосредственное или опосредованное единство труда и капитала. Здесь наличествует единство работника и собственника средств производства, что имеет место в простом товарном производстве. Однако тождество выступает не как абстрактное, а как конкретное тождество. Работник и собственник уже различные в самом

себе. Здесь, в потенции, работник уже противостоит собственнику как не-работнику. Второй этап – становление противоположности по отношению друг к другу и по отношению к самим себе. Происходит отделение от собственности, хотя на первом этапе различие еще не существенное, в итоге подчинение труда капиталу носит еще формальный характер. Но это несущественное различие развивается в существенное, когда подчинение труда капиталу становится реальным. Одновременно развиваются процессы становления самих противоположностей, т. е. как внутри труда, так и внутри капитала. Высшая ступень различности – враждебная взаимная противоположность, когда она обострилась до такой степени, что «...всегда готова к борьбе и даже приняла характер непримиримого противоречия»²².

В «К критике гегелевской философии права» К. Маркс, полемизируя с Г.В.Ф. Гегелем, проводит дифференциацию между истинными противоположностями, или действительными, и полярными противоположностями. Последние представляют собой дифференцированную сущность. Они суть то, что они есть только как различные определения. Истинными, действительными крайностями были бы полюс и не-полюс, человеческий и не-человеческий род. В одном случае различие есть различие существования, в другом – различие между сущностями, различие двух сущностей²³.

Сущность диалектического противоречия была сформулирована К. Марксом следующим образом: на примере товара, который должен выступать как единство потребительной стоимости и стоимости, но вместе с тем и как раздвоенное в этом единстве. Анализируя в «Капитале» противоположность относительной и эквивалентной форм стоимости товара, К. Маркс указывает на то, что являются друг другу принадлежащими, друг друга отрицающими моментами единства, т. е. полюсами одного и того же выражения стоимости. Имманентная противоположность, по Марксу, была тождественна противоречивости.

Другая существенная сторона диалектического противоречия заключается в том, противоречие определяется как отношение активного воздействия противоположностей друг на друга,

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 321.

²³ Там же.

т. е. деятельное отношение – столкновение (*widerstreit*) диалектических противоположностей. Это становится возможным, если имеет место столкновение противоположно действующих сторон, моментов, тенденций. Если подобное активное воздействие диалектических противоположностей не имеет места, т. е. отсутствует их столкновение в форме «борьбы» противоположностей, то, следовательно, отсутствует и само противоречие²⁴.

К. Маркс приводит характерный пример в пользу этого тезиса. Индифферентная противоположность собственности и ее отсутствие становится противоречием только в форме противоположности труда и капитала. Как по этому поводу замечает Г. Штиллер: «не каждое отношение противоположностей овеществляет противоречие. Противоположности сторон и процессов в явлениях только тогда выражают противоречие, если они выступают в активном отношении взаимно обусловленных воздействий»²⁵.

Диалектическая связь противоположностей всегда есть процесс взаимного проникновения противоположностей, осуществляемый в структуре. Этот процесс, к конечному итоге, всегда есть взаимодействие, есть «борьба» противоположностей предметного противоречия. Единство, которое понимается без «борьбы», недостаточно для определения отношения противоположностей как диалектического противоречия.

На наш взгляд, становится очень продуктивной идея, развиваемая Ф.Ф. Вьяккеревым, суть которой заключается в том, что существенным моментом в определении диалектического противоречия является единство самого противоречия и самодвижения. Это позволяет сделать существенные уточнения в понимании диалектического противоречия. В теории диалектического противоречия выделяется понятие предметного противоречия. В последнем подчеркивается тот момент, что для него характерно именно отношение взаимодействия, что предметное противоречие начинает приобретать форму противоречия-процесса, т. е. процессуального противоречия. Будучи источником самодвижения, предметное противоречие находится вне самодвижения, а само существует как процесс самодвижения (саморазвития), являясь способом существования предметного

²⁴ Der dialektische Widerspruch. Berlin, 1986. S. 57, 58.

²⁵ Stiehler G. Formen und Funktionen. Berlin, 1967. S. 80.

противоречия, формой его бытия, проявления и реализации. Структура противоречия определилась как наличие в предметном противоречии двух взаимосвязанных уровней: внешнего, или феноменального, и внутреннего, или сущностного. Наиболее глубокое понимание противоречия есть понимание его как самопротиворечивости тенденций, процессов в едином предмете²⁶.

Рассматривая собственность как комплексное отношение, которое вбирает в себя отношение труда и капитала, оно становится реальным отношением только в процессе производства, распределения, обмена и потребления. Труд, превращающийся в свою противоположность, в овеществленный труд, т. е. в капитал, всасывается и присваивается последним. Однако эта стоимость выступает как предпосланная производству стоимость, приносящая прибавочную стоимость. Капиталом она становится только в процессе производства.

Определенный этап в развитии политической экономии связан с трудами тех политэкономов и философов, в которых диалектическое противоречие стало рассматриваться как сущность экономических явлений и процессов с выделением его структурного уровня. В этом плане следует отметить уже ставшей библиографической редкостью монографию Ф.Ф. Вяккерера «Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия», вышедшая в 1963 году²⁷. В данной работе диалектические противоречия уже начинают рассматриваться как противоречия в сущности экономических явлений и процессов и как противоречия их внешнего «осуществления». В структуре диалектического противоречия выделяются как бы два уровня: внешний и внутренний. Оба уровня тесно связаны друг с другом. Внешний уровень в структуре диалектического противоречия есть форма отражения и существования внутреннего уровня противоречия. В данной работе делается важный вывод, что на поверхности экономических явлений диалектическое противоречие выступает со стороны внешнего раздвоения. Внутреннее же единство этого внешнего раздвоения познается на более глубоком уровне

²⁶ Вяккерев Ф.Ф. Современное состояние теории диалектического противоречия и пути ее дальнейшего развития // Противоречие как источник развития: межвуз. сб. Вып. 13 / под ред. Ф.Ф. Вяккерера. Л.: ЛГУ, 1988.

²⁷ Вяккерев Ф.Ф. Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М.: Высшая школа, 1963.

диалектического анализа. Внешний уровень противоречия теперь уже выступает не только как форма проявления, существования внутреннего уровня структуры, но и как форма движения последнего. Можно полагать, что внутренние противоречия есть противоречия сущности или существенные противоречия, а внешние противоречия есть противоречия «существования». Между этими уровнями нет внешним образом отчетливо выраженной границы. Они не существуют как бы рядом, а одно существует в другом. По своей сути, это есть отношение сущности и явления. Сущность, как выражение всеобщности, не существует вне единичного, не рядом с ним, а в самом единичном, хотя его становление со стороны гносеологического аспекта есть продукт человеческой разумной деятельности.

Так, внутреннее противоречие, заключенное в товаре, в процессе своего развертывания привело к раздвоению всего товарного мира на собственно товар и деньги. Последнее есть, таким образом, продукт обособления меновой стоимости и придание ей формы предметной самостоятельности, внешней обособленности, позволяющей ей с презрением смотреть на весь мир «товарной черни». Мимолетно соотнесясь с товаром, деньги явились той формой, через которую осуществилось движение товарного мира. Но они не могут оторваться от процесса движения товаров. Выпадая из обращения, деньги перестают быть деньгами как таковыми. Это положение подтверждает еще и тот факт, что диалектическое противоречие может мыслиться как реальное, действительное противоречие только как процесс, как процессуальное противоречие со стороны онтологического его момента, т. е. как сущностной формы наличного бытия.

Внешняя противоположность между относительной и эквивалентной формами стоимости в сопоставлении с внутренним противоречием между потребительной стоимостью и стоимостью отличается отчетливой дифференциацией полюсов, т. е. их внешней поляризацией. Здесь стороны существуют как бы раздельно, в двух товарах. Эквивалент мыслится как нечто отдельное от своей противоположности – относительной формы. Эти отношения можно перевернуть, но от этого изменится только перестановка; товар, находящийся в эквивалентной форме стоимости, теперь будет находиться в относительной форме стоимости, и наоборот. В случае

же с внутренней противоположностью – стоимостью и потребительной стоимостью – ни одна из противоположностей не может реально существовать в отрыве от своей другой, вне своего иного. Каждая противоположность становится формой внутреннего проявления другой, ее собственной рефлексией. Стоимость товара есть форма проявления потребительной стоимости и не может существовать вне ее. То же самое происходит с конкретным трудом, который становится формой проявления своей противоположности – абстрактного труда, и наоборот. Происходит их переход из одной формы в другую, тем не менее, они не перестают быть противоположностями. Каждая есть момент другой, есть момент присутствия своего «в ином». Только для внутренней противоположности характерно то, что каждая из противоположностей не исключает другую, но и предполагает, предвосхищает другую противоположность, придавая явлению внутреннюю напряженность, побуждение к движению, воспроизводя импульс. Можно сделать вывод, что внутренние противоречия есть специфическая форма сущностного бытия внешних образов мира экономических явлений, «душа» взаимосвязей реального мира явлений экономической действительности. Внутренние противоречия отражаются в реально существующем мире, чувственном мире, придавая ему внутреннюю противоречивость, самодвижение. Это самодвижение должно пониматься не как нечто от другого явления или понимания как полностью независимые, а как выражение внутренней самопротиворечивости в самом предмете, вещи, процессе.

Однако данная схема противоречий не ограничивается признанием существования внутренних и внешних противоречий, их проявлением в теории политической экономии. Получило свое развитие вычленение основных и производных противоречий, развитых и неразвитых форм их бытия. В основе подобной системы лежит фундаментальное положение материалистической диалектики о том, что развитие предметов и процессов в своей основе есть объективный процесс развития и становления самих противоречий. Можно «заострить» данное положение в следующей форме: «Сохраняет ли свою качественную и количественную определенность само противоречие, которое является источником и движущей силой развития объективного мира? Либо оно приобретает некие изменения формы своего внутреннего существования?»

Реальный процесс развития материального мира свидетельствует, что конкретные формы действительного развития не укладывались в гегелевские схемы плавного процесса развертывания противоположностей, которые содержались в «клеточке» ее исходного пункта развития анализируемого явления. Исследования свидетельствуют о том, что происходят глубокие качественные изменения в самом характере противоречий. Более высокая форма противоречия является продуктом диалектического отрицания предшествующей формы. Данный процесс развития есть, следовательно, не отбрасывание абсолютно старого содержания, но и сохранение его моментов, выражаясь в традиционно гегелевской терминологии, в «снятом виде» (*das Aufheben*). Тем самым в новой форме сохраняются проявления «старой», зародышевой формы противоречия.

В процессе становления капиталистического производства самое исходное, «зародышевое» противоречие уже не может меняться, т. к. оно перешло «в основание».

К. Маркс, определяя диалектическое противоречие как ставшее целостностью, указывал, что это становление есть ни что иное, как движение его обеих сторон. Становление противоположностей диалектического противоречия есть становление «нового» качества в его единстве с количественной определенностью. Осуществляется же этот процесс в самом капиталистическом производстве, когда идет взаимодействие через опосредованные формы противоположностей. При этом развертывается уже сам полюс противоположности, а также отношение между полюсами, изменяя уровень напряженности между ними, т. е. «градиент напряженности общественного отношения».

Безусловно, данные процессы очень тесно взаимосвязаны, но они не идентичны. Более того, эти процессы могут протекать в некоторой пространственно-временной различности. Не всегда развертывание полюса-противоположности ведет, или более определенно, детерминирует, изменение напряженности между самими противоположностями. Однако остается истиной, что развертывание осуществляется в движении внешних противоположностей.

Развитие теории диалектического противоречия позволило применительно к предмету политической экономии выделить следующие этапы становления производных противоречий экономической

реальности. Во-первых, развертывание противоположностей. В данном случае правомочнее говорить о простом движении, изменении противоположностей относительно среднего состояния, когда не возникает никакого нового явления. Это имеет место в простом воспроизводстве. Здесь само воспроизводство есть воспроизводство диалектического противоречия на своем «прежнем» уровне.

Во-вторых, развертывание противоположностей сопровождается обратимыми качественными изменениями в самих противоположностях и необратимыми количественными изменениями. В первом случае возникает качественно другое по отношению к «своему прежнему качеству», т. е. исходному состоянию. Особенность этой формы движения противоречия состоит в том, что система сохраняет внутри себя возможность вернуться к своему прежнему качеству. Во втором случае мы имеем только количественный рост. Здесь как бы расширяется поле производства при сохранении всех атрибутов способа производства. В-третьих, развертывание противоположностей выражается в существенных превращениях в самой структуре диалектического противоречия, т. е. данный тип развертывания противоположностей есть процесс развития. Его можно назвать как процесс перехода от исходного состояния с определенной качественной и количественной определенностью к новому, другому, более развитому состоянию²⁸.

Развитие противоречий товарной формы, т. е. становление более развитых противоречий, становится особенно заметным на примере развития товара с выделением его специфической формы бытия – товара рабочая сила. Прежнее противоречие товарной формы – противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, как противоречие между способностью удовлетворять потребности другого и воплощением общественно необходимых затрат труда, – модифицировалось в противоречие этого специфичного товара «рабочая сила». Потребительная стоимость товара из формы, традиционной для простого производства, превратилась в потребительную стоимость своей противоположности – производить прибавочную стоимость. Стоимость же товара «рабочая сила» также приобрела специфическую форму бытия – производить себя в расширенном масштабе через воспроизводство своей противоположности – потребительной стоимости рабочей силы.

²⁸ Der dialektische Widerspruch. Berlin, 1986. S. 75.

Данное проявление на рынке специфического товара «рабочая сила» ознаменовало собой целую историческую эпоху развития производства вообще. Оно выявило тот простой факт, что товарное производство стало всеобщим товарным производством. Если простое товарное производство означало единство производителя со средствами производства, то капиталистическое производство означало уже отделение производителя от источников своего собственного существования. Следовательно, развившееся противоречие товарного производства есть выражение процесса глубоких качественных изменений в исходном противоречии товара. Выделился уже на поверхности экономических явлений специфический товар «рабочая сила», потребительная стоимость которого проявилась как способность создавать свою противоположность – стоимость, включающей прибавочную стоимость. Стоимость товара уже включает не только затраты общественного необходимого труда, но и стоимость воспроизводства рабочей силы. Противоречие товара, следовательно, сохранилось, но оно со стороны своего содержания качественно изменилось. Дальнейшее же развитие противоречий товара, как исходного, позволяет констатировать, что стоимость приобретает свою высшую для капиталистического способа производства форму – форму капитала.

Если в простом товарном воспроизводстве имело место производство товара как такового и его всеобщего эквивалента – денег, то капиталистическое производство характеризуется уже развившимися производными формами стоимости. Капитал, как развившееся отношение, уже сам порождает формы постоянного и переменного капитала, земельной ренты и т. д. Прибавочная стоимость сама начинает приобретать более развитые формы бытия и проявления, например прибыли, ссудного процента, земельной ренты. При простом товарном производстве, как неразвитой форме, и не могло проявиться такое богатство форм собственности. Различия, лежащие в предпосылках капиталистического способа производства, развились до противоположности. Внешнее отделение прибавочной стоимости от переменного капитала и их противопоставление стало выражением дальнейшего развития противоречий капитала. Начинает оформляться уже социальное противоречие между носителем совокупной рабочей силы – рабочим классом – и капиталистами

как собственниками средств производства. Эти противоречия складываются по поводу деления произведенного продукта на необходимый и прибавочный продукт. Данное противоречие глубоко антагонистично по своей внутренней природе. Оно не может быть уже окончательно разрешено на своем прежнем основании. Формы движения этого противоречия приобретают нравственную, идеологическую окраску. Право, идеология, мораль, религиозное сознание, закрепляющие положение капиталистов как собственников средств производства, сталкивается с правом и т. д., как выражением прежнего права. Подчинение труда капиталу начинает развиваться от формальной формы подчинения к реальной, полной форме. Свое законченное выражение это подчинение приобретает со становлением крупной промышленности, этого адекватного капиталистическому способу производства базиса. Одновременно, с относительным вытеснением живого труда овеществленным, что связано с ростом органического строения капитала, растет и организованное сопротивление со стороны рабочего класса. Последний начинает осознавать свое место в сложившейся системе капиталистического производства и распределения производственного продукта. Тем самым, отмечается поляризация классовых сил, начинает осознаваться непримиримое противоречие, которое уже не может быть полностью разрешено в форме традиционного мирного «снятия» этой внешней противоположности на прежнем основании.

В то же время мы высказываем важную, на наш взгляд, мысль о том, что в рамках капиталистического способа производства внешние противоположности могут опосредоваться. Высказанное положение о том, что действительные противоположности не могут быть опосредованы, не следует понимать в том смысле, что все движение, становление капиталистического способа производства есть процесс обострения этих противоречий. Капиталистическая система есть развивающаяся система общественного производства. И это развитие будет осуществляться до тех пор, пока не будут полностью исчерпаны все ее потенции, т. е. до тех пор, пока не разовьются противоположности в самом основном экономическом противоречии капитализма. Следует предположить, что развитие диалектического противоречия, как отношения противоположностей, неразрывно связано с развитием самих диалектических противоположностей.

Как нам представляется, между ними не могут существовать только прямые связи. Развитие диалектического противоречия отмечается наличием обратных связей между ними. Например, возрастание степени напряженности в процессе поляризации классовых сил в обществе может вызвать тенденцию в снижении «напряженности» в самой противоположности, снижая степень противостояния между отдельными группами капиталистов. Система как бы мобилизуется, в результате задействуются другие, скрытые потенции капиталистической системы. Вместе с тем последнее есть выражение развития диалектических противоположностей. В конечном итоге формируется некоторая целостность, тотальность.

Простое товарное производство не знало подобных форм противоречий действительности. Не следует полагать, что эти развивающиеся формы не имеют единого генетического корня, связывающих нитей с простым товарным производством. Их единство состоит именно в том, что все очевидные, бросающиеся в глаза, противоречия капиталистического способа производства есть лишь развившиеся формы исходных противоречий простого товарного производства. Последние содержали эти развившиеся формы «в себе», в потенции.

Если принять точку зрения, что закон выражает не только устойчивую сторону существующего явления, но и его отрицательную, т. е. и изменчивость явления, то закон по своей внутренней природе противоречив. Это дает основания считать, что в условиях капиталистического способа производства законы простого товарного производства приобретают свою новую качественную и количественную определенность. Происходит превращение законов собственно простого товарного производства в законы частнокапиталистической формы собственности, т. е. в законы капиталистического присвоения. Законы ставшего капиталистического производства, следовательно, не отменяют имманентных законов товарного производства, более того, они являются продуктом его естественного развития.

В материалистической диалектике и в политической экономии остается актуальным вопрос понимания диалектического противоречия как источника и как движущей силы общественного развития.

Учение о внутренней противоречивости материи как об имманентном свойстве всего материального мира и мышления трактует

диалектическое противоречие как источник и движущую силу движения и развития. Следует, однако, сделать существенное замечание, что, говоря об источниках движения, нельзя ставить вопрос: «почему движение»? Движение есть сам способ существования материи, она не нуждается в каком-либо первотолчке извне или наряду с имманентной противоречивостью самой материи. В этом плане вопрос об источнике движения становится такой же бессмыслицей, как и вопрос о появлении самой материи, как вопрос о поиске формы праматери.

Анализируя высказывания классиков по различным проблемам, когда они в той или иной степени рассматривали проблему источников и движущих сил общественного развития, а также критически осмысливая высказывания ученых по данному вопросу, мы считаем, что наиболее содержательна позиция тех авторов, которые придерживаются следующей концепции. Источник движения и развития есть противоречие. Движущие силы движения и развития также есть противоречие, но как противоречие развертывающееся, как поляризирующее отношение полюсов дифференцирующихся противоположностей, противоречие в своих качественно изменяемых, исторически конкретных формах развития, противоречие на высших стадиях своего развития.

Глава II

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ПРОТИВОРЕЧИЕ СУБСТАНЦИИ

2.1. Противоречие становления идеи равенства и справедливости в распределении и присвоении

Осознание и становление идеи равенства и справедливости присвоения дохода непосредственно связаны с самим существованием человеческого общества, с материальной и духовной жизнью людей. Можно утверждать, что идея общественного устройства общества на подобных принципах «стара как мир». В основном эти идеи приобретали форму социалистической идеи.

Свои первые наивные формы выражения идея социалистического общественного устройства получила в «Государстве» Платона, раннем христианстве. Дальнейшее становление социалистической идеи связано с великими социалистами-утопистами, мыслителями и руководителями массовых движений, например: Томазо Кампанелло, Томасом Мюнцером, Сен-Симоном, Фурье, Оуэном, Бабефом, Этьеном Кабе, Джейсом Кабеллой, представителями Просвещения, руководителями и теоретиками европейской социал-демократии (А. Бебель, В. Либкнехт, П. Лафарг, Ф. Меринг, Г. Адлер, М. Беер), кадетер-социалистами (В. Зомберт, А. Менгер, А. Шеффле), представителями дореволюционной России (Р.Ю. Виппер, М.М. Тареев, М. Туган-Барановский). Свои научные формы выражения социалистическая идея получает в работах классиков марксизма, включая представителей социал-демократического движения, в политических партиях левого направления в наше время.

Мы склонны считать, что марксизм не есть знание в последней инстанции, а теория социализма, разрабатываемая в границах ортодоксального марксизма, не может претендовать на законченный венец развития социалистической идеи. Более того, истин-

ность взглядов современных представителей материалистического учения об общественном устройстве или современных представителей социал-демократического движения Запада может проверить только практика, а не давление крайне политизированных идеологов от науки. Сейчас можно только констатировать крайне неприятный для ученых обществоведов факт, что теория социализма остается неразработанной, как того требует ход общественного развития.

Становление социалистической идеи происходило в непрекращающейся теоретической и идеологической борьбе различных ее направлений. Идея социализма вбирает в себя весь возможный спектр порой диаметрально противоположных направлений, как например, христианский социализм, «истинный», юридический, прусский, мелкобуржуазный, национал-социализм, корпоративный, утопический, научный, революционный, анархо-синдикализм, собственно коммунизм и т. д.

Для самих классиков марксизма-ленинизма понятие социалистической идеи не было раз и навсегда данным. Можно утверждать, что взгляды их постоянно эволюционизировали, о чем свидетельствуют исследования последнего времени²⁹.

Подобное противоречивое понимание и изложение социалистической идеи можно объяснить, как нам представляется, только одним. Само человеческое бытие противоречиво в самой сущности. Более того, действительная человеческая жизнь есть само существующее противоречие. Противоречие «индивид-общество» всегда пронизывало все бытие отдельного индивида, социальной группы и всего общества. Поэтому социалистическая идея есть наивное или научное выражение только одной стороны этого противоречивого существования, только как один момент человеческого бытия. Каждое из ответвлений социалистической идеи также есть особое и одностороннее осуществление социалистического принципа. Именно здесь и надо искать глубинные источники противоречивых форм выражения социалистической идеи.

Вместе с тем можно выделить ряд узловых моментов, которые являются исходным для столь многочисленного собрания различных его направлений. Как мы полагаем, социалистическая идея выражает, во-первых, потребность, стремление к социально равному

²⁹ История социалистических учений: сб. статей. М., 1990.

владению средствами производства, совместному ведению общинного хозяйства, к социально равному положению всех членов ассоциации. Попытки связать социалистическую идею с конкретными формами хозяйствования, например, с наличием товарно-денежных отношений, долей государства в управлении и т. д., не имеет, как нам представляется, достаточных оснований.

Одновременно сущностные характеристики социалистической идеи нельзя объяснить, как это мы описали в первой главе, только из отношений материального производства. Более того, будучи сведенной только к анализу производственных отношений, задача теряет свою научную ценность в силу абстрактности и односторонности. Мера социалистичности в общественном устройстве определяется целостностью экономических, политических, правовых, нравственных, религиозных и иных отношений.

При всей важности теоретического познания процесса становления идеи социализма, мы, тем не менее, основное внимание уделим проблемам ее генезиса в трудах классиков марксизма-ленинизма. Следует ответить на один сакральный вопрос: Какое общество все-таки построили в СССР и как оно соотнобразится с пониманием социализма классиками марксизма-ленинизма? Это позволит увидеть в сегодняшней социально-экономической действительности России долю и меру ее «социалистичности» или «капиталистичности».

Известно положение В.И. Ленина, в котором он констатирует, что учение Маркса есть преемник всего «лучшего», что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма³⁰. Современные научные исследования практически всегда представлялись как дальнейшее развитие и углубление принципиально коммунистических взглядов классиков, а тот уровень и состояние развития общественной мысли до появления работ классиков был не более как некоторый сырьевой материал, который, наконец-то, находит свое законченное научное выражение в теории научного коммунизма. Как совершенно верно пишет по этому поводу Н.Г. Федоровский, история взаимоотношений марксистской теории об обществе с современными ей направлениями развития социалистической идеи часто представляется в виде борьбы истинного вероучения

³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 43.

с многочисленными ересями, которые уже изначально обречены на поражение. Становление идеи социализма было лишь неизбежное предвосхищение марксизма, либо находящееся уже в его русле. Вопрос о том, могли ли развиваться немарксистские позитивные учения о социализме, даже не ставился³¹.

Время социального и экономического застоя только сгустило сумерки, приблизило время, когда сова Минервы-философия, политическая экономия,— может начать свой полет. Начинается процесс мучительного переосмысления прежних догматических аксиом теории социализма.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса до 1845 г. еще не вырисовывается отношение к социализму. Более того, взгляд на социализм осуществляется как бы со стороны. Социалистическая идея для Маркса теоретически выражает пока только «одну сторону, касающуюся реального бытия истинной человеческой сущности». Более того, коммунизм есть «особое, одностороннее осуществление социалистического принципа», а его некоторые формы выражения в трудах, например, Вейтлинга, Кабе и т. д., Маркс рассматривает как догматическую абстракцию, как «особое выражение гуманистического принципа, не освободившегося от влияния своей противоположности – частного бытия»³². Энгельсом коммунисты только противопоставляются чистым республиканцам. Коммунисты у Энгельса выступают частью сторонников социальных преобразований.

Уже в 1844–1845 годах Энгельс развивает понятие коммунизма до понятия «практического коммунизма». С последним связываются осуществление всеобщего обучения за государственный счет всех детей, полное попечительство со стороны государства о бедных, создание колоний для безработных за счет средств, полученных от внедрения прогрессивного налога. Более того, принцип налогового обложения, как это ни кажется парадоксальным сейчас, объявлялся чисто коммунистическим принципом³³.

Позднее Энгельс пересматривает свою точку зрения на идею социализма. Социализм, который стал соотноситься в тогдашней своей форме с миролюбием, стремлением изменить мир посредством завоевания общественного мнения, «не может стать общим

³¹ История социалистических учений: сб. статей. М., 1990. С. 25.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 379.

³³ Там же. С. 543, 544.

достоянием рабочего класса». Здесь начинают вырисовываться общие представления уже о «пролетарском социализме». Коммунизм уже не только не рассматривается как одно из направлений становления социалистической идеи, но начинает противопоставляться «истинному» социализму. В «Принципах коммунизма» сторонники коммунизма, как учения об условиях освобождения пролетариата, уже резко отделяются от сторонников «так называемых социалистов». Здесь право пользоваться термином «социалистический» принадлежало только сторонникам коммунистического труда.

В пятидесятых годах в работе «Классовая борьба во Франции» К. Маркс признает однако буржуазный социализм. «Буржуазный социализм... как и всякая другая разновидность социализма...»³⁴. Из высказывания самого К. Маркса следует, что мелкобуржуазный социализм был «теоретическим выражением пролетариата... до тех пор, пока пролетариат еще не дорос до своего собственного исторического движения». Пролетариат уступает этот социализм мелкой буржуазии, и «все более объединяется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, который сама буржуазия окрестила именем Бланки»³⁵.

В дальнейшем резкое противопоставление коммунизма и социализма смягчается, а в шестидесятые годы понятие коммунизма вообще отступило на задний план, хотя еще в семидесятые годы Энгельс продолжал себя называть в печати коммунистом.

Исследования, проведенные в последние годы, позволяют констатировать, что социализм все-таки рассматривался как более широкое направление развития общественной мысли, в котором существовали и продолжают существовать различные течения, отличающиеся друг от друга по различным признакам, или «современный социализм, независимо от направления»³⁶. Однако социализм конца 80-х – начала 90-х уже не был исключительно буржуазным, а допускал наличие социалистических направлений.

Взгляды В.И. Ленина на сущность социализма также эволюционизировали. Однако в них можно выделить некоторые специфические черты. Вопрос о праве называться социалистическим

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 90.

³⁵ Там же. С. 91.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21, С. 181.

В.И. Ленин ставил более резко и однозначно. Здесь явно превалировал классовый подход, напрочь отбрасывавший попытки заменить «классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов», т. е. речь шла под углом зрения представить себе социалистическое преобразование как свержение господства эксплуататорского класса, а не как мирное подчинение меньшинства, понявшему свои задачи большинству³⁷.

Мы отдаем себе отчет в том, что раскрытие сущности социализма как социально-экономической формации, не может быть предметом политической экономии. Но мы не можем обойти этот общий, фундаментальный вопрос. Не разрешив его, мы будем исподволь наткаться на него. Социализм, как одно из направлений развития общественной мысли, может быть выражен адекватно только как некоторая целостность всех внутренне противоречивых моментов: социальной, экономической, правовой, нравственной, культурной, политической и т. д. Экономическая сторона социалистической идеи безусловно раскрывается в отношениях собственности, которая должна быть выражена понятием «социалистическая собственность». Здесь уже ясно, что социалистическая форма отношений собственности может быть принята как становящаяся целостностью общественная форма присвоения, причем общественная форма в своей всеобщности.

В итоге социалистическая собственность есть выражение внутренне противоречивого образования: общности и собственности. Можно утверждать, что они представляют собой действительные противоположности. Общественная собственность есть отрицание частной собственности, в том числе и индивидуальной, на средства производства. Однако отрицание частной, или индивидуальной в том числе, собственности есть в то же время отрицание и самостоятельности бытия человеческого индивида. Ф. Энгельс по этому поводу выразился вполне определенно в обращении к Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету от 23 октября 1846 года. «Итак, я определил намерения коммунистов следующим образом: 1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществлять это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества;

³⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 25.

3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции»³⁸.

В.И. Ленин еще более определенно выражает сущность социалистической собственности. «Цель (и сущность) социализма: переход земли, фабрик и пр., вообще всех средств производства в собственность всего общества»³⁹. Далее, коммунизм значит – общий. Коммунистическое общество значит – все общее: земля, фабрики, общий труд – вот что такое коммунизм⁴⁰.

Мы позволим себе высказать вместе с тем одно замечание. Его суть сводится к тому, что хотя собственность вообще и не отрицалась, она, тем не менее, теряла своих реальных субъектов. Истинное понимание социалистической собственности не может заключаться исключительно в одной из противоположностей понятия, т. е. общественной. Чтобы нечто было общественным, оно изначально должно быть не-общественным, т. е. частным. Общественное есть общественное частных, которые находят в конечном счете своих реальных носителей в индивидуумах. Любая форма собственности: государственная, общенародная, коллективная должна находить свои конечные формы реализации как индивидуальная собственность, т. е. как совокупность отношений, условий бытия самого человека. В противном случае все виды общественных форм собственности, как показал весь исторический опыт развития социализма в СССР, теряет свое содержание, собственность превращается в свой антипод – в «ничейную» собственность, т. е. в не-собственность.

Теория социалистической собственности, или теоретическое осуществление социалистической идеи, оказалось не в состоянии адекватно выразить противоречивость бытия индивида в обществе, средства производства в котором объявились объектом общенародной собственности. Объективное требование социализации всего материального и духовного производства было понято крайне одно-сторонне и прямолинейно – как отказ от индивидуальных форм соединения производителя в социалистическом обществе со средствами производства. Построение некоторого нового социально-экономического образования свелось к построению эфемерного всеобщего.

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 60.

³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 263.

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 314.

Следует вскрыть теоретические предпосылки понимания подобной формы социалистического общества, т. е. формы сообщества, в котором всеобщее подчиняло себе свою честь, или индивидов.

Как известно, позиция классиков марксизма-ленинизма на этот счет была однозначна – в противоречивом процессе исторического развития ведущая сторона есть общее. Так, в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» К. Маркс писал, что органическая система как целостность имеет свои предпосылки, и ее развитие в целостность заключается в том, что она подчиняет себе все свои элементы или создает из них еще недостающие ей органы. В разрешении энтинмии «часть – целое» К. Маркс всецело стоит на позициях Г.В.Ф. Гегеля, для которого истинное есть целое. Интересно в этом плане рассуждение Гегеля о судьбе великой личности в обществе. Последнее давит выдающуюся личность своей свинцовой тяжестью, серой посредственностью, пока великое не станет такой же серостью. Здесь ощущаются трагизм столкновения личности (части) и общества (всеобщего).

Целое не только подчиняет себе свою часть, но и подавляет его. Можно сколько угодно оспаривать данное теоретическое положение. Разрешено же оно может быть только практикой. Если вся история человечества есть история противоречивого существования его интересов, то следует помнить следующее. Позиция Гегеля, Маркса, Ленина, отдавших приоритет всеобщему, имела под собой объективные предпосылки, которые даны вместе с самим существованием человека. Как известно, стадно-групповая форма организации имела бесспорные преимущества существования как антропоидов, так и первобытных сообществ. Эта форма веками формировала процессы социализации биологического путем подавления и преодоления «зоологического индивидуализма» (В.И. Ленин). Стадность, а затем общинность, есть необходимая форма выживания и последующего существования человеческих прасообществ. В образной форме это объективное требование выражено в раннем христианстве, когда в словах Иисуса Христа из Назарета человеческое сообщество напрямую отождествлялось со стадом баранов. «Мы молим Тебя (Иисуса Христа – *В.О.*), чтобы стали и мы тоже людьми стада Твоего и числилось в числе овец Твоих»⁴¹.

⁴¹ Мещерская Е.Н. Деяния Иуды Фомы. М.: Наука, 1990. С. 152.

В данных системах свою самодостаточность сообщество видит не в индивидах, а в своей целостности. Для него индивид не более как средство, а целое есть цель. В итоге общество относится враждебно к индивидам, которые каким-то образом выделяются из него. Оно жертвует индивидами, подобно тому, как стадо жертвует своими крайними индивидами.

Наиболее отчетливые и явные формы данная система выявила в период строительства социалистического общества в сталинскую эпоху. Человек был сведен к «винтику» огромного «государственного механизма», а сама система приобрела формы «социального каннибализма». Считать подобную систему как целостность можно только условно. Во-первых, целостность не есть какой-то законченный результат, а есть становящийся процесс. И это суть целостности, или тотальности. Во-вторых, целостность еще не следует считать организмом в полном понимании этого слова. Она в большей мере есть суммативная целостность, где индивиды подчинены целому.

Высказывая столь категорично свою точку зрения на проблему «части – целого», на разрешение этой проблемы в трудах классиков марксизма-ленинизма, мы приведем еще одно высказывание В.И. Ленина в пользу данного тезиса. «С точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, – интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения...»⁴².

В то же время, во взглядах К. Маркса на проблемы соотносительности «части – общего» обнаруживается противоречие, на что указывают некоторые исследователи⁴³. Например, утверждается, что частный интерес определяет систему всеобщих интересов. С другой стороны – сфера частного интереса рассматривается как часть целого (государства), т. е. в отрыве от целого. Тогда как на самом деле это не части, а подлинная сущность общества. Семья и гражданское общество представляют собой основу государства, т. е. предстают в форме сущности государства. При этом – семья и общество у К. Маркса выступают как части государства. Сущностная черта усматривается в целом, т. е. в государстве.

⁴² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 220.

⁴³ Развитие общественных отношений социализма как целостности (Проблемы методологии). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989.

Все эти отмеченные противоречия есть выражение диалектического противоречия «часть – общее». Маркс, безусловно, видит это противоречие и разрешает его в пользу целого. У него положение диалектических противоположностей не одинаково. Одна из крайностей берет верх, истина лежит в одной из сторон – общем.

Данное противоречие и односторонность была подмечена уже в XIX в. В.Г. Белинский прежде всего, с обычной своей страстностью, восстает против отвлеченного идеализма, далекого от конкретной жизни, который приносит в жертву мировому духу, обществу – индивидуальное, живую человеческую личность. «Судьба субъекта, индивидуума, личности, – пишет Белинский, – важнее судьбы всего мира и здоровья китайского императора (т. е. Гегелевской Allgemeinheit)»⁴⁴.

Однако было бы несправедливо и теоретически несостоятельно не отметить и того факта, что К. Маркс улавливает и другую тенденцию. Например, когда однозначно высказывает свое отношение в пользу части. Маркс пишет, что свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Однако мы не можем согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что данное противоречие К. Маркс формулирует в форме антиномии⁴⁵.

Антиномия потому и есть антиномия, что противоречие в явной форме выявлено как противоречащие друг другу суждения. Однако в антиномии противоречие еще не разрешено. Антиномия только показывает на дверь противоречия, которое нужно разрешить. У Маркса же несколько иначе. Противоречие выявлено и односторонне разрешено в пользу целого. Его противоречивые высказывания в пользу части говорят скорее о том, что как великий мыслитель К. Маркс не мог не заметить второй противоположности тенденции – определяющей роли части в становлении целостности. То, что однажды высказал К. Маркс по отношению к А. Смиту, подчеркнув его гениальность по сравнению с Д. Рикардо в раскрытии противоречий капиталистической действительности, в полной мере можно отнести и к нему самому.

⁴⁴ Цит. по: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания, 1955. М., 1990. С. 33.

⁴⁵ Развитие общественных отношений социализма как целостности (Проблемы методологии). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. С. 33.

Противоречия теории могут быть разрешены только в рамках самой теории. Противоречия бытия – исторической практикой. К. Маркс верно отразил как состояние теории, так и состояние материальной действительности. Уровень развития производительных сил был пока еще таков, что само существование индивида могло осуществляться только как через воспроизведение общины, рода, сообщества. И здесь Маркс был абсолютно прав. Конкретность истины в том и проявляется, что ее торжество осуществляется в конкретно исторические периоды. Во временном становлении капиталистического способа производства можно только заметить ростки будущих общественных отношений, когда общество из самоцели трансформируется не более как в средство достижения другой, более существенной и важной цели – цели расширенного воспроизводства общественного индивида. Человек начинает осознавать себя как конечную цель, осознавать свою самость, исключительность и индивидуальность в Космосе.

Следует признать, что подобные понимания предназначения места и роли человека высказывались ранее. Мы могли бы только отметить работы основоположника экзистенциализма Лоренцо Валлы, основоположников философии жизни М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, представителя «трагической онтологии» Макса Шелера, русских гуманистов – В. Белинского, русской философии – Н.А. Бердяева, и других. Однако данная теория о первенстве индивида в обществе не получила требуемого развития и современной политической экономии. Вся абсурдность, крайняя степень отчужденности в современном обществе наглядно отражается в том, что человек продолжает рассматриваться в политической экономии не более как «фактор» развития производительных сил.

Следовательно, есть серьезные основания утверждать, что Н.А. Бердяев – один из первых определил сущностные черты того общества, которое строили в СССР. Это сообщество им было определено как тотальное общество, как тотальная форма социализма. Социалистическая идея, в основу которой была положена всеобщность, абсолютная тотальность получила адекватные формы своего выражения в практике социалистического строительства в СССР и других странах Восточной Европы, Кубы, Вьетнама, КНДР,

социализма красных кхмеров и т. д. Ему противоположность, как это виделось Н.А. Бердяеву, есть индивидуалистический социализм⁴⁶.

Обширная критика нынешнего социалистического общества, которая звучит сегодня в обществе, есть часто поверхностная, неглубокая. Придание бывшему в СССР социализму эпитетов казарменный, феодальный, государственный, а также полное отрицание общества как социалистического, имеет под собой некоторые основания. Однако это будут отличия в границах вида. В этом лежит недостаток подобных дефиниций. Его родовое сущностное определение есть определение его как суммативно-целостного социализма. Поэтому в ответ на сакральные вопросы: «Какой все-таки социализм мы построили и продолжаем строить?», «Как он соотносится с социалистической идеей К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина?», – мы можем предложить следующее: – Общество, которое мы строили, соответствует пониманию социализма в его родовой, существенной определенности позициям классиков марксизма-ленинизма. Те же прямые извращения и отступления, как например, практика прямого уничтожения своих членов, политика социального каннибализма, конечно, ничего не имеют общего с пониманием социалистической идеи классиками. Однако это уже отличия несущественные, видовые.

Нынешний уровень развития производительных сил, уровень философского осмысления современного мира позволяет нам ставить вопрос и о глубоком теоретическом реформировании социалистической идеи. Одновременно сама практика построения общества позволяет перейти к его индивидуалистическо-социалистической идее, т. е. индивидуалистическому (Н.А. Бердяев), или, другими словами, гуманистическому, гуманному социализму. Социалистическая идея найдет свои имманентные формы выражения, если вся практика воплощения этой идеи будет вращаться вокруг солнца-человека. Ответив на вопрос, что за общество было построено в СССР, следует дать некоторые его специфические отличия. Так, в обществе, которое определено нами как суммативно-целостный тип социализма, человек всецело подчинен абстрактной

⁴⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания 1955 г. М., 1990. С. 33.

всеобщности, которая воплощается в абсолютности государственных интересов, в господстве общенародной (государственной) форме собственности, в жестко централизованной системе власти и управления, в ущемлении прав и свобод всех его членов. Жестко централизованная система хозяйствования имманентно отрицает свободу производителей и потребителей, она сама навязывает схемы управления, суть которых – подчинение, структурная и функциональная зависимость. Индивид перестает чувствовать себя как субъект своих собственных изменений. Это предопределяет система своими органами. В итоге субъект теряет интерес, а если перестают срабатывать приказно-нажимные, властные функции, то система управления оказывается парализованной. Анонимность функции управления порождает безответственность.

Можно согласиться с М. Вебером, что подобные системы были исторически оправданы. Однако истина в том, что каждая система хозяйствования необходима исторически. Общество вырастает из прокрустова ложа изначально властных систем по мере развития производительных сил, самого человека. Только выходя из царства необходимости в царство свободы, человек становится относительно свободен не только от природы, но и от общества. Речь идет не о том, что человек отходит от общественных норм, а о том, что сами нормы общества становятся внутренними нормами поведения и бытия индивида.

Для суммативно-целостного социализма адекватной формой движения и распределения продуктов является форма прямого распределения. Поэтому вполне естественно, что отношение общества к стоимостным формам движения продукта было до недавнего времени отрицательным. Для тотального социализма товарные отношения инородны. Поэтому теоретически спор между «товарниками» и «антитоварниками» был бессодержателен. Каждая форма находит свое воплощение в различных видах социализма. Этот спор был разрешен не на страницах научных журналов, а самой действительностью. Суммативно-целостная модель социализма полностью себя исчерпала, она теоретически и практически импотентна.

Поэтому мы не можем согласиться с теми авторами многочисленных публикаций, которые уверяют нас, что в ходе

социалистического строительства ленинские идеи социализма были деформированы. Они не были деформированы. Идея суммативно-целостного социализма получила в практике хозяйственного, политического строительства свои адекватные формы воплощения. Поэтому задача, которая стоит сейчас перед экономистами, политиками, политологами, обществоведами, не только осознать необходимость глубоких перемен, но и теоретически выразить необходимость отказа не от социалистической идеи вообще, а от идеи суммативно-целостного социализма. Современная модель присвоения продукта в России скорее может быть охарактеризована как несправедливая, так как в ее основе в процессе частной приватизации общенародной собственности в самой грубой форме работник был отчужден от средств производства. Ваучерная приватизация явилась скорее фиговым листком, прикрывавшая дикий отъем собственности у граждан России. Назревшие противоречия социалистического хозяйствования в результате перестройки, приватизации не получили своих адекватных форм разрешения. Поэтому современное состояние национального хозяйства можно оценить как систему, которая уже ожидает очередную повивальную бабку в лице очередного революционера передела собственности для восстановления элементарной справедливости. Это совсем не значит, что со временем будут господствовать идеи социализма, однако конечные формы разрешения противоречий собственности будут в большей степени учитывать принципы социальной справедливости. Можно высказать более категоричное суждение. Общество, построенное на нарушение принципов справедливости не может рассчитывать на развитие в длительной своей перспективе.

В итоге все хозяйственные, политические структуры должны быть коренным образом реформированы. Эволюция социалистической идеи должна осуществляться не как идиоадаптация, т. е. как приспособление, а как коренная перезагрузка системы. Это повысит всю жизненную организацию, интенсивность протекания общественных процессов. Только идея гуманного социализма, отказ как в теории, так и на практике от суммативно-целостного социализма, может реабилитировать социалистическую идею.

Конечно, сам исторический ход развития общества выдвинет на авансцену эту идею рано или поздно. Важно сейчас не отказаться

от социалистической идеи вообще, поддавшись всеобщей негативной эйфории, и в то же время отказаться от ее исторически обреченной и пройденной формы. Последняя может быть рассмотрена как необходимый и неизбежный для исторических условий СССР этап, как переходная ступень к более зрелому и развитому обществу социалистической ориентации. Другими словами, следует в самом этапе социализма различать его фазы зрелости. Не сводить этот переходный этап исключительно к переходному периоду, когда основы социализма казалось бы были построены. Следует помнить, что суть социализма не в каком-то его состоянии, а в его постоянном становлении, вызревании. Критериальный признак подобного вызревания видится нам не в абстрактном развитии производительных сил, а в постоянном раскрепощении развития личности, в переходе от состояния необходимости в состояние свободы. Мерой этого перехода будет сама личность.

Однако социалистическая идея находила свое отражение не только в работах ортодоксальных марксистов-обществоведов. Сейчас следует осознать и тот факт, что идеи социалистического устройства общества развивались теоретиками социал-демократии Запада, начиная с выработки программы на съезде в Эрфурте в 1891 г. Как известно, Ф. Энгельс оказал определенное влияние на выработку итоговых документов. Например, К. Каутский, как составитель программы, считал, что коллективное (*gemeinschaftliche*) производство требует коллективной собственности всех рабочих на принадлежащие им средства производства. Более того, государство у К. Каутского выступало как самодостаточное экономическое товарищество (*Selbstgenugende Wirtschaft*). В этом тезисе очень отчетливо проявляются различия позиций В.И. Ленина и К. Каутского. Можно сделать вывод, что социал-демократия с самого начала сделала выбор не на насильственное ниспровержение существующего строя, а на его естественное отрицание⁴⁷.

В политической установке СДПГ, которая была принята в Ганновере в мае 1946 г., было записано, что социал-демократия стремится к социалистической экономике, используя планомерное управление и формы обобществления.

⁴⁷ Kautsky K. Das Erfurter Programm. 12 Aufl., Stuttgart, 1914.

Программа социал-демократической партии, принятая уже в 1959 г., открыто и однозначно провозгласила осуществление принципов свободной демократии, в центр социалистического мышления поставила человека, причем человека не вообще, не абстрактного, а конкретного человека. Формы хозяйствования были определены только такие, которые совместимы со стремлением к свободе, справедливости и человеческому достоинству. Провозглашалась цель – постоянно повышать благосостояние и справедливое участие в доходах всего общества в условиях свободы без недостойной зависимости и без эксплуатации.

Деятели социал-демократического движения, определяя экономическую политику государства, утверждали о необходимости создания элементов саморегулирования и самоконтроля в обществе, о необходимости разделения власти в органах, которые созданы для осуществления экономической власти, о необходимости гласности как средства контроля со стороны общества. Место государства, которое подавляло личность, определялось меньшей долей необходимости. Свободе же в экономике – насколько это вообще возможно.

Социалисты-демократы признали одно очень важное объективное требование. Ни одно демократическое государство, не желающее своего самоуничтожения, не может терпеть безответственность власти, независимо от того, какова ее природа. Оно, т. е. государство, обязано подчинить общественному контролю, который узаконен и демократичен, всякую власть⁴⁸.

Наиболее примечательны требования съезда социал-демократии в Ганновере в 1973 г.: была провозглашена необходимость земельной реформы, расширение компетенции общин, включая ее право на отчуждение земельной собственности, введение налога на прирост стоимости земли. Было выдвинуто требование повышения уровня заработной платы с низкими доходами, а также уменьшение ее чрезмерной дифференциации. При этом нижняя граница должна обеспечивать достойное человека минимальное существование. Предлагалось осуществить все это через налоговую политику.

⁴⁸ Die Kontrolle wirtschaftliche Macht. F.a.M., 1959. S. 32.

Проблема собственности будет решена путем передачи вновь созданной стоимости в руки тех, кто до этого был неимущим.

В. Ханкель видит становление процесса социализации отношений собственности в облегчении доступа рабочих к владению производительной собственностью (Produktivfermugen)⁴⁹.

Здесь было обнаружено одно из противоречий отношений собственности: ранее полагалось, что среди представителей одного класса, например, не-собственников, не могут возникать антагонистические противоречия. Однако практика капиталистического хозяйствования выявила серьезные противоречия между рабочими, которые отстранены от управления, и менеджерами. В этой связи следует по-новому взглянуть и на противоречия между рабочими частных корпоративных предприятий, иных организационно-правовых форм, а также предприятиями, находящиеся в государственной форме собственности в России, и управляющими. Оппортунистическое поведение менеджмента на государственных предприятиях, организациях, учреждениях создают предпосылки для становления крайних форм отчуждения, воспроизводя тем самым противоречия собственности на новом качественно уровне.

Приведенные выше положения некоторых работ и документов современной социал-демократии позволяют высказать одну очень неприятную для современной политической экономии мысль, оскорбительную своей ясностью (Ф. Ницше). Социалистическая идея разрабатывалась не только в границах теории марксистской политической экономии, но и представителями экономической мысли социалистов Запада. Необходим глубокий, непредвзятый анализ состояния экономической мысли социалистических течений Запада. Пока ясно одно: социалистическая идея воплощалась в Германии, Франции, Италии, Португалии, Англии и Швеции. Шведская модель социализма не фантом, а сегодняшняя реальность. Ее реальность также в том, что она дала гораздо больше для реального человека, чем это было дано в стране «реального» социализма, т. е. в СССР.

⁴⁹ Hankel W. *Warungspolitik. Geldwirtschaftstabilisierung und Sparschutz*. Zuberarb.Aufl. Stuttgart, 1972.

2.2. Развивающиеся производительные силы как дифференцированная сущность собственности

Анализируя процессы исторического развития, классики марксизма-ленинизма всегда подчеркивали ту специфическую роль, которую выполняют производительные силы в своем единстве с производственными отношениями.

Данное фундаментальное противоречие в каждой общественно-экономической формации приобретает свое специфическое содержание. Например, в условиях капиталистического способа производства данное противоречие выступает в форме противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. И как было показано нами несколько ранее, производительные силы и производственные отношения не составляют каждая в отдельности некую свою обособленную субстанцию. Каждая из сторон есть лишь момент реального присвоения, протекающего в соответствующей форме человеческого общения, т. е. общественной форме присвоения.

Если форма общественного присвоения была определена как предмет политической экономии, то ее противоположность, т. е. содержание самого реального присвоения – производительные силы – не включались в предмет ни одной науки непосредственно. Сложилась парадоксальная ситуация, а именно: производительные силы, составляя важнейший элемент человеческого бытия, повисали в небытии теоретического исследования. Более того, самим производительным силам придавался самый различный теоретический образ. Исследования экономистов, политологов, философов свидетельствуют о глубокой неоднозначности понимания сущности производительных сил. При этом, как явствует из их теоретических исходных посылок, все стояли (или пытались стоять, по их собственным уверениям) на принципиальных позициях классиков марксизма. Так, уже начиная с переходного периода, производительные силы отождествлялись со средствами производства, т. е. факторами

производства. При этом неизменно подчеркивалось, что главная производительная сила есть трудящийся. Данная теоретическая концепция и сейчас имеет самое распространенное определение. Как нам представляется, ссылки в данном случае на классиков марксизма-ленинизма не только не убедительны, но и ведут к прямому искажению их теоретических взглядов.

Теоретическая дискуссия, проведенная в Советском Союзе в начале пятидесятых годов, закрепила то важное для теории положение, что быстрое и неуклонное развитие производительных сил есть объективное требование для развития производственных отношений. Вместе с тем уже И.В. Сталин производительные силы определял как орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду. И все эти элементы вместе составляли содержание концепта понятия «производительные силы общества». Тем самым были идентифицированы производительные силы с факторами производства, а именно с рабочей силой, производственными инструментами и т. д. При этом предметы труда вообще не были включены в их состав.

В дискуссии подчеркнута роль развития производительных сил в системе способа производства. Но то, что производительные силы и производственные факторы оказались неразличными, стало решающим в исключении производительных сил из предмета политической экономии. К нему, т. е. предмету политической экономии, относились формы собственности на средства производства, место различных социальных групп в процессе производства, их взаимосвязи и, наконец, полностью от этого зависящие формы распределения произведенного продукта. Все это в своей совокупности и составляло предмет политической экономии. Можно резюмировать: предмет политической экономии определялся исключительно формами собственности, отношениями в процессе производства и отношениями распределения.

Какие теоретические и исторические предпосылки легли в основу подобного определения предмета политической экономии? Этому способствовали следующие причины. Во-первых, в экономической и философской литературе исходили из того, что экономические законы выводились из экономического базиса общества.

Тем самым разрывалось единство производительных сил и производственных отношений. Более того, затушевывался противоречивый характер их единства. Производительные силы в одно и тоже время отождествлялись с людьми и производственными орудиями, инструментами, с предметами труда, с техникой (как непосредственная производительная сила общественного развития).

Сам по себе тезис о том, что К. Маркс исключил производительные силы из экономического базиса, в корне не состоятелен. Производительные силы всегда были одной из сторон экономических отношений. Ф. Энгельс в письме к В. Боргиусу писал о том, что содержание экономических отношений существенно шире, чем это представляется некоторым критикам. Они включают отношения, определяющие способ производства и обмена продуктами труда. Это отношения, которые складываются между людьми в процессе материального производства, включая технику производства и транспорта, природную среду и т. д.⁵⁰ Тем самым подчеркивается, что производственные отношения не составляют нечто самостоятельное целое, независимое от производительных сил, что понятие экономического базиса выражает и отношения людей к природе в процессе ее производительного присвоения.

Как пишет по этому поводу Х. Дунклер, речь идет о том, что производительные силы и производственные отношения нельзя оторвать друг от друга. Существует только пара категорий – базис и надстройка, и нет ничего однопорядкового с понятием «базис»⁵¹. Тем самым была сделана важная попытка ввести производительные силы в предмет политической экономии.

В шестидесятых годах содержание понятия «производительные силы» получило свое дальнейшее развитие. Это, прежде всего, касалось вопросов становления науки как производительной силы, а также раскрытие системного характера производительных сил. В пятидесятых и до середины шестидесятых годов среди политэкономов и философов широко распространена точка зрения, в соответствии с которой осуществление научно-технической революции есть процесс относительно самостоятельного развития производительных сил вне их связи с производственными отношениями.

⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 174.

⁵¹ Geschichte der Politischen Okonomie des Sozialismus. Umriss. Berlin. 1986. S. 64.

Понятие «производительные силы» уже в семидесятые годы отразило, что не следует абсолютизировать представление о науке как о непосредственной производительной силе.

К середине семидесятых годов довольно отчетливо определились две концепции в понимании производительных сил. Первая заключалась в том, что некоторые элементы производительных сил выступали как бы независимо от производственной деятельности человека. Это было отчетливо видно в появлении таких понятий, как «производительные средства труда», «производительная техника», «наука как непосредственная производительная сила» и т. д. Суть этой концепции состояла в том, что, с одной стороны, происходила переоценка значимости роли техники, технологии, автоматизированных систем управления и т. д. С другой стороны, недооценивалась роль человека, его творческих потенций.

Вторая концепция заключалась в том, что средства труда, техника, кооперация труда и т. д. характеризовались как факторы производства, которые становились производительными силами только в результате человеческой активной деятельности.

Исходя из этой методологической посылки, были сделаны выводы о том, что производительная сила труда есть функция конкретного полезного труда, что производительная сила есть целесообразная деятельность людей по производству потребительных стоимостей, и, наконец, что производительная сила труда нуждалась в средствах производства, благодаря чему последние обнаруживали свои сущностные свойства быть производительными силами. Или, другими словами, средства производства, отделенные от полезной, целесообразной человеческой деятельности, не есть производительная сила, а только факторы производства в потенции (*in potentia*).

Подобное понимание производительных сил подготовило все теоретические предпосылки, чтобы ввести производительные силы в предмет политической экономии. Производительные силы в своем широком понимании как рабочая сила, средства производства, наука, управление, производство, хозяйственный механизм и т. д. становились предметом политэкономических исследований. Тонкость, однако, заключалась в том, что все эти элементы изучались политической экономией и как производительные силы, и как формы взаимосвязей людей в обществе на их сущностном уровне.

В семидесятых и восьмидесятых годах дискуссия о природе производительных сил в обществе вступила в новую фазу, что было вызвано потребностью экономики. Возникла концепция научного труда как части совокупного общественного труда. Сама наука становилась имманентной частью интенсивно расширенного социалистического воспроизводства. Дискуссия перешла в сферу понимания природы производительных сил.

Одну из первых концепций представлял В.Г. Марахов. По его мнению, производительные силы должны пониматься как природные явления, которые лишь приобретают общественную форму. Производительные силы есть социальный природный фактор, направленный на преобразование природных форм вещества и энергии в формы, соответствующие материальным и духовным потребностям общества.

Сторонниками другой теории отстаивалось положение о том, что производительные силы выступают только как условия, предпосылки производительных сил труда, только как факторы, оказывающие влияние на степень эффективного использования живого труда. Материальная природа производительных сил понималась не в смысле их вещественно-предметного содержания, а в смысле предметного противопоставления человека природе, предмету природы и ее силам. Данная концепция очень метко противопоставляла производительные силы, выступающие только как предпосылка, т. е. в возможности (*in potentia*), и производительные силы в реальности, в действительности (*in actu*). Один из представителей и авторов данной концепции Г. Штиллер, раскрывая сущностные характеристики этой теории, писал, что понятие производительных сил связано с производительностью труда как явлением действительности и производительных сил труда как возможностью. Однако эта связь вуализируется, если производительные силы представляются как самостоятельная субстанция, как изолированные факторы производства.

В действительности понятие производительных сил может раскрываться только как система, органическое целое моментов и факторов производства в процессе реального противопоставления, противопоставления человека и природы. Будучи же взятыми

в отдельности, все эти элементы производительных сил есть только производительная сила в потенции, в возможности⁵².

Данная позиция, безусловно, содержит рациональное зерно. В ее основе лежит логика превращения возможности в действительность. Факторы производства не могут непосредственно стать производительными силами труда. Можно лишь утверждать, что производственные факторы есть производительные силы в потенции. Это необходимое, но недостаточное условие превращения их в производительные силы труда. Как было показано в свое время Г.В.Ф. Гегелем, для этого превращения необходимо осуществление ряда моментов, а именно:

- предмета, в которых многообразное внутри себя, находящееся с иными в связях, может проявить себя;
- условий;
- а также самой деятельности.

Только в совокупности всех этих факторов раскрывается достаточность в становлении производительной силы. Можно выразить данную мысль следующим образом. Само полагание единой субстанции, в нашем случае – собственности – как это было раскрыто нами ранее, необходимо полагает наличие субстрата, т. е. самих материально-вещественных предметов, вещей, природных сил, форм их технологической организации.

Вместе с тем при всей аргументированности данной позиции, с которой мы принципиально согласны, она, тем не менее, обладает существенным недостатком в том, что это положение при всей ее необходимости не может считаться достаточным в понимании собственности как субстанции. Так, производительные силы в этой концепции не воспроизводятся в своем диалектическом единстве с производственными отношениями. Диалектика производственных факторов как производительных сил (*in potentio*) в возможности и в действительности (*in actu*) не раскрывает природу производительных сил как дифференцированной сущности единой субстанции – собственности. Внутренняя взаимосвязь производительных сил, производственных отношений и собственности не рассматривается и не улавливается. Производительные силы и производственные

⁵² Stiehler G. Über Elastizität von Kategorien des historischen Materialismus. DZfph. 1977. № 7. S. 781–782.

отношения не рассматриваются как две стороны одной и той же субстанции – «развития общественного индивида» (К. Маркс). Производительные силы и производственные отношения есть не только материальные условия бытия общественного индивида, но они есть непосредственное его сущностное бытие. Вся совокупность материально-вещественных факторов становится производительной силой общественного индивида только в процессе материальной деятельности этого индивида, когда форма общественной взаимосвязи на их сущностном уровне, т. е. вся система производственных отношений, становится атрибутом собственности. И только в процессе этого материального воспроизводства общественного индивида факторы производства превращаются в производительные силы общества. В своей целостности данное единство выступает как движущее единство (*bewegte Einheit*).

Сами по себе вещественные элементы производительных сил могут существовать изолированно от человеческой деятельности. Однако, не будучи втянутыми в производственную деятельность, данные элементы могут рассматриваться только как факторы в потенции, хотя и познанные общественным индивидом, однако еще в силу производственной или организационной ограниченности не используемые. Тем самым отсутствует и это движущееся единство производственных факторов: рабочей силы, средств производства, предметов труда, природных сил, организационных форм их взаимосвязи. Как это представляется нам, К. Маркс в любом случае считал, что все входящие в состав элементов производительных сил факторы всегда были только факторами в потенции. Это не зависело от того, что природа этих факторов материализовалась в материально-вещественном субстрате, либо их содержанием были общественные формообразования (сфера форм общественной их организации). В любом случае все они являлись только факторами производства и были лишь носителями производительной силы общественного индивида. Далее, они были производительными силами труда только как проявление этого «движущегося единства» всей «целокупности» условий. Требуется пояснения, что материально-вещественные факторы определяются в потенции как производительные силы общественного труда (*Produktivkräfte der gesellschaftliche Arbeit*), а факторы, лежащие в сфере форм

их общественной организации, – всеобщими общественными производительными силами (*Allgemeine gesellschaftliche Produktivkräfte*). Таким образом, первые ассоциировались с производительными силами труда в их материально-вещественной форме, а вторые – с их общественной организацией⁵³.

В данном положении отношение к материалу труда, орудиям труда и его результатам понимается как производительная сила общественного труда. Последнее есть атрибут собственности, которое вместе с ее другой стороной – отношением между людьми – образуют ее субстанцию. Производительная сила есть определенная ступень общественной их организации. «...Способ совместной деятельности есть «производительная сила...»⁵⁴.

Все приведенные выше определения являлись различными определениями одной и той же сущности – производительных сил, но на их феноменальном уровне. **Сущностный же уровень производительных сил может быть выражен наиболее адекватно только как отношение людей к природе в процессе ее производительного присвоения.** Понимание производительных сил как средств производства, предметов труда, рабочей силы, а в этом отношении можно выразиться, и самого работника, – это не само содержание производительных сил, а их предметно чувственный образ, а также образ их общественной организации.

Как нам представляется, в основе подобного поверхностного понимания сущности производительных сил, во-первых, стал неадекватный перевод того положения К. Маркса, в котором он дает свое понимание сущности производительных сил. На языке оригинала интересующая нас фраза о сущности понимания производительных сил выглядит в следующем виде: «Unter Arbeitskraft oder Arbeitsvermögen verstehen wir den Inbegriff...»⁵⁵.

В переводе же на русский язык это положение звучит: «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей...».

На наш взгляд, перевод термина «der Inbegriff» как совокупность является очень неудачным. Совокупность есть некоторое

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 49. С. 79.

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т. 3. С. 28.

⁵⁵ Marx Karl. Das Kapital. B. 1, 2, 3. Berlin, 1986. B. 1. S. 181.

механическое единство, суммативное целое, не имеющее внутреннего единства, как результат присовокупления. Немецкое же слово «*der Inbegriff*» следовало бы перевести как «воплощение», «олицетворение» феноменального образа производительных сил, его эйдос, а не саму сущность, как внешний образ. Произошла подмена сущности ее внешним образом, а затем и их теоретическое отождествление.

Во-вторых, если внимательно следить за мыслью классиков, то можно определить, когда они ведут речь о производительных силах на их поверхностном, феноменальном уровне, и когда речь идет о их сущностных характеристиках.

Сложность в теоретическом анализе возникает в вычленении внутренней формы и соотнесении ее с внешней формой, в соотнесении внутренней формы с внутренним содержанием, а также внешней формы с соответствующим ей содержанием. Когда авторы под производительными силами общественного труда, тем не менее, полагают средства производства как факторы, созданные человеческим трудом, а работника как главную производительную силу, то они схватывают в мышлении не сущностную характеристику производительных сил, а лишь их поверхностный уровень, их предметно чувственный образ. С другой стороны, здесь можно обнаружить невнимательность прочтения классиков в целостности их развивающейся концепции, а также неадекватность перевода некоторых мест из литературного наследия.

Совокупность элементов, которые образуют систему, вещь, процесс и т. д., всегда представляется как структурно оформленная система, что образует содержание вещи, системы, процесса. Однако это есть самое поверхностное представление содержания. Как мы полагаем, в данном случае мы не можем говорить о понятии «содержание производительных сил», так как оно нам не дано. Содержание понятия есть целостность явления сущности, а не внешние образы. На этом уровне познания социально-экономической действительности содержание дано нам в качестве представления. Этому уровню в понимании содержания соответствует имманентная ему форма. Здесь она часто, как, например, в разговорно обиходном употреблении, понимается как внешний вид, образ, проявление вещи, но еще на уровне ее «кажимости», а не как явление сущности. Здесь форма есть самое поверхностное проявление вещи в ее

реальном экономическом процессе. Другое же, уже внутреннее содержание вещи, процесса и т. д. выступает в форме совокупности свойств, внутренне соответствующих вещи, процессу в противоположность к внешней форме вещи, процесса. В этом случае содержание выступает как синоним внутренних связей. Данному пониманию содержания соответствует понятие формы как структуры, как совокупности внутренних связей между элементами. В нашем случае это представляет особый интерес для политэкономических исследований – отношений между людьми по поводу их собственного воспроизводства как общественных индивидов.

Мы полагаем, что отношение людей к природе в процессе ее производительного присвоения тождественно этим внутренним связям. Благодаря им мы можем судить о системе присвоения, о том, что она есть сама по себе, т. е. о ее сущности, хотя и в ее форме дифференцированной сущности.

Форма же данного содержания выступает как их общественная связь, как общественная форма присвоения. Это другая сторона сущности, но такая же дифференцированная сущность. Взятые в своем диалектическом единстве они есть то, что составляет экономическое отношение, а в своей совокупности – базис.

Противоположности в данном случае выступают как неравнозначные. Нарастание степени напряженности противоречия идет за счет развития своего содержания, хотя сам импульс к изменению прежнего качественного состояния данная противоречивая система получает со стороны своей формы – производственных отношений. Тем самым активная роль формы по отношению к содержанию заключается, в первую очередь, в том, что организует содержание и выражает его потребности. Вместе с тем здесь нет никакого жесткого детерминизма в процессе изменения содержания. Можно утверждать, что хотя производительные силы как отрицательная сторона противоречия собственности и вызывают изменения в формах общений, тем не менее и производственные отношения оказывают как прямое, так и обратное воздействие на производительные силы. Здесь причина и следствие как бы меняются местами. Происходит обратное воздействие следствия на причину. Процесс как бы замыкается на себя, оформляя процесс своего самодвижения, саморазвития.

Так как внутренние моменты формы и содержания, которые лишь выражают сущность экономических процессов, протекающих в реальной действительности, свое развитие получают через движение внешних форм, то последние придают своей системе определенную устойчивость и, одновременно, изменчивость. Эти внешние формы, материализованные в системах управления, хозяйствования, формах обмена в обществе и т. д., как бы аккумулируют, удерживают изменяющееся в содержании, а вместе с тем и во внутренней форме. Становится ясным, что накапливающиеся во внутреннем содержании потенции к изменениям не могут приводить автоматически к изменениям в формах общения в сфере производства «общественного индивида», т. е. в отношениях собственности. Тем самым не происходит и изменения на сущностном уровне и формы общественной связи во времени.

Данное противоречие собственности, которое является предметным противоречием по своей форме, не может разрешаться описанным Г.В.Ф. Гегелем «снятием» или *das Aufheben*. Оно может быть разрешено только тем, что устанавливается новое предметное отношение. Но новое отношение может быть установлено только в результате практической деятельности людей, когда они воспроизводят свою собственную расширенную форму бытия. Это новое отношение изменилось в направлении, детерминированном развившимся содержанием, которое, однако, рассматривается нами не в абстракции от производственных отношений, а их противоречивом взаимодействии.

Между производительными силами и производственными отношениями, следовательно, существует определенное соответствие и в то же время – несоответствие. Поэтому мы полагали бы, что между производительными силами и производственными отношениями все время отмечается «борьба» противоположных тенденций в самой субстанции – собственности.

Производительные силы и производственные отношения в одном и том же отношении одновременно и тождественны, и различны, их состояние одновременно характеризуется как устойчивостью, так и изменчивостью. Поскольку само материальное производство связано с изменением средств труда, предметов труда, их совершенствованием, облагораживанием, то тем самым

изменяется, и их организация на внешнем, феноменальном уровне, следовательно, и их внутренняя взаимосвязь, т. е. вся система производительных сил и производственных отношений. Именно внешние формы становятся теми проявлениями, посредством которых получают движение и разрешение внутренние противоречия системы производительных сил и производственных отношений.

Третье понимание производительных сил раскрывается в системе их внутренней связи, т. е. как структуры, которая отражается в другой системе с соответствующей ей структурой. Например, отношения людей к природе в процессе ее производительного присвоения отражаются в ее общественной форме – системе производственных отношений. Можно данное положение выразить следующим образом. Производственные отношения есть те же производительные силы, но взятые как бы в преломлении их через отношения между людьми. Когда мы начинаем рассматривать содержание как таковое, то мы отталкиваемся от формы и переходим к тому объекту, который эта форма отражала. И, как указывал Г.В.Ф. Гегель, данное определение содержания есть его самое существенное определение. Содержание переходит в форму непосредственно, как и форма переходит в содержание. Более того, они становятся как бы тождественными. Однако данный переход может осуществляться только в мыслительной абстракции. Противоречие же здесь разрешается в той форме, в которой происходит гегелевское «снятие», *das Aufheben*. В результате оно уходит в основание, которое есть новое глубинное основание. В нашем случае – производительных сил и производственных отношений. Оно есть, тем самым, тождество в своей различности, т. е. единство тождества и различия. Происходит процесс образования, становления нового понятия собственности. Содержание «старого» понятия находится во вновь выработанном «снятом» содержании.

Отсюда видно, что процесс разрешения противоречия между содержанием и формой (противоречие между производительными силами и производственными отношениями) есть процесс движения понятия собственности, который лишь выражает процесс реального присвоения в своем единстве – отношения людей к природе в процессе присвоения продуктов природы и труда, а также и отношений между людьми в процессе данного присвоения.

Данное понимание диалектики содержания и формы есть понятие движения субстанции, противоречия в самой субстанции. Речь идет, таким образом, о переводе, отражении системы посредством другой системы. Если несколько «заострить» вопрос, то можно сказать, что речь идет о содержании мышления о производительных силах, как содержания мысли, и формах, посредством которых мы эти производительные силы мыслим, т. е. об оформленном в мыслях содержании производительных сил. Сказанное в полной мере относится к любому предмету исследования, который предстает в диалектическом единстве содержания и формы осмысления. Содержание собственности в мышлении есть то, что оно есть по своей «самости», есть содержание мысли. Последнее же не может мыслиться иначе, чем в каких-либо формах мышления, или другими словами, содержание собственности как мысль, становится тождественной самой мысли, самому оформленному в понятиях, суждениях, умозаключениях мышлению. Именно только в этом случае имеет какой-то содержательный смысл говорить о тождестве содержания и формы. Но, тем самым, лишается почвы и вся система утверждений о тождестве формы (производственных отношений) и содержания (производительных силах). Данное тождество и их непосредственный переход может рассматриваться только в сфере познания собственности, а не в самой собственности как реальном, действительном отношении производительных сил и производственных отношений.

Феномены и взаимосвязи объективной реальности в процессе воспроизводства «общественного индивида» всегда находят ту или иную (адекватную или неадекватную) форму выражения в мышлении как содержание человеческого мышления в понятиях, теориях, концепциях. Содержание образует и в этом случае диалектическое единство, сущностью которого будет противоречивость содержания понятия и формы мышления. Вообще не существует каких-либо бессодержательных форм или бесформенного содержания. Поэтому содержание собственности и форма собственности в мышлении всегда только соотносительные понятия. С одной стороны, соответствующее содержание определяет форму, структуру, вещи, процесса, в том числе и всей системы отношений собственности. Этот процесс осуществляет не какая-то внешняя сила.

Само содержание оформляет форму своего собственного бытия и мышления. С другой стороны, форма оказывает обратное воздействие на содержание, которое оно оказывает в большем или меньшем соответствии содержания мысли ее выражению в понятиях, категориях, суждениях, умозаключениях⁵⁶.

Данное положение для познания процессов, протекающих в сфере производительных сил и в сфере производственных отношений, приобретает исключительно важное значение. Оно дает теоретическое объяснение роли каждого элемента собственности как субстанции, позволяет разрешить гносеологическое противоречие между познанием сущностных моментов производительных сил и производственных отношений как атрибутов собственности и познанием их внешних, феноменальных образов. Тем самым познается неодинаковая роль в противоречивом процессе их взаимодействия. Атрибуты субстанции, в нашем случае собственности, в которых раскрывается ее сущность (производительные силы и производственные отношения), не могут «схватываться» мышлением как нечто непосредственно данное и положенное сознанием в чувственных образах, как тождественное этим образам. Ни производительные силы, ни производственные отношения не могут быть даны *непосредственно* в конкретно чувственных образах и представлениях. Производительные силы и производственные отношения как сущность хотя и происходят из непосредственного бытия, но, тем не менее, к самому бытию не сводятся. Если в процессе познания экономических явлений мы за внешние образы принимаем нечто существенное, то тем самым мы обрекаем себя на блуждание в области «видимости» сущности, не-сущности (Unwesen).

Вместе с тем подобное понятие о соответствии производительных сил как сущности и как видимости ее было бы крайне обидным. Истина заключается не в том, чтобы выразить результат. Последний, будучи взятым сам по себе, без своего процесса становления, есть, по образному выражению Г.В.Ф. Гегелю, труп, который оставил после себя тенденцию.

Представляет определенный интерес выявление теоретических корней подобного смешения сущностных и внешних,

⁵⁶ Philosophisches Wörterbuch. Leipzig, 1975. B. 1. S. 574, 575.

или феноменальных, форм производительных сил как важнейшего атрибута собственности.

Как нам представляется, производительные силы, как одна из дифференцированных сущностей собственности, выходят из самого процесса природного бытия – производственной деятельности индивидов в их совместном процессе своего собственного воспроизводства. Саму же сущность следует понимать не как некоторую застывшую данность, а как процесс ее собственного движения из сферы бытия к самой себе, как ее становление в своих сущностных определениях. Производительные силы, таким образом, есть лишь момент их существенного наличного бытия, которое противостоит его несущественному моменту. Таким несущественным моментом может быть конкретная модификация производительных сил. В данной форме они есть лишь различные несущественные *внешние* формы: станки, наука, предметы труда, работник и т. д. Последние же, будучи лишенными своего существенного бытия, делают любое наличное бытие производительных сил как лишенное сущности, как «ничтожность». Здесь производительные силы есть только совокупность внешних факторов производства. Будучи взятыми сами по себе, эти факторы производства не обнаруживают свою всеобщность. Они равнодушны друг к другу. Только на этом уровне познания можно «серьезно» полагать, что наука, как и другие факторы, есть «непосредственная производительная сила». Производительные силы в своих внешних образах не дают понятия, они есть их внешняя рефлексия в другое, во внешность. ***Производственные факторы в своей совокупности противопоставлены сущности, т. е. производительным силам, как несущественное противопоставлено существенному.***

Производственные факторы в форме средств труда, работников и т. д. приобретают как бы независимое от самой сущности существование. Однако последнее может существовать только в абстракции. Следовательно, отождествлять эти две, как бы независимые формы существования сущности и бытия, значит не подниматься за пределы эмпирического мышления, что составляет удел муравьев (Г.В.Ф. Гегель). И хотя данный уровень познания является необходимым, он, тем не менее, является недостаточным. Вообще процесс познания реальной действительности идет от познания конкретно

чувственных образов к сущности; последняя сначала выступает как видимость, ее явление и, наконец, к действительности. Если на первом этапе бытие представляется как видимость сущности, то на втором этапе уже сущность являет себя в бытие, но бытие здесь уже как бы «оплодотворенное сущностью». Мы можем заметить, что подобный метод исследования экономических проблем был применен философом Л.А. Маньковским⁵⁷.

Для данного этапа познания природы производительных сил характерно то, что в средствах производства, предметах труда, науке, технологии, формах кооперации и т. д. начинает усматриваться нечто всеобщее и необходимое, как присвоение природы определенным способом, который, в свою очередь, определен достигнутым уровнем развития средств производства и самого работника. На данном уровне познания сущностное определение производительных сил раскрывается в каждом конкретном ее проявлении, т. е. в каждом факторе производства. Первоначальная видимость сущности в представлениях и внешних образах совершенствуется, приобретает устойчивость, закрепляясь в понятии «производительные силы». Тем самым видимость сущности производительных сил перешла в явление. «Определенная сущность (Wesenheit), достигшая непосредственности, есть, во-первых, существование, а как неразличенное единство сущности со своей непосредственностью – существующее или вещь»⁵⁸.

Тем самым мы как бы опять возвращаемся к средствам производства и работникам, как простым моментам производства, но они уже берутся не просто как внешние данности, а как единство сущности и их наличного – бытия, т. е. с их непосредственностью. Именно на данном этапе познания сущности производительных сил создаются теоретические предпосылки не идентифицировать сущность и ее наличное бытие, которое, как мы это показали, представляется как многообразность ее внешних форм. Сущность, как существенное бытие, в непосредственном единстве со своим непосредственным бытием есть их полное взаимопроникновение,

⁵⁷ Маньковский Л.А. Логические категории в «Капитале» К. Маркса // Диалектическая логика в экономической науке. Уч. зап. № 179. Моск. гос. педгог. ин-та им. В.И. Ленина. М., 1962.

⁵⁸ Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1970–1972. Т. 2. S. 111–112.

есть действительность. Здесь уже факторы производства, взятые в своем единстве с целенаправленной человеческой деятельностью, что есть их движущее единство, предстают как производительные силы. Следовательно, мы как бы опять возвращаемся к исходным посылкам понимания производительных сил. Здесь они уже исследуются не как всеобщие формы, а как единичные феномены. Действительность производительных сил выступает как единство сущности и явления. Феномены производительных сил выступают уже как бы «упорядоченными» результатами в процессе исследования.

Как нам представляется, именно незаконченность теоретического анализа сущности производительных сил и является, с одной стороны, той причиной, которая привела в конечном счете к идентификации производительных сил с их феноменальным уровнем – средствами производства. Если попытаться более образно выразить суть проблемы познания сущности производительных сил, то имеет определенный смысл обратиться к понятию «эйдос» у А.Ф. Лосева. Производительные силы как действительность есть, по А.Ф. Лосеву, «эйдос», «явленный лик», есть «смысловое изваяние сущности»⁵⁹.

С другой стороны, производительные силы не оторваны от внешних форм бытия, поэтому сущность не может существовать вне своего явления объективно, а только в нем. Производительные силы и производственные факторы в форме средств производства, конкретного работника, форм их технологической и общественной организации образуют неразрывное диалектическое единство. Производительные силы, как сущность средств производства и людей, и производственные факторы, как наличное бытие производительных сил, есть только две стороны одной реальной противоположности моментов действительности. Одна сторона – внутренняя, доступная только на уровне теоретического анализа, другая – внешняя, которая «схватывает» явление в его конкретно-чувственных образах.

Бесконечная множественность явлений производительных сил, как было показано нами ранее, используя при этом методологию исследования, разработанную в «Науке логики» Г.В.Ф. Гегеля, примененной в исследовании капиталистического способа

⁵⁹ Лосев А.Ф. Философия имени. М.: МГУ, 1990. С. 121–122.

производства К. Марксом, содержит в себе и нечто большее, и именно момент своего самодвижения. Это нечто большее образует многочисленные объективные и субъективные опосредующие факторы, которые одновременно могут модифицировать сущностные формы проявления. Поэтому, как мы полагаем, объективно не существует причин, которые исключали бы производительные силы из предмета политэкономии. Более того, вводиться в предмет политической экономики они должны не потому, что «связаны» с производственными отношениями (этот довод мы считаем недостаточным и крайне поверхностным), а потому, что они есть атрибуты собственности. Производительные силы не просто есть некая «другая» от производственных отношений субстанция, а они есть само существование производственных отношений в их другой сущностной форме инобытия. Каждая сторона содержит в себе свою иноположенность и одновременно свое собственное отрицание.

2.3. Собственность как структурное и процессуальное противоречие

Для каждого способа производства характерно присвоение человеком предметов природы. Существенным содержанием этого процесса является то, что присвоение предметов природы есть само жизнебытие человека и как существа биологического, и как социального. Данный мир, в котором все взаимосвязано, взаимообусловлено, есть мир как целостность.

Не развивая сложившиеся в истории философии взгляды на понимание субстанции и в дополнение изложенному нами в первой главе, мы отметим только следующее. Так называемая «субстратная» трактовка основания всего многообразия исходит из того, что в понятии «субстрат» основание мыслится как нечто опосредуемое конкретными материальными образованиями. По своей исходной посылке, эта концепция восходит к понятию всеобщего, данному Аристотелем. Вторая концепция основы исходит из понятия «общего»,

данного Платоном. Здесь уже всеобщее мыслится не как некоторое материальное образование в своих внешних вещах, а как духовная субстанция. Основа всего многообразия исходит не из внешнего бытия других вещей, а из опосредования с самим собой. Однако эта основа может выявить себя только во взаимоотношениях с миром внешних вещей, процессов. Как нам представляется, обе эти концепции вполне имеют право на научную жизнь. Но, как показал в свое время Г.В.Ф. Гегель, эти концепции не в равной степени отражают материальную основу человеческого бытия.

Собственность как субстанция выявляется внешним образом как движение, сущность которого есть та же субстанция, но взятая уже в своем единстве со всем имманентным ей способом бытия – самодвижением. Только в моменте внутренней различности можно уловить намеки на осуществление принципа самодвижения. Для гомогенного образования, которое не может при этом приобрести структурную оформленность, принцип самодвижения не может иметь место. Движение в своих источниках следует искать где-то во вне, а не в самом предмете, процессе. Следовательно, и субстанция не могла бы быть тогда источником и причиной своих собственных изменений и самодвижения.

Данная характеристика собственности отражает необходимость исследования не только ее сущностного, но и внешнего уровня. Собственность, в том числе и социалистическая собственность, должна быть выражена в своих имманентных только ей формах движения и реализации. Но этими формами движения отношений собственности могут быть ее внешние формы. Способ, каким осуществляет себя собственность как сущностное противоречие, есть в то же самое время сам процесс ее движения и реализации. Вообще бытие отношений собственности есть процесс присвоения индивидом предметов природы и одновременно процесс разрешения противоречия собственности – противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Материальное производство условий человеческого бытия как форма движения и разрешения противоречий социалистической собственности не существует ни до, ни вне собственности или независимо от нее. Сам процесс расширенного воспроизводства общественного индивида есть процесс установления новых отношений присвоения, т. е. собственности.

Следовательно, выработка на данном этапе форм соединения работника со средствами производства превращается в важнейшую актуальную проблему. Это новое отношение собственности разрешает противоречие в сущности, формируя ее качественно новую структуру. Если при этом абстрагироваться от производственной деятельности, то можно полагать, что собственность представляет собой структурно-субстанциальное отношение. В структуре отражается только «напряженность» отношения, но не само отношение, которое может быть только активным, деятельным отношением. Структурный аспект собственности как противоречия выявляет уровень ее напряженности.

Как нам представляется, значительная доля работ, посвященных анализу социалистической собственности, касалась исследований структуры собственности, причем анализировалась только общественная форма присвоения. Вполне теоретически обосновано выделение группы отношений, которые складывались в процессе производства, распределения, обмена и потребления. Это позволяет вычленять различные аспекты социалистической собственности, устанавливать определенную иерархию в своей структуре отношений.

Сейчас становится ясным, что дальнейшее развитие теории собственности будет идти по пути анализа внешних форм, т. е. по пути наиболее адекватного нынешнему состоянию механизма производительного и присваивающего хозяйствования. Первые подобные разработки были выполнены в середине шестидесятых годов. Так, Н.Д. Колесов первый предпринял успешную попытку анализировать отношения социалистической собственности не только со стороны структуры, но и со стороны форм ее движения и реализации. Фактически это означало, что исследование собственности стало приобретать новые важнейшие аспекты – наметилась тенденция перехода от субстратного к функциональному методу⁶⁰.

Если для первого подхода было характерно исследование относительно независимых субстратных отношений, в данном случае структурных отношений собственности, когда господствовало неосознанное убеждение в том, что все функции есть проявление самой

⁶⁰ Колесов Н.Д. Общественная собственность на средства производства – основное производственное отношение социализма. Л.: ЛГУ, 1967.

собственности, то для второго этапа характерно то, что субстратно-функциональный метод исследования собственности уже пытался реализовать цель – увязать структуру собственности с формами ее движения. Данный метод, тем не менее, обладал тем недостатком, что он по своей природе носил дуалистический характер⁶¹. Формы функционирования, которые были одновременно формами реализации собственности, не вытекали непосредственно из самой структуры собственности. Стали возникать теории, которые как бы раздваивали все единство форм движения отношений социалистической собственности. Причем некоторые формы, как, например, движение товарных форм, объяснялись не формами движения собственности, а общеэкономическими формами. Тем самым проявился дуализм субстратно-функционального подхода в исследовании природы собственности. Структура собственности становилась как бы самостоятельной и независимой формой наряду с ее функциональными формами движения. Связь между ними разрывалась, они представлялись независимыми, самостоятельными, не порождающими друг друга материальными субстанциями.

В итоге субстратно-функциональный способ исследования собственности проявил свою ограниченность. Его недостатки в определенной мере снимаются субстанциальным пониманием собственности. Характерным для этого метода становится понимание собственности как целостности, как комплексного отношения. Сущность этого отношения раскрывается как противоречие в самой сущности данного отношения. Собственность как субстанция есть единство структуры отношения и самодвижения ее. Последнее на поверхностном уровне экономической реальности проявляется как функционирование, как множественность форм движения, реализация собственности.

Субстанциальное понимание собственности позволяет уже не фиксировать связь между явлениями экономической жизни, а раскрывать ее внутренние причины, ее детерминированность. Собственность в ее понимании как действительность предстает уже как единство сущности и явления. Это значит, что собственность

⁶¹ Аринин Е.И. Субстратный, функциональный и системно-функциональный принципы познания сущности явления: автореф. ... дис. канд. филос. наук. М., 1989.

на высшем уровне, этапе познания «схватывается» мышлением как единство своей внутренней структуры (как единство производительных сил и производственных отношений), форм их внутреннего взаимодействия (как способ производства или присвоения), а также как многообразие внешних форм, как результат «овнешнения» этих внутренних взаимосвязей, внутреннего взаимодействия (механизм хозяйствования в многообразности форм проявления). Собственность предстает, таким образом, как целостность объекта в единстве со своей внутренней основой (что находит свое выражение в сущности субстанции), ее имманентными атрибутами (сущностными характеристиками), со своими акциденциями, т. е. внешними формами существования. Собственность, понимаемая таким образом, предстает как становящаяся тотальность, как единая целостность, оформляющая свои недостающие моменты, как единство структуры и форм движения всех уровней.

Производственные отношения сводятся к экономическим отношениям, составляя только одну из их составных частей. Экономические же отношения, как это становится понятным, не сводятся к производственным отношениям ни по своей структуре, ни по формам своего движения.

Вполне обоснованы выводы тех экономистов, которые выделяют из всей системы отношений основное производственное отношение, которое лежит в основании системы, образуя фундамент всей общественной формы присвоения. Существенные разногласия наступают в выделении конкретного отношения.

Так, наиболее распространена точка зрения, в соответствии с которой основное производственное отношение есть отношение собственности. Как видно из самого определения, основное отношение выделяют из сферы форм общественной связи, т. е. из сферы производственных отношений. Однако, как нам представляется, в этом и заключается вся слабость теоретической позиции, где собственность сведена исключительно к ее общественной форме присвоения. Присвоение само, т. е. то, что К. Маркс называл действительным присвоением (собственность), осталось вне поля рассмотрения.

Поэтому, как нам представляется, основное отношение следует искать в системе экономических отношений, а не производственных. Это отношение и есть отношение собственности,

но последнее понимается нами как субстанциальное отношение, как основание, как выражение всего многообразия форм, которые вырастают из субстанции. В этом случае основное экономическое отношение – это комплексное отношение людей к природе в процессе ее присвоения, которое опосредовано второй сущностной стороной – отношениями между людьми в процессе реального присвоения, т. е. общественной формой этого реального присвоения. В то же время мы подчеркиваем теоретическую правомочность выделения и основного производственного отношения, которое, естественно, лежит только в общественной форме присвоения. Данное основное производственное отношение очень часто усматривается в собственности на средства производства.

Анализ структуры собственности, таким образом, раздваивается на анализ ее подструктур: системы производственных отношений и системы производительных сил. Как структура, система производственных отношений достаточно плодотворно разрабатывалась на ее сущностном уровне. Хотя мы несколько раньше также отметили тот факт, что со стороны форм своего движения на уровне сущности, данная проблема разрабатывалась менее интенсивно. Первый, кто выделил формы реализации (движения) как предмет политэкономического исследования, был Н.Д. Колесов. Вместе с тем связь форм реализации собственности с отношениями реального, действительного присвоения, что было их содержанием, не была раскрыта. Владение, пользование, распоряжение как бы зависали в воздухе, так как не обнаруживалась непосредственная связь с производительными силами.

В реальном экономическом процессе не могут обособленно существовать сами по себе ни экономические формы, ни формы общения людей в процессе материального производства, ни само реальное присвоение вне этих форм. Производительные силы – это производительные силы присвоения природы посредством материального воздействия людей в процессе труда. Как нам представляется, распоряжение как общественная форма реализации собственности есть общественная форма управления в процессе реального присвоения. Отношения между людьми по организации производственного процесса, безусловно, лежат в сфере производительных сил и являются тем реальным содержанием, которое уже в форме производственных

отношений и есть распоряжение. Любая производственная функция, например, управление, не может быть чем-то исключаящим свои имманентные ей общественные формы организации производительных сил, а с другой стороны – чем-то исключаящим сами производительные силы. Таким образом, мы считаем теоретически несостоятельными попытки ввести некие «пограничные» производственные отношения, которые, как это представляется авторам, лежат на «стыке» производительных сил и производственных отношений. Более того, объявляется, что эти производственные отношения являются субъектно-объектными по своей сущностной природе.

В данной позиции в явной степени проявляется дуализм теории. Противоречивая внутренняя природа производственных связей представляется как внешнеположенное сосуществование производственных отношений в форме организационно-экономических отношений. Если объявляется, что эти отношения есть производственные отношения, то они и должны лежать в сфере производственных отношений, а не каком-то метафизическом стыке. *(Вообще, понятие «стыков», «границ» в содержании политэкономических категорий придает некоторую «закостенелость» в развитии теории, характеризует не только ее умозрительность, но и метафизическую сущность).*

Другой существенный недостаток данной теории, но уже в области методологии состоит в том, что эти отношения, которым даже придается статус экономических категорий, как форм их выражающих, не выводятся из практики. Они только называются, предлагая читателям брать, как само собой разумеющееся, эти сомнительные послылки, вместо того, чтобы нахождением опосредованных форм доказать истинность этих посылок.

Если характеристику общественной формы присвоения со стороны структуры можно раскрыть такими категориями, как производство, распределение, обмен, потребление, то со стороны реализации, движения эта общественная форма раскрывается такими категориями, как владение, пользование, распоряжение, расходование.

Вместе с тем, содержание некоторых категорий нуждается в уточнении. Мы склонны полагать, что собственность и присвоение понятия не тождественны, как это считает и большинство

экономистов. Однако данные различительные признаки лежат несколько в иной плоскости. Присвоение есть форма реализации собственности. Собственность, как мы это понимаем, по объему понятия существенно шире. Отношения собственности включают в себя не только отношения структуры, но и формы реализации собственности, формы ее функционирования, т. е. собственности как процесса, деятельного, процессуального отношения. Следовательно, мы разводим понятия «присвоение» (сфера, лежащая в производительных силах) и «общественная форма» этого присвоения (сфера производственных отношений). Присвоение объектов материальной жизни, как отношения людей к природе, раскрывается в управлении людьми, организации производственного процесса, а также процесса движения материальных благ, планировании и т. д. Вся эта совокупность раскрывается как содержание, которое соотносится с общественной формой этих отношений – распоряжением. Иными словами, если отношения людей к средствам производства, человеку, как носителю производительной силы, реализуется в процессе управления, планирования, организации, то в этих же процессах управления, планирования, организации реализуется и собственность, но рассматриваемая уже со стороны общественной формы присвоения.

Конечно, можно наполнить содержание категорий другим смыслом, но, как нам представляется, следует максимально использовать содержание понятий, выработанных в процессе развития теории. Если не вырывать данный тезис из всего контекста, то можно заметить следующее. Само присвоение есть присвоение предметов природы, которое осуществляется в обществе и посредством общества. Присвоение не сводимо к его общественной форме. Присвоение соотносится с общественной формой присвоения, как содержание соотносится с формой. Каждая сторона только опосредует форму бытия другой. То, что присвоение может осуществляться посредством общества, свидетельствует о том, что присвоение может осуществляться не только в производстве, но и при движении продукта в обществе. Отношения собственности существенно шире по своему содержанию и по своей структуре, а также по своим функциональным формам, чем это обычно представлялось. Тезис о присвоении как предпосылках раскрывает то положение, что сам способ

присвоения всегда определяется развитием производительных сил, более того, присвоение есть само осуществление, реализация, движение сферы производительных сил. Если этот тезис сопоставить с другим положением, что экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда, то станет очевидным понимание форм присвоения как условий и как предпосылок этих форм присвоения. Условия производства в этом контексте есть только выражение достигнутого уровня развития производительных сил.

Если подвести некоторый итог, то можно утверждать, что присвоение как экономическая категория не есть производственное отношение, а есть содержание системы, которая лежит в сфере форм реализации движений производительных сил.

Конечно, при этом мы не исключаем, что общественная форма присвоения может и фактически выступает как предпосылка всякого производства, что она выступает априори самому производству. Тем не менее теоретически несостоятельно отождествлять эти понятия. Определив присвоение как сферу отношений, лежащих в производительных силах, мы одновременно подчеркиваем тот момент, что присвоение есть не отношение структуры, а отношение функционирования собственности, т. е. формы движения, реализации производительных сил. *Подобно тому, как собственность (здесь речь идет о собственности как целостности) раскрывается во всей совокупности экономических отношений, собственность как общественная форма присвоения раскрывается во всей совокупности производственных отношений, а собственность как присвоение раскрывается во всей совокупности содержания производительных сил.*

Присвоение как форма осуществления собственности, форма ее реализации, движения охватывает, следовательно, все сферы производства непосредственно, распределения, обмена и потребления. Однако, это не категория структурного выражения собственности, а ее функционирования, т. е. ее деятельная, или процессуальная, форма. Присвоение противостоит, таким образом, владению, распоряжению, пользованию, расходованию, как содержание противостоит ее общественной форме. Последнее различается уже только в рамках общественной формы присвоения.

Если выразить данные определения в обобщающей форме, то следует в пределах сущностных форм отношений собственности различать: собственность как экономичную структуру, собственность как структуру производственных отношений, собственность как структуру производительных сил, каждая из которых имеет свои имманентные данной структуре формы функционирования.

Как известно, становление общественных форм присвоения отражало развитие процесса реального присвоения, начиная с первобытно-общинного способа присвоения и кончая ее развившимися формами частнокапиталистического, а далее, социалистических, капиталистических форм присвоения.

Отношения пользования как один из атрибутов собственности отражает общественные формы потребления, как производительного, так и личного. Эти отношения реализации собственности есть момент движения собственности как целостности. Отношения пользования выражают сущностные характеристики взаимосвязей между людьми в процессе воспроизводства их материальных условий путем удовлетворения их потребностей, как индивидуальных, так и коллективных. Пользованию как общественной форме движения собственности соответствует структурное производственное отношение – потребление. Отношение пользования есть, таким образом, реализующееся отношение потребления, отношение потребления как процесса, процессуальное отношение. Оно может рассматриваться как обособленное от отношений потребления лишь в абстракции. Если структурное отношение характеризует противоречивость связи между людьми как напряженную форму, побуждающую к разрешению, то пользование выражает противоречивость связи как деятельное отношение, как момент самодвижения, самовоспроизводства общественного индивида. Поэтому отрывать структуру от функции равносильно отрыву материи от движения как имманентного ей сущностного атрибута, без которого она превращается в «ничто».

Мы не можем согласиться, однако, только с тем положением, что пользование осуществляется в форме безотносительно к какой-то специфической собственности. Надо полагать, что ни один процесс реального присвоения не может осуществляться вне общественной формы. Как производительные силы, так и производственные

отношения, есть лишь две стороны единого процесса материального воспроизводства «общественного индивида». Это только в глубокой абстракции мы можем представить себе присвоение, которое берется вне своей общественной формы. Но, как было показано нами в первой главе, данный вид абстракции не выражает понятия, здесь эти сущностные отношения «схватываются» мышлением на уровне представления «пользования». В реальной действительности таких обособленных форм не существует. Выражение «пользования» на уровне представления, что характерно для метафизического мышления, дает нам такой глубины абстракции, которые делает их малопригодными. Они могут рассматриваться только как предварительный этап диалектического познания сущности экономических явлений.

Специфическое отличие характера собственности придает основное экономическое отношение – отношение собственности на средства производства. В то же время, мы считаем, что собственность на средства производства, будучи взятая обособленно от всех остальных отношений собственности, дает обедненное выражение специфических характеристик. Собственность как целостность, будучи комплексным отношением сопроизводителей и собственников, формирует специфическое отличие системы. Последнее находит свои адекватные формы выражения как в структуре, так и в ее формах движения. Более того, в формах движения не может существовать того, что нет в структуре. Пользование без присвоения есть исключаящие друг друга понятия. Пользование становится формой соединения производителя со средствами производства, в том числе его собственного производства, хотя из этого совсем не вытекает, что пользование с необходимостью полагает пользователя как собственника средств производства.

Представляет определенный интерес соотнесение отношений пользования в структуре потребления производительного и потребления средств жизни самого человека, как, например, продуктов питания, одежды, жилья и т. д. Нельзя отрицать того факта, что процесс присвоения, осуществляемый в производстве, всегда есть процесс расходования как жизненных сил производителя, так и средств производства. Это создает материальные предпосылки существования отношений расходования как форм движения отношений

собственности. Однако отношения пользования со стороны производителя в процессе производства могут возникнуть только как момент присвоения человеком в процессе труда своей собственной человеческой сущности. В условиях антагонистических формаций, когда отсутствует единство работника и собственника, когда труд не формирует условий труда как условий, адекватных самому человеку, когда имеет место отчуждение работника от его родовой сущности, отношение пользования не могут возникнуть. Мы можем высказать положение, что отношения пользования не возникают и в условиях социалистического способа производства, когда остается отчуждение работника не только от средств производства, а от условий производства, достойных человека. Как нам представляется, это становится одной из важнейших проблем сегодняшнего процесса совершенствования отношений собственности. Придание отношениям собственности импульса в своем развитии будет идти по пути преодоления отчуждения работника от его родовой сущности. Точно также не могут возникнуть отношения пользования у собственника средств производства, который не является работником. Здесь могут возникнуть и возникают отношения расходования средств производства. Отношения собственности есть не только отношения собственника и несобственника, но отношения производителя к средствам производства. То, что в процессе производства производится необходимый и прибавочный продукт, который затем распределяется в соответствии со специфическим характером соединения производителя со средствами производства, не меняет того общеметодологического положения, что формы движения собственности получают свое развитие в расщеплении прежде единых форм внешним образом.

Далее, процесс производства, где отсутствуют отношения пользования, как момент присвоения, со стороны непосредственных производителей, есть процесс воспроизводства как собственника, так и не-собственника, как работника, так и не-работника. В социалистическом обществе только создаются предпосылки для преодоления отчуждения работника от процесса труда, а, следовательно, и для формирования отношений пользования. Переход средств производства в собственность всего общества становится необходимым, но недостаточным условием преодоления

отчуждения работника от процесса труда. На первых этапах только начинают возникать отношения пользования между со-производителями и со-собственниками.

Таким образом, отношения пользования получают как бы две сферы проявления: в самом потреблении предметов потребления и в самом процессе производства. Первая сфера имеет место в любой социально-экономической общности. Развитие же отношений собственности, выразившееся в отделении производителя от средств производства, также разрушило прежнее единство в формах реализации собственности – отношений потребления. Оно было разведено как в пространстве, так и во времени. Обособление производителя от собственника средств производства выразило и разделение отношений потребления между ними, но уже в сфере непосредственного производства. Всеобщий закон сохранения и расширенного воспроизводства общественного индивида приобрел свою модифицированную форму выражения. Индивид как первоуродное единство цели и средства своего собственного воспроизводства внешним образом раздвоился на человека как цель и человека как средство достижения цели первого индивида. В результате условия воспроизводства индивида в процессе труда были отчуждены от индивида, который стал средством развития собственника средств производства. Отношения пользования как формы присвоения человеком своей родовой сущности были разрушены. Продуктом отрицания отношений пользования в процессе производства явилось становление отношений эксплуатации. Вся система отношений собственности приобрела антагонистический характер.

Вместе с тем все сказанное не означает, что отношения пользования со стороны непосредственного производителя исчезали совсем. Суть этого явления заключается в том, что целостная система отношений пользования внешним образом раздвоилась на отношения пользования средствами производства работника и на отношения пользования не-работника. В сфере производительных сил присвоение средств производства и продуктов производства стало атрибутом собственника. Отчуждение средств производства от непосредственного производителя становится предпосылкой отчуждения и продукта производства, а, следовательно, предпосылкой дальнейшего углубления антагонизма противоречий собственности.

Не следует, однако, полагать, что развитие противоречий капиталистического способа производства, как иное выражение развития противоречий капиталистической формы собственности, исключает синтез противоположностей. Как нам представляется, система развивается тем, что происходит становление самих противоположностей. Степень антагонизма в капиталистическом способе производства может снижаться за счет внутренних потенций в самой капиталистической собственности. Свое практическое выражение это находит в том, что отношения пользования и в условиях капитализма также совершенствуются. Например, в последние годы в развитых капиталистических странах отмечается создание таких условий труда на рабочих местах, которые максимально способствовали бы развитию главной производительной силы – работника, хотя данный процесс носит ограниченный характер, т. е. ограничен самой природой частнокапиталистической формой собственности. Тем не менее данный процесс нельзя не отмечать. Развитие отношений пользования и в условиях частнокапиталистической формы собственности есть процесс разрешения противоречий собственности. Дальнейшее повышение эффективности капиталистического производства объективно требует развития «общественного индивида», создания для этого творческих условий. Отсюда следует, что отношения собственности получают свое развитие как при капитализме, так и при социализме во внешних схожих формах. Это следует признать и максимально использовать в практике хозяйствования.

Отношения пользования очень тесно связаны с другой формой реализации собственности – отношениями расходования, распоряжения, владения. Так, отношения распоряжения как форма присвоения, выражают сущность производственных связей между людьми в процессе организации процесса производства, распределения произведенного продукта, распределения самих условий производства. Отношения распоряжения, как это мы отмечали ранее, есть общественная форма, содержанием которой (сфера производительных сил) становятся управление, организация, планирование, прогнозирование. В развитии отношений распоряжения также преодолевается отчуждение труда от непосредственного производителя, а также преодолевается отношение к государственной, например,

как к «ничейной», «казенной». Работник, который отчужден от процессов его организации, не чувствует себя хозяином производства.

В основе данного феномена собственности лежат объективные предпосылки. Это, в первую очередь, низкий уровень развития производительных сил, в том числе и главной производительной силы – работника. Например, преобладание интенсивного труда, который не может быть компенсирован, когда рабочая сила не может восстановить свою способность. Существует как реальность большая доля производительных работников, занятых исключительно тяжелым физическим трудом. Труд же по управлению обособляется от труда физического. Основное противоречие данного явления лежит в самом бытии труда. Труд всегда будет сохранять предпосылки своего обособления на труд по управлению, как труд более высокой сложности, и труд физический, как труд простой, не требующий высокой квалификации. Имеет место объективная предпосылка в форме «технического отчуждения»⁶², которое, как мы полагаем, выполняет роль союзника и детерминанта *отчуждения социального*. Пути преодоления данной формы отчуждения, а, следовательно, создания объективных предпосылок для привлечения всех к более сложному труду по управлению видятся в развитии собственности со стороны своего содержания – производительных сил. Тем самым будет восстанавливаться естественное единство форм труда – распоряжения и управления.

Вместе с тем тот масштаб отчуждения работника от процессов управления и организации производства не может быть объяснен только недостаточным уровнем развития производительных сил. На выполнении особой функции управления в производстве стала паразитировать целая общность, корпорация управленцев, распорядителей, узурпировавших функции по распоряжению, организации производственного процесса, а также и социальной жизни всего общества. Мы назвали бы данное сложившееся явление в обществе как *«организационное отчуждение»* в структуре отношений собственности, причины которого, на наш взгляд, лежат именно в незрелости, неразвитости отношений распоряжения. Преодоление данного «организационного отчуждения» полагает как свою

⁶² Клаус Г. Кибернетика и общество. М.: Прогресс, 1967. С. 167.

предпосылку и свою имманентную форму бытия развития организационных форм участия работника в процессе управления, выработку им мероприятий по совершенствованию производственного процесса. Тем самым будет преодолеваться пассивное отношение к производству, повышению его эффективности. Работник приобретает чувство хозяина на производстве и в обществе в целом. Функции распоряжения, осуществляемые только обособившимся от всей массы работников особым аппаратом управления, должны быть переданы самим производителем. Сам же процесс передачи функций по управлению, организации производства выражает формы реализации, движения, совершенствования отношений социализации собственности. Как нам представляется, эти отношения, складывающиеся между людьми как производителями, а в данном случае между управляемыми и управляющими, можно выделить в особый структурный уровень как отношения управления. Но эти отношения лежат всецело в сфере производительных сил.

Безусловно, данная форма движения собственности в целом будет определяться основным экономическим отношением системы. Отношения распоряжения, лежащие в сфере производственных отношений, являясь формой реализации собственности, одновременно обслуживают движение системы отношений собственности как целостности. Отношения собственности на средства производства являются решающей предпосылкой формирования более адекватных способов, форм хозяйствования, распоряжения. Ибо, прежде чем распоряжаться в самом процессе производства, средства производства уже должны быть распределены между классами.

Существующая методология исследования отношений собственности содержит два, как нам представляется, недостатка: во-первых, собственность анализировалась в основном со стороны ее структуры, что неизбежно приводило к определенной «статичности» исследования, а во-вторых, присвоение, как сторона собственности, лежащая в сфере производительных сил, рассматривалась односторонне. Это проявилось в том, что в присвоении всегда подчеркивалось становление субъекта собственности, отношение между субъектами собственности, исследование собственности как процесса «присвоения». Но присвоение всегда есть процесс становления, развития, осуществления производительных сил. Последнее предполагает

существование не только прямых, но и обратных связей. Всякое производство есть присвоение. Но производство имеет своим результатом не только момент присвоения как присвоения, но и свою противоположность – присвоение как расходование. Присвоение не может быть понято как истинное бытие без своей противоположности. Отношение расходования очень тесно связано с отношением потребления. В то же время между ними есть существенное различие. Отношение потребления характеризует отношения собственности со стороны структуры, а отношения расходования есть отношение потребления, но в своей процессуальной форме. Собственность здесь рассматривается как процессуальное отношение.

Отношения расходования всегда имели место, выступая первоначально в неразрывном единстве с отношениями пользования. Раздвоение внешним образом отношений пользования, как мы это отмечали несколько ранее, оформляется с отделением средств производства от непосредственного производителя. Именно в этот момент наблюдается и расщепление отношений расходования. Если в способах производства, для которых было характерно единство производителя и собственника средств производства, само производство одновременно было процессом расходования его производительной силы и расходования средств производства, то в последующем положение принципиально меняется. Процесс производства стал характеризоваться теми сущностными чертами, что отношения расходования возникали только по поводу расходования рабочей силы непосредственного производителя и только по поводу расходования средств производства со стороны их собственника. Между непосредственным производителем и собственником средств производства возникает враждебность, антагонизм в качестве их специфической формы. Динамика отношений расходования как форма движения собственности на поверхности экономической жизни проявляется в снижении интенсивности потребления рабочей силы со стороны производителя, повышении эффективности функционирования основного капитала со стороны собственника-капиталиста. Обще-ственно-нормальная интенсивность потребления рабочей силы, нормальная продолжительность рабочего дня, создание нормальных,

здоровых условий труда, а также обеспечение условий эффективного функционирования основного капитала есть, таким образом, внешние формы движения отношений расходования.

Развитие отношений расходования в условиях социалистического способа производства будет преодолевать антагонизм отношений, но не само отношение расходования. Отношения социалистической собственности получают свое развитие в результате изменения условий самого процесса присвоения, осуществляемого как в производстве, так и в распределении, обмене, потреблении. Например, ликвидация тяжелого ручного труда ведет к изменению условий расходования рабочей силы. Но одновременно изменяются соотношения в совокупных затратах по производству продукта доли живого и доли овеществленного труда. Создаются предпосылки для всеобщего стремления повысить эффективность применения всей совокупности факторов производства. Однако мы хотели только подчеркнуть тот момент, что переход средств производства в общенародное состояние создает только решающие предпосылки, но не есть само изменение эффективности осуществления процесса присвоения. Более того, и капиталистический способ производства использует потенции своей системы в повышении эффективности применения живого и овеществленного труда. Отношения расходования становятся, таким образом, формой движения различных форм собственности. Критерием же зрелости той или иной формы всегда выступает эффективность реализации отношений собственности. Сама эффективность становится, таким образом, результатом «осуществления» отношений собственности. Сам же результат, который рассматривается в своей процессуальной форме, есть возрастание эффективности, т. е. интенсификации присвоения, или интенсификации собственности как процесса.

Например, замещение живого труда овеществленным изменяет весь комплекс отношений человека к труду, к процессу потребления его собственной рабочей силы, а также отношения человека к средствам производства, к человеку как собственнику, т. е. и к самому себе. Сомнений не возникает, что отношения, которые складываются в обществе в процессе замещения труда, есть отношения собственности. Однако здесь отношения собственности представляют не столько со стороны структуры, сколько со стороны формы

ее движения (осуществления). Расходование рабочей силы в процессе материального производства одновременно должно сопровождаться ее расширенным воспроизводством. Это возможно только при условии, если в результате процесса замещения живого труда овеществленным наблюдается суммарная экономия рабочего времени. Данное требование выражает технико-экономическую сторону процесса. Последнее связано, в первую очередь, со снижением рутинного потребления рабочей силы и созданием условий расширенного воспроизводства среды жизнеобитания человека.

Отношения расходования рабочей силы отражают процесс облегчения труда, создания условий по приданию труду черт первой жизненной потребности, когда родовая сущность человека находит свои адекватные формы выражения в самом процессе труда.

Определяющим моментом в истории человечества всегда было и остается воспроизводство непосредственной жизни. ***Потребление жизненных сил в процессе труда является существенным моментом этого воспроизводства***, и не учитывать данное положение было бы теоретически несостоятельно. Расширенное воспроизводство общественного индивида безусловно связано с расширенным воспроизводством предметов потребления. Общественный продукт завершает свое движение в потреблении. Однако с этим можно согласиться только в том случае, если под производством понимается производство материальных благ, а не производство общественного индивида. Потребление продуктов питания, например, есть один из решающих моментов в воспроизводстве человеческого индивида. Мы могли бы предположить, что процесс замещения живого труда овеществленным несет в себе моменты потребительского производства. Повышение степени продуктивности расходования средств производства в самом материальном производстве уже есть предпосылки для расширенного воспроизводства рабочей силы. Это происходит, в конечном счете, потому, что на единицу условий своего собственного воспроизводства приходится все уменьшающаяся доля затрат живого труда, т. е. все меньшая доля потребленной рабочей силы. Отношения расходования своей рабочей силы по своему содержанию выражают отношения человека к самому себе как носителю рабочей силы. Отношения расходования как общественная форма выражают отношения между людьми, но уже как

сособственниками, как носителями отношений общественной формы присвоения. Тем самым, отношения присвоения в форме расходования выражают связи по сбережению, сохранению, а, следовательно, по воспроизводству своей рабочей силы.

Например, процесс замещения живого труда овеществленным приобретает признаки интенсификации производства «общественного индивида», так как разрешает противоречие тем образом, что находит формы преодоления сопротивления природы с целью своего собственного расширенного воспроизводства. Это есть внешнее, феноменальное выражение отношений собственности как процесса. Специфическое содержание процессу замещения живого труда овеществленным придается уже всей целостностью отношений собственности. *Сущность всегда выражается в диалектическом единстве содержания и формы*, а не в каком-то одном производственном отношении, даже если оно и основное.

Ликвидируя тяжелый ручной труд, тем самым разрешается противоречие собственности, а именно изменяются условия воспроизводства общественного индивида непосредственного в процессе труда. Можно утверждать, что замещение тяжелого ручного труда овеществленным по своей социально-экономической значимости есть переход к отношениям собственности на более зрелом уровне.

Технические средства, выступая как мерило развития человеческой рабочей силы, в то же время определяют и общественные отношения, и наоборот. Связь между ними может быть только на основе взаимодействия. Отношения собственности, понимаемые нами как противоречивое диалектическое единство производительных сил и производственных отношений, как самой структуры, так и форм взаимодействия этих структур и в самих структурах, в конечном счете получают различные формы дальнейшего своего становления в замене человеческой рабочей силы силами природы с сознательным применением естествознания, достижений науки и опыта.

Нельзя отрицать то утверждение, что даже в условиях безраздельного господства социалистических форм присвоения, тяжелый ручной труд в обществе, который часто осуществляется во вредных и опасных условиях, не может превратиться в первую жизненную потребность человека, потребность индивида в своем собственном

воспроизводстве как общественном индивида. Сами условия труда должны быть такими, чтобы труд, как процесс производственного потребления рабочей силы, рассматривался как опосредованно производительный в моментах производства материальных условий своего собственного бытия, и как непосредственно производительный в своей непосредственной форме выражения в случае, когда он предстает как воспроизводство общественного индивида, как присвоение человеком его собственной человеческой сущности, т. е. формой своего расширенного воспроизводства.

Возрастание, например, доли умственного труда в совокупных его затратах становится формой расширенного воспроизводства творческих потенций работника, а, следовательно, и самого индивида. Можно утверждать, что процесс сокращения тяжелого ручного труда разрешает противоречия между различными видами труда, т. е. в самой собственности. В конечном итоге это выражается в росте социально-экономической эффективности в том плане, что создаются материальные условия для расширенного воспроизводства общественного индивида.

Изменяя условия труда в процессе замещения живого труда овеществленным, тем самым одновременно изменяют внешние формы проявления субъективной сущности отношений собственности. Следовательно, такие внешние формы замещения живого труда овеществленным, как механизация, автоматизация, компьютеризация, информатизация становятся формами движения, разрешения глубинных противоречий социалистической собственности. В противном случае система производственных отношений не может иметь своего собственного источника развития. Это в полной мере относится и к производительным силам. Изменения в производительных силах и изменения в производственных отношениях не получают единого механизма взаимодействия, в т. ч. и с отношениями собственности, если последнюю понимают только как обыкновенную форму присвоения. Одновременно и производство, как производство материальных благ, является односторонним и недостаточным.

Данное противоречие общественной жизни есть другая форма выражения противоречия собственности. Его разрешение в форме замещения живого труда овеществленным позволяет уменьшить долю тех затрат человеческой силы, которая привлекается

человеком для преодоления сопротивления природы в процессе ее присвоения. Рабочая сила не только сберегается, т. е. не только расходуется в меньшей мере. Это только одна сторона процесса. Сбережение есть момент присвоения своей способности к труду, а следовательно, есть момент своего собственного воспроизводства.

Вторая сторона процесса заключается в том, что присвоение материальных благ начинает осуществляться не в ущерб гармоничному развитию личности. Процесс присвоения, как труд, всегда есть предметное бытие индивида.

Сам процесс замещения живого труда овеществленным становится формой выражения господствующих производственных отношений и производительных сил. Тем самым содержание данного процесса, т. е. его характеристика со стороны производительных сил, выступает носителем социального качества. Создаются новые условия для развития отношений собственности, так как последняя осуществляется только через весь процесс расширенного воспроизводства общественного индивида. Вместе с тем утверждение, что социальная направленность процесса замещения живого труда овеществленным детерминирована уровнем зрелости производственных отношений, может быть истинным только на уровне механизма отношений собственности. Эта каузальность связей фиксирует только момент всеобщности, целостности, но не саму целостность. Поэтому будет истинным и обратное утверждение, что социальные потребности детерминируют изменения в производительных силах и, одновременно, детерминируют изменения во всей системе производственных отношений, а также в сфере производительных сил. Только на более глубинном уровне познания отношений собственности как целостности, как комплексного отношения, можно утверждать, что производительные силы не определяют производственные отношения, а производственные отношения не определяют производительные силы. Данный механизм их взаимосвязи может быть понят в своей истинности только в том случае, если он сам будет рассматриваться как момент выражения всеобщности связи, т. е. когда механизм предстанет как момент целостности, как момент органического внутреннего единства производительных сил, производственных отношений, форм сознания, взятых вместе со своим бытием – формами движения и реализации собственности.

Если принять собственность как субстанцию, как действительность, из которой вырастает весь материальный мир присвоения природы, собственной человеческой сущности – воспроизводство общественного индивида, то она есть причина самой себя, а не явление чего-то потустороннего, трансцендентного. В то же время собственность есть определенная организация, как остановленный в своем движении поток причин и следствий, т. е. механизм – по Ф. Шеллингу, поэтому было бы вполне правильно утверждать, что производительные силы детерминируют производственные отношения, а последние определяют формы сознания, поведения и т. д. Но в то же время будет истинным и обратное утверждение. Если берется только одна часть этого утверждения, то в результате преувеличивается одна из сторон этой всеобщей универсальной связи. В итоге осуществляется идеализация объекта.

Как нам представляется, здесь лежат и корни метафизичности, недialeктичности нынешней политической экономики. Вся сущность познания явлений экономической действительности была сведена к разрозненному познанию противоречивых сторон явления. Целостность в своей внутренней самопротиворечивости не восстанавливалась. Познание одной из полярностей отношений собственности, системы производственных отношений и экономических законов, есть, по нашему мнению, познание только одной стороны диалектического целого. Ни одна из сторон собственности не существует вне и независимо от других сторон. Тем более они и не могут рассматриваться обособленно. Последнее есть только момент познания истины отношений присвоения. На сущностном уровне отношений собственности как диалектическом целом ни одна из сторон не определяет другую. Но каждая из сторон одновременно и предполагает и предполагается другой и всей целостностью.

Характерной формой расширенного воспроизводства общественного индивида в обществе становится всемерная интенсификация общественного производства, которая становится законом расширенного воспроизводства общественного индивида. Интенсификация производства начинается на путях преобразования структур экономики, его технологической базы. Последнее осуществляется не за счет человека, а во имя расширенного воспроизводства общественного индивида.

Производство как цель может быть воспринято только как момент расширенного воспроизводства общественного индивида, когда не только создаются материальные предпосылки по удовлетворению материальных и духовных потребностей человека, а воспроизводится сам индивид.

Индивид есть по своему значению слова «частное лицо». Категория «общественный индивид» есть внутренне противоречивая категория. Основное противоречие здесь раскрывается в том, что общественный индивид может воспроизводиться только как частное лицо, которое всегда противостоит обществу, не подчиняется ему как часть целому, а составляет момент целостности, модус субстанции-собственности. Замещая живой труд овеществленным, индивид расширяет долю своей свободы, становясь относительно свободным от сил природы. Развиваясь как частное лицо, т. е. как индивид, он становится относительно самостоятелен и от общества. Последнее уже не подавляет, не подчиняет его, как целое господствует над частью, а само становится свободным. Тем самым замещение живого труда овеществленным не сводится исключительно к сфере производительных сил. Оно получает свои имманентные формы выражения и в сфере производственных отношений. Освобождая человека от производства материальных благ от жесткой необходимости, человек расширяет свой «коридор свободы» в своем противопоставлении с природой. Воспроизводство индивида, как закон, выражает необходимость расширенного воспроизводства природной среды, а не наоборот. В противном случае все становится на голову. Здесь цель и средство как бы меняются местами. Полное, свободное развитие общественного индивида, предпосылкой которого являются процессы замещения живого труда овеществленным, в механизме которого осуществляются отношения расходования, само становится великой производительной силой, что оказывает обратное воздействие на производительную силу труда.

Тем самым интенсификация использования трудовых потенций работника становится необходимым условием расширенного воспроизводства общественного индивида, превращая это условие в существенное явление, т. е. становясь законом. Сам же процесс замещения живого труда овеществленным становится только формой осуществления этого закона.

Отношения владения являются более сложной формой реализации отношений собственности. Возникновение отношений владений не порождается с необходимостью отношениями распоряжения, пользования. Объект владения, как и распоряжения, пользования, расходования всегда есть объект собственности. Отношения собственности не сводимы ни к одной из этих форм движения. Они есть вся целокупность отношений. В то же время объект собственности может находиться во владении, но им могут временно не пользоваться, не распоряжаться, не расходовать. Однако отношения собственности не могут быть безличными, т. е. не раскрывать конкретных носителей отношений пользования, расходования, распоряжения, владения в прошедшем, настоящем или будущем. Все эти формы есть формы движения, реализации собственности. Без данных моментов мы не можем говорить о собственности как целостности.

Как нам представляется, сущностной стороной отношения владения является ее соотнесенность с субъектом собственности, т. е. с тем, кто фактически относится к объекту собственности как к своей. Отношения владения всегда полагают, что субъект собственности развился в ассоциацию. Какова же доля членов ассоциации – это уже модус владения. Отношения владения как реальная форма движения собственности предполагают присвоение. Полагаем, что она включает в себя и отношения возможного пользования и распоряжения. Далее, чтобы возникли отношения владения, необходимо быть членом ассоциации: общины, кооперации, акционерного общества, или членом всенародной ассоциации, который, однако, не отлучен (не отчужден) от процессов распоряжения, реального управления. Ее суть заключается в том, что владение предполагает совместное пользование объектом собственности, хотя возможно положение, когда объект собственности принадлежит им в различной мере. Отношения владения всегда предполагают определенную развившуюся форму пользования и распоряжения объектов собственности. Размер отношений пользования и распоряжения ограничен объектом пользования и распоряжения другими членами ассоциации. Но в любом случае владелец всегда выступает как собственник, как персонификатор определенной доли отношения собственности как всей целостности.

Владение всегда выражает собственность со стороны ее движения, т. е. реализации содержания отношений владения, есть реальное, деятельное присвоение, но наряду с другими сособственниками.

Проблема, однако, заключается в том, чтобы превратить корпоративного собственника в равноправного совладельца, преодолеть сталинскую концепцию положения людей как простых «винтиков» производства, призванных быть только простыми исполнителями, но ни в коей мере не социалистическими совладельцами. Так, призывая трудиться «слаженно и четко, как хороший часовой механизм», Сталин в своем обращении к участникам Парада Победы 2 июля 1945 г. оценил советских людей-труженников как «...людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма... людей простых, скромных, обычных, «винтиков», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела». «Их очень много, имя им легион, потому что это десятки миллионов людей. Это – скромные люди... но это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину»⁶³.

Данная господствующая система экономического хозяйствования в обществе и не могла развить отношения владения, которые реализовывались бы для каждого труженника. Более того, владение как экономическая форма реализации собственности вообще не разрабатывалось в эти годы. Можно лишь отметить, что разрабатывалось право владения как реализация права собственности. Но право владения есть лишь форма выражения экономических отношений владения, без которого право есть не более как юридическая иллюзия.

Сложность теоретического анализа в познании этих сложных процессов состоит в том, что экономическая форма владения как сущность на поверхности экономической жизни всегда выступает в неразрывном единстве со своим явлением. Разорвать сущность от явления, в данном случае право владения, от владения как экономической формы реализации собственности, можно только в абстракции. Поэтому вполне правомерно и теоретически состоя-

⁶³ Цит. по: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 607–608.

тельно экономическую форму отношений реального присвоения раскрывать через ее правовую (волевою) оболочку.

Владение, как правовое отношение, выражает одно из правомочий собственника по фактическому распоряжению вещью или, другими словами, господствовать над вещью, право «держать вещь в своих руках». Владение может опираться на право, вытекающее из договора имущественного найма, а также из аренды, договора подряда (индивидуального или коллективного). В случае с арендой и коллективным или индивидуальным договором владение дает право пользования средствами производства, которые теперь могут быть использованы владельцем как своими собственными, т. е. как объектами, принадлежащими собственникам в полном объеме, но на время найма или аренды. Отношения аренды могут возникать и в том случае, когда владение не опирается ни на какой титул собственности. Но в реальной экономической действительности складываются отношения по фактическому владению объектом собственности.

Владение как экономическая форма реализации отношений собственности выражает связи социалистических со-производителей и собственников в процессе фактического, реального отношения к средствам производительного и непроизводительного потребления «как к своим». Поэтому отношения владения как форма реализации отношений собственности может реально существовать только для собственника. Для не-собственника оно проявляется как не-владение. Тем самым отношения владения не совпадают с отношениями пользования и распоряжения. Можно относиться к объекту собственности «как к своим», но не пользоваться и не распоряжаться им. Подобные отношения владения возникают в антагонистических общественных формациях. Для социалистического же общества характерным является то, что каждый член общества является собственником средств производства. Однако и в социалистическом обществе могут возникать отношения, не являющиеся отношениями владения, т. е. отношения не-владения. Как мы отмечали ранее, если простой труженик низведен в обществе до простого «винтика», то у него никогда не могут развиваться отношения к средствам производства, к самому процессу производства «как к своим».

Отношения владения – это отношения к средствам производства и к самому процессу производства как отношения хозяйина, распорядителя, как полноправного члена всей ассоциации, как хозяйствующего субъекта.

Отношения людей к средствам производства, к самому процессу производства «как к своим» отражает тот момент проявления собственности, когда те или иные средства производства или объекта индивидуального пользования «... являются для того, кто может использовать их своей, а не полученной от другого властью и в своем интересе»⁶⁴. Поэтому для тружеников села никогда отношения владения не станут реальностью, если земля останется только в государственной форме, хотя и выделенной в бессрочное пользование.

Признавая теоретическую значимость данного положения, высказанного видным исследователем правовой науки А.В. Венедиктовым, мы считаем необходимым добавить, что отношения владения не складываются только между частными собственниками или государством и корпоративными хозяйствующими субъектами-предприятиями. Отношения владения реально существуют между отдельными производственными единицами, как внутри самого государственного сектора, между предприятиями колхозно-кооперативного сектора, а также между индивидуальными товаропроизводителями. Развитие отношений владения в обществе на нынешнем этапе предполагает такие формы, как развитие арендных отношений, создание малых предприятий, акционерных обществ, фермерских хозяйств, как предоставление прав трудовым коллективам самим определять формы экономических взаимоотношений, развития оптовой торговли, развития коллективных форм организации труда, всего процесса производства, внутрихозяйственного расчета, а также осуществление более зрелых форм хозрасчетных отношений, связанных с переводом предприятий на внешние рынки с полной самоокупаемостью и самофинансированием.

Так как отношения владения есть уровень сущностных отношений собственности, то все перечисленные выше мероприятия являются только формами «существования» собственности, через которые собственность как противоречие получает свое движение

⁶⁴ Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 32.

и осуществление. **Формы движения есть одновременно формы реализации собственности.** Это проявляется в том, что все в большей степени начинает реализовываться принцип удовлетворения интересов всех собственников как корпоративных совладельцев. Следовательно, **владение есть отношение «динамики» собственности.**

Вместе с тем общественная форма присвоения, которая по своей природе есть форма опосредованного в реальном, действительном присвоении, есть реализующая собственность, т. е. собственность в форме своего «существования», и не представляет собой некоторую сумму отношений владения, пользования, расходования, распоряжения. Развитие самой собственности как субстанциального отношения необходимо порождает развитие внешних форм своего «существования», движения. Последние не следует отрывать от ее субстанции, через что собственность, как субстанция, приобретает свое движение и развитие. Само богатство внешних форм – показатель ее развития. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы выработать методику оценки тех или иных форм реализации отношений собственности.

Каждая экономическая форма выражает определение отношений людей как производителей и как потребителей материальных благ. Эти стороны отношений собственности в интегральной форме выражаются понятием «присвоение». Поэтому, безусловно, ясно, что собственность со стороны ее общественных форм реализации производительных сил не может быть охвачена только описанными нами категориями «владение», «распоряжение», «пользование», «расходование». Определенный выход следует видеть в том, чтобы структурные отношения и категории, их выражение, как например, производство, распределение, обмен и потребление, рассматривать и со стороны форм движения собственности как целостности. Вполне можно предположить, что при этом может возникнуть определенная путаница в понятиях. Однако по мере разработки и конкретизации реальных отношений этот недостаток будет преодолеваться.

Любой воспроизведенный процесс протекает в соответствующей форме общения между людьми, т. е. всегда имеет общественную форму, раскрывающуюся в каком-то единичном производственном отношении, или эта форма раскрывается в определенной совокупности производственных отношений. Идея заключается в том,

чтобы из всей совокупности экономических отношений выделять два уровня: отношения собственности как структуры и отношения ее «динамики», т. е. всей совокупности отношений, отражающих формы ее движения и реализации.

2.4. Основное экономическое противоречие присвоения

Исследование экономической действительности на ее сущностном уровне ведет к необходимости поиска теоретического образа основного экономического противоречия материального способа производства и присвоения. Только познание сущностных моментов экономической реальности позволяет выработать научно обоснованную политику. Понятие современного мира как мира противоречивого, пронизанного противоборствующими тенденциями, требует не только констатации наличия объективных противоречий экономической реальности, но и раскрытия определенной иерархии всей структуры противоречий того или иного способа производства. Все сказанное выше относится в полной мере и к системе противоречий любого способа производства.

В последние годы в экономической и философской литературе довольно широко были изложены различные взгляды на природу основного экономического противоречия. Стали появляться и обобщающие работы, подводившие определенный итог исследованиям, поэтому мы не останавливаемся на этом критическом аспекте.

Основное экономическое противоречие есть предметное по своей природе противоречие. *(Понятие предметного противоречия и его отличия от гносеологического противоречия, оба являются диалектическими противоречиями, впервые в научной литературе было введено Ф.Ф. Вяккеревым)⁶⁵.*

⁶⁵ Вяккерев Ф.Ф. Структура диалектического противоречия // Вопросы философии. 1964. № 9.

Источником движения и развития всей системы производственных отношений может быть только предметное противоречие, которое всегда выступает как противоречие содержания процесса и его общественной формы. Именно от этого противоречивого единства всего объекта, взятого в своей целостности, могут формироваться импульсы его развития.

Развитие системы социализма есть выражение процесса разрешения всей системы экономических, социальных, политических и т. д. противоречий. Однако разрешение противоречий не есть процесс отрицания способа производства, а есть процесс отрицания его специфического содержания. Но, вместе с тем, способ производства не только эволюционирует в границах своей целостности, но возникает новое системное качество. Это действительно есть уже процесс отрицания способа производства как системы. Однако конкретно исторический способ производства есть только момент нечто другого, целостного, момент становления человеческого сообщества вообще. Тем самым способ производства, например, капиталистический, социалистический, не может пониматься как некоторая конечная ступень развития мировой цивилизации. Способ производства есть истина всех предыдущих социально-экономических формаций, но он в той же мере есть и ступень, и далеко не последняя, развития «общественного индивида», т. е. собственности.

Широкий спектр взглядов на природу основного экономического противоречия позволяет сделать некоторые выводы. В первую очередь, отсутствует единство в методологии исследования основного экономического противоречия. Следует признать, что основное экономическое противоречие, которое есть диалектическое противоречие, не существует как некий обособившийся феномен или объект экономической действительности. Диалектическое противоречие всегда есть выражение раздвоенности, точнее, расщепленности его внутренней природы, есть противоречие в самой сущности предмета, объекта, процесса. Оно не может выступать как некоторое внешнее противоположение моментов, сторон, тенденций, самих объектов. Подобное понимание основного экономического противоречия «схватывает» в мышлении не само диалектическое противоречие, а лишь его феноменальный образ. Основное экономическое противоречие должно быть внутренним

противоречием, а не сводиться к внешней конкретной форме социально противостояния в обществе. Основное экономическое противоречие, как противоречие сущности на внешнем, феноменальном уровне, предстает как «существующее» противоречие, как противоречие существования. Поэтому все формулировки основного экономического противоречия, в которых стороны противоречия выступали как бы обособившимися, как бы существующими внешним образом, могли быть только одним из выражений основного экономического противоречия, но не его сущностного образа, не им самим. Основное экономическое противоречие, как противоречие в самой сущности способа производства, не может непосредственно выступать в каком-то феноменальном образе. Оно соотносится со своим феноменальным образом, как соотносится сущность и явление. Но в то же время оно присутствует в каждом экономическом явлении или в форме «видимости» этого основного экономического противоречия, или в форме действительности, т. е. единства сущности со своим явлением. Поэтому, если нам не удастся в каждом экономическом явлении увидеть полагаемое нами основное экономическое противоречие, то, следовательно, образ этого противоречия оказался неадекватным.

Во-вторых, основное экономическое противоречие всегда является наиболее глубоким, а потому и бедным выражением экономического противоречия. Оно лежит в основании, фундаменте системы экономических противоречий способа производства. Его анализ не может заменить анализа всей системы экономических противоречий. Лежать в основании системы, обладать всеми системообразующими признаками – значит пронизывать каждое экономическое явление, каждое экономическое отношение, раскрывая его внутреннюю противоречивость. Любое экономическое противоречие может быть сведено к основному, т. е. оно есть не только основное, но и исходное. Основное же отношение не может быть выведено из другого.

Основное экономическое противоречие должно быть «сквозным» для всей социально-экономической формации, а в пределах способа производства может воспроизводиться в расширенном или в прежнем масштабе. Окончательное же разрешение основного экономического противоречия действительно будет связано со сменой способа производства. Следовательно, он не может

сводиться к какому-то способу производства (как одной из своих сторон). Последний может менять свои формы.

Так как основное экономическое противоречие есть диалектическое противоречие, то для него должно быть характерно и взаимное полагание диалектических противоположностей и их взаимное отрицание, взаимное проникновение друг в друга, их деятельная, внутренняя активность. Каждая диалектическая противоположность не только положительно утверждает себя (она и может только положительно утверждать себя тем, что отрицает «свое «иное»»), но одновременно и отрицает. Формой сущностного бытия и самим существованием основного экономического противоречия может быть не внешнее бытие его, а внутренняя самопротиворечивость, побуждающая к движению и развитию, или самодвижение, как выражение принципа диалектического противоречия.

Сам же способ материального существования самодвижения, который можно обнаружить в сфере материального производства, и есть само воспроизводство жизни индивида посредством материального производства. Последнее и есть форма воспроизводства общественного индивида. Следовательно, можно сделать вывод, что материальное воспроизводство общественного индивида становится формой бытия, становления, движения, реализации собственности как субстанции.

Отношение человека к природе становится моментом его собственной жизни, опосредованной формой взаимосвязей между теми же самыми индивидами. Первая сторона этого бытия, т. е. отношения к природе в процессе ее производительного присвоения, есть производительные силы, вторая же сторона, т. е. отношения между людьми, выражается в понятии «производственные отношения». Производительные силы и производственные отношения, будучи взятыми со стороны своего взаимодействия, образуют способ производства. Если соотнести самодвижение как имманентный его внутреннему состоянию способ бытия самого диалектического противоречия с самим процессом воспроизводства «общественного индивида», то способ производства может быть представлен как бытие отношений собственности как субстанции. Однако уровень этого субстанционального отношения собственности уже не противоречие (не самопротиворечивость, не самодвижение), а уровень

взаимодействия. Таким образом, способ производства дает нам образ основного экономического противоречия (собственности как субстанции), когда принцип всеобщей связи понимается как взаимодействие.

Следующее субстанциональное отношение собственности – собственность как причинное отношение. На данном уровне собственность как субстанция понимается со стороны форм внешней взаимосвязи, как механизм причинно-следственных взаимосвязей.

Следовательно, основное экономическое противоречие находит различные формы своего проявления и бытия: как самодвижение (субстанциональное отношение собственности как противоречие), способ производства (субстанциональное отношение собственности как взаимодействие), материальное воспроизводство общественного индивида, когда принцип всеобщей взаимосвязи проявляется как механизм причинно-следственных связей, т. е. как причинность.

Основное экономическое противоречие предмета, вещи, процесса всегда есть противоречие его бытия, как момента «воспроизводства общественного индивида». Следовательно, им может быть противоречие бытия «общественного индивида», или противоречие собственности.

Основное экономическое противоречие, как противоречие производительных сил и производственных отношений, есть только иная форма выражения основного экономического противоречия как противоречия собственности. Это понятие собственности может быть дано только на уровне конкретной всеобщности, т. е. тогда, когда собственность уже есть единство ее различных определений. Здесь собственность выступает в своей специфической форме, а следовательно, и основное экономическое противоречие выражает внутреннюю противоречивость ее специфических моментов: производительные силы и производственные отношения в своих специфических формах. Поэтому абсолютное большинство экономистов и философов, несмотря на различающиеся определения основного экономического противоречия, верно отражают данное определение, но только в своей односторонности.

Противоречия производительных сил и производственных отношений в становлении способа производства определяют все коллизии общества в конечном счете. Из этого вытекает, что данное

противоречие лежит в основе всей системы экономических, политических противоречий.

В основном экономическом противоречии противоположности уже не могут быть опосредованы никаким образом с использованием внешних опосредующих моментов. Опосредование достигается уже только в самой сущности явления. Здесь ни одна из сторон не может выступить обособленно от другой стороны, каждая есть «иное другой». В то же время они не могут выступать как абсолютно неразличенные. В противном случае они реализовывали бы абстрактное тождество. Непосредственный переход одной противоположности в другую противоположность возможен только в процессе познания данного противоречивого единства. Ни производительные силы, ни производственные отношения не даны непосредственно. В форме своей непосредственности могут быть даны только факторы производства со стороны производительных сил, а также производственные отношения, выступающие в своей овеществленной форме. Поэтому на данном уровне ни производительные силы, ни производственные отношения в их опосредованном, т. е. опредмеченном, бытии не могут составлять диалектического противоречия. Их непосредственное сущностное бытие, или эйдос, определено внешними границами в некоторых конкретно-чувственных образах. Любой выход за границы эйдоса, или «сущностного лика» (А.Ф. Лосев), непосредственного бытия ведет к нарушению самой формы их бытия, т. е. формы бытия, определяемой конкретно-чувственными образами.

Познание же сущностного уровня производительных сил и производственных отношений как диалектических противоположностей основного экономического противоречия необходимо полагает разрушение непосредственных связей восприятия экономической действительности. Воспроизведение теоретического образа начинает поступать через опосредующие связи, которые, как мы отмечали, предполагают разрушение непосредственного восприятия производительных сил в форме факторов производства и производственных отношений в их овеществленных формах. С другой стороны, в этих опосредованных формах непосредственные связи как бы сохраняются в «снятом виде», или, используя терминологию Г.В.Ф. Гегеля,

диалектически отрицаются с удержанием положительного содержания. На самом глубоком уровне таким опосредующим моментом в понимании, выражении сущности производительных сил становятся сами производственные отношения. В равной мере это относится и к производственным отношениям.

Если различать формы внешнего и внутреннего опосредования, когда в первом случае опосредующие звенья даны непосредственно, а во втором непосредственное бытие уже «снято», то можно заметить следующее. Развитие процесса познания производительных сил только через внешние опосредованные формы в конечном счете может приблизить нас к познанию сущности экономических явлений, а также экономических противоречий, но не выразить сущность. Здесь необходимо «сущностное видение» (*das Wesensschau*), по Э. Гуссерлю. Посредством внешних опосредующих форм экономические противоречия не могут получить адекватного выражения. Только с выходом за пределы непосредственного бытия производительных сил и производственных отношений появляется теоретически возможность раскрытия противоречия в едином, познать противоречивые его стороны, моменты, тенденции. Основная характеристика сферы сущности, сферы внутренних экономических противоречий – это опосредование непосредственностей⁶⁶. Никакое внутреннее противоречие, в том числе экономическое, не может быть дано внешне непосредственно. Мы не можем признать убедительными доводы тех экономистов, которые усматривают основное экономическое противоречие в соотносительности внешних форм его бытия, как например, противопоставление организационных форм производства, потребности и т. д.

У К. Маркса противоречие есть непосредственное тождество противоположностей. Одновременно оно у него непосредственное единство.

В первой главе «Капитала» К. Маркс расшифровывает смысл данного непосредственного единства, определяя его как такое противоречивое единство, которое становится тождественным внутренней противоположности товара, только проявляющейся во внешней противоположности.

⁶⁶ Диалектика и практика. Вопросы теории социального отражения. М.: Наука, 1984. с. 156–158.

Единство противоположностей здесь есть единство внутренних, т. е. не опосредованных внешним образом, противоположностей. Единство же внешних противоположностей выступает как единство различного выражения единой сущности, т. е. в границах единой сущности.

Как нам представляется, недооценка многими экономистами этого факта привела к тому, что они за внешним единством противоположностей увидели непосредственное тождество противоположностей, т. е. усмотрели теоретический образ основного экономического противоречия. Эти внешним образом проявляющиеся противоположности у этих авторов выступают интересы, уровень развития производительных сил, определяемый конкретными видами технологий, техники и т. д. Непосредственное тождество противоположностей может достигаться только в самой сущности явлений экономической действительности, а не в самих явлениях, т. е. не в их непосредственной форме бытия. *(Для нас близка мысль Э. Гуссерля, что явление вещи не есть являющаяся вещь)*. Познание основного экономического противоречия, как мы это показали несколько ранее, может быть достигнуто только в ходе отрицания непосредственного конкретно-чувственного бытия, т. е. путем опосредования внешних противоположностей. Но это не может быть достигнуто только внешним опосредованием, так как последнее не выводит в сферу сущности. Например, сколько бы мы ни двигались в познании противоречия товара от простой формы стоимости к развернутой, а от нее к всеобщей, это не дает нам непосредственного знания внутреннего диалектического противоречия товара – непосредственного единства внутренних противоположностей потребительной стоимости и стоимости. Она делает возможным только эмпирическое знание.

Данная методология вполне применима и к исследованию основного экономического противоречия социализма. Отношения собственника и производителя следует понимать как внутреннее отношение ассоциированного со-собственника к самому себе как со-производителю. Здесь производительные силы ассоциированного со-производителя есть одновременно и производственные

отношения. Производительные силы не могут существовать обособленно от производственных отношений, они есть только два момента одного и того же отношения собственности. Сама же экономическая реальность выступает в данном случае как сущность в единстве со своим явлением, т. е. действительность. Поэтому явления на уровне экономической действительности не могут принимать характер основного экономического противоречия еще и потому, что на уровне явления противоположности выступают как внешние противоположности. Для последних не характерен и не возможен непосредственный переход одной противоположности в другую, следовательно, нельзя говорить о непосредственном тождестве противоположностей, как на это указывал К. Маркс. Таким естественным тождеством противоположностей, их «непосредственным единством» (*unmittelbare Einheit*) может быть только субстанциальное начало, т. е. то, что мы понимаем под собственностью как сущностью. Таким образом, ***основным экономическим противоречием может быть только противоречие в самой собственности.***

Основное противоречие экономической системы есть в то же время противоречие его бытия, т. е. противоречие самой экономической жизни – собственности как действительности.

Собственность не отрывается тем самым от форм своего движения, реализации. В результате преодолевается, так называемый, субстратный подход в исследовании собственности. Но вместе с тем преодолевается и односторонность функционального подхода, для которого характерно отрицание собственности как основного экономического отношения. Собственность как субстанция выступает не только как непосредственное тождество противоположностей – производительных сил и производственных отношений, – но и как единство самой структуры отношений социалистической собственности и форм ее движения. Последние не отрываются от своей основы, они не существуют где-то рядом с собственностью, а есть форма реализующейся собственности. Это можно выразить более «обостренно»: движение, реализация собственности и есть продукт «существования», «осуществления» основного противоречия бытия собственности, ее проявления.

2.5. Некоторые проблемы теории разрешения экономических противоречий

Несмотря на определенное внимание, которое стало уделяться в последнее время в экономической и философской литературе вопросам движения, воспроизводства, разрешения экономических противоречий существенных сдвигов в формировании целостной теории еще не достигнуто. Следует выделять в самой теории два существенных момента: проблему разрешения диалектических противоречий в познании предмета и исследование форм движения, разрешения самого предметного противоречия собственности как таковой. Если первый круг проблем теории базируется на фундаментальных выводах диалектической логики, основа которых заложена представителями немецкой классической философии И. Кантом, Г.В.Ф. Гегелем, И.Г. Гердером, а также Э. Гуссерлем, Ж.П. Сартром, М. Хайдеггером, А.Ф. Лосевым, Ф.Ф. Вяккеревым, В.Г. Мараховым, G. Stiehler и другими, то проблемы движения, воспроизводства, разрешения предметных, в том числе экономических противоречий, разработаны недостаточно. Требования, предъявляемые к науке сегодня, делают совершенно недостаточным простую констатацию общих принципов, лежащих в основе теории разрешения экономических противоречий социализма. Фундаментальные принципы, оставленные классиками, имеют непреходящее значение, но не могут претендовать на законченное выражение теории диалектического противоречия.

Как нам представляется, многие взгляды, претендующие на фундаментальность теории разрешения экономических противоречий социализма, отличает то положение, что они полагают в качестве исходных теоретические конструкции как бы данными априори, вместо того, чтобы их вывести из самой теории. Затем эти схемы подводятся под реальную экономическую действительность, а экономические категории, выражающие реальные экономические отношения, не выводятся из действительности, а просто называются.

Основное экономическое противоречие, как противоречие собственности, на своем глубинном уровне не может уже более опосредоваться какими-то внешними формами. Само опосредование осуществляется только в самой сущности, т. е. между производительными силами и производственными отношениями, когда они становятся тождественными. Третье звено, выполняющее роль своего рода «ключа» в их внутреннем опосредовании, может выступать уже только как взаимодействие между ними. Поэтому, собственность выполняет роль не только глубинного основания, но и субстанции самовоспроизводящейся.

Собственность как структурное отношение, тем самым, дополняется пониманием собственности как процессуального отношения, собственности как процесса. Данный уровень понимания собственности как процессуального отношения, на наш взгляд, выражается категорией собственности «материальное воспроизводство ассоциированного в масштабе социализированного сообщества общественного индивида». Взятая вне специфической формы воспроизводства, данная категория переходит в категорию «материальный способ производства». Собственность, понимаемая подобным образом, уже не нуждается ни в каких опосредуемых определениях. Собственность как внутреннее обоснование всей совокупности отношений материального производства, выступающее самим бытием ассоциированного в масштабе социализирующегося сообщества общественного индивида, обуславливает целостность его бытия, его «самость».

Выработанная нами концепция собственности как субстанция позволяет представить ее как единство сущности и явления, т. е. как действительность. Следовательно, категория «собственность» одновременно выражает свое сущностное определение как всеобщее основание, где достигается непосредственная тождественность производительных сил и производственных отношений, и «обоснованного», т. е. основание, но взятое уже в своем «выхождении во вне». *(В своих теоретических обоснованиях мы используем тот метод Г.В.Ф. Гегеля, когда он категорией «действительность» выразил как отношения сущности, как и явления в их диалектическом единстве).*

Как нам представляется, непосредственно воздействовать на глубинные отношения собственности, тем более как иногда утверждают, планомерно воздействовать на всю систему производственных отношений, теоретически не состоятельно. Непосредственное воздействие – это всегда сфера непосредственной человеческой деятельности, т. е. феноменальный уровень движения отношений собственности. Следовательно, никакое непосредственное воздействие между сущностными формами и ее явлениями невозможно. Это различные состояния, где отсутствуют связи взаимодействия, детерминации. Эти формы не определяют друг друга и не действуют друг на друга.

Как мы утверждали несколько ранее, на самом глубинном уровне уже нет внешнего опосредования, а есть только внутреннее опосредование, т. е. опосредование внутри самой собственности.

Противоречие теории должно разрешаться самой теорией, проблема материального воспроизводства самой практикой экономического хозяйствования. Следовательно, разрешение данной теоретической проблемы следует искать не в поиске каких-то категорий, а в самой практике, т. е. в отношениях материального воспроизводства общественного индивида. Любое экономическое явление на поверхности экономической действительности выступает как неразрывное единство самой субстанции как всеобщности, существенного единства его первоосновы, а с другой стороны, как непосредственного явления в форме существующего многообразия. Тем самым сама взаимосоотнесенность противоположностей на уровне сущности есть не только проявление самой субстанции, а само ее сущностное бытие. На уровне же действительности взаимосоотнесенность есть уже взаимодействие, проявляемое как причинность. Однако причинность не вытекает и не выражает непосредственно противоречивость собственности, а является только ее моментом. Вместе с тем проявление причинности в отношениях собственности есть, в конечном счете, детерминированность деятельности общественного индивида по созданию наиболее благоприятных условий своего собственного воспроизводства. Воспроизводство осуществляется не за счет какой-то части сообщества, а как противоречивое единство воспроизводства общественного индивида в обществе и самого общества.

В материальном воспроизводстве общественного индивида данное противоречивое единство есть выражение определенного характера воздействия на природу и на самого себя. Ибо первейшее условие существования человека есть его жизненное бытие, его жизнедеятельность. Данное положение свидетельствует о том, что для основного экономического противоречия – противоречия собственности – характерна асимметричность диалектических противоположностей. И ведущей же противоположностью всегда выступает присвоение природы, как деятельная сторона собственности, как реализация производительных сил. Самопротиворечивость бытия общественного индивида реализует себя как причинность уже тем, что изменяет свое отношение к природе, повышая продуктивность самых простых моментов производства, а также повышая их эффективность за счет адекватной организации факторов производства.

Само же соответствие производительных сил производственным отношениям можно рассматривать только как соответствие несоответствия, т. е. изменение в производительных силах есть источник несоответствия. Это отрицательная сторона, которая постоянно «взламывает» прежнее устойчивое состояние. Достигается же соответствие только как момент несоответствия тем, что меняются формы хозяйствования. Тем самым никакого автоматического соответствия между производительными силами и производственными отношениями нет и быть не может. Противоположности в основном экономическом противоречии не равнозначны. Роль «отрицательной» стороны – производительных сил – не равнозначна роли «консервативной» стороне, характеризующей диалектическое противоречие как момент устойчивости. Становление, развитие производительных сил определяет возрастание степени напряженности противоречия как побуждающей к разрешению этой энергичной формы.

Решающим условием здесь выступает практическая деятельность людей по изменению форм взаимосвязи. Это достигается за счет того, что меняются формы организации труда, производства в целом, вводятся новые системы экономического стимулирования, меняется характер взаимосвязей людей в общественном производстве. Однако на феноменальном уровне деятельность не есть

нечто исключительно субъективное, не содержащее в себе моменты всеобщности. Производственная деятельность есть одновременно воспроизводство экономических отношений как всеобщности. Тем самым человеческая деятельность в процессе материального воспроизводства общественного индивида есть диалектическое единство субъективного и объективного, всеобщего и единичного. Производственные отношения никогда не существовали как некий феномен вне самой производственной деятельности общественного индивида. Точно также и производительные силы не могут быть даны непосредственно как некоторый феномен, как, например, работник, средства производства и т. д. производственная деятельность есть их наличное материальное бытие.

Основное экономическое противоречие есть противоречие в сущности бытия собственности. На уровне явления обнаруживаются *внешние противоречия, которые следовало бы более правильно определить, как внешнее проявление противоположности внутренней самопротиворечивости*. Разорвав связь всеобщего и единичного в производственной деятельности, тем самым, разрывается целая сеть опосредующих звеньев, благодаря которым и разрешается основное экономическое противоречие.

Противоречие собственности как противоречие самого материального существования общественного индивида на уровне экономической действительности «толкает» через систему стимулов, интересов, индивида к созданию новых условий производственной деятельности. В этом простом акте заключено само проявление необходимости, всеобщности, сущности всей совокупности форм производства, хозяйствования – проявление расширенного воспроизводства отношений собственности, когда расширенно воспроизводится одна противоположность – производительные силы.

Именно с данного момента начинает возрастать степень напряженности этой деятельной, энергичной формы сущностного отношения производительных сил и производственных отношений. Будучи по своей внутренней природы «живым», «деятельным», «беспокойным внутри себя», данное непосредственное тождество противоположностей, эта «энергичная», напряженная форма, побуждающая к разрешению этого противоречия, выражает импульс деятельности, ее внутреннюю беспокойную подвижность. Поэтому и второй этап

движения, воспроизводства, и, следовательно, разрешения данного глубинного противоречия собственности может быть осуществлен только при помощи человеческой деятельности. Но, тем не менее, человек не воздействует непосредственно на производственные отношения. Производительные силы, будучи только выражениями изменений в результате создания новых средств производства на уровне действительности, точно также требуют изменения форм взаимоотношений на том же уровне. В результате человеческой деятельности устанавливаются такие формы взаимоотношений между людьми, которые стали бы более приемлемы для изменившихся производительных сил. Тонкость понимания заключается в том, чтобы в первом и во втором случаях человеческая деятельность не отождествлялась бы с самой дифференцированной сущностью – производительными силами и производственными отношениями. Поэтому никакой конгломерат субъективно-объективных производственных отношений невозможен. Выделяемые некоторыми авторами технико-экономические отношения, как отношения людей к средствам производства, самому процессу труда, есть сфера производительных сил, абстракция от форм производственных отношений, а не их некий химерический «пограничный уровень».

Именно сама производственная связь содержит в себе внутреннее противоречие производительных сил и производственных отношений, а последние не могут выступать относительно обособленно друг от друга на феноменальном уровне. Мир экономических абстракций – это не столько мир чувственных образов (в процессе познания мы оперируем не самими предметами, экономическими явлениями, а их образами и понятиями), сколько абстракций от других сущностных определений предмета, процесса, посредством которых возможно «схватывание» в мышлении предмета, процесса в его дифференцированной сущности. Пограничные, технико-экономические отношения, лежащие на стыке производительных сил и производственных отношений, есть продукт метафизического синтеза, способный воспроизвести в мышлении этот «слоеный эклектический пирог».

Механизм совершенствования отношений собственности есть процесс становления самого объекта, рассматриваемого в единстве

с развивающимися производительными силами и производственными отношениями. Будучи асимметричными по своей внутренней природе, данные диалектические противоположности сущностно отражают становление объекта – материального воспроизводства, ассоциированного в масштабе всего общества общественного индивида. Роль ведущей противоположности в отношениях собственности приобретают производительные силы. На уровне экономического явления данный процесс находит свое выражение на путях внедрения новой технологии в микроэлектронике, биотехнологии, микропроцессорных комплексах, инновациях, новых видах сырья, энергии, а также в формах взаимосвязей людей как производителей.

Возрастание степени напряженности, несоответствия как в самих производительных силах, так и отношениях собственности, проявляется в отставании форм хозяйствования, форм управления, организации, т. е. в формах общественной связи. Можно говорить, что производительные силы ушли вперед по сравнению с производственными отношениями. Однако подобное утверждение будет справедливо только на феноменальном уровне – новые технологии, новые производства, формы технологической организации перестали соответствовать формам общественной организации людей. На сущностном уровне, т. е. в самой сущности отношений собственности, диалектические противоположности – производительные силы и производственные отношения – непосредственно тождественны друг другу.

Потребность в изменении форм хозяйствования есть само «чувственное противоречие». Оно требует адекватного действия со стороны человека как субъекта, носителя производственных отношений по изменению прежних форм организации, управления, стимулирования. Какова будет адекватность человеческой деятельности по устранению перекосов в управлении, а также во всей системе отношений собственности, зависит только от человека. Здесь нет автоматизма одновременного изменения в обеих формах.

Собственность как материальное комплексное отношение есть субстанция, вся совокупность форм ее «выходения вовне» есть лишь акциденции собственности как субстанции. Как целостность она есть момент собственности всех своих определений и в других сферах: юридических, нравственных, психических, религиозных.

Последние являются, таким образом, формами ее иного отражения, иной формы собственного бытия. Будучи детерминированными материальными, объективными отношениями, они, тем не менее, не остаются как бы «равнодушными» к изменениям материальных отношений собственности, а оказывают как прямое, так и обратное воздействие. Не считаться с этим нельзя. Например, известны случаи, когда негативное отношение некоторых членов хозяйствования к арендной форме выразилось в таких крайних мерах, как прямое уничтожение объектов собственности арендодателей. Оно сформировалось в предубеждении к арендному ведению производства. Не учитывать данный момент отношений собственности как целостности было бы, по меньшей мере, наивно.

Поэтому определенные издержки прежнего механизма совершенствования системы отношений собственности лежат в игнорировании надстроечных отношений. В нашем представлении собственность как интегральное понятие должна охватывать всю целостность не только экономических отношений, но и отношений юридических, нравственных и т. д. Тем самым предмет политэкономии – не только производственные отношения, но и производительные силы, а также надстроечные отношения в той мере, в которой они оказывают свое воздействие на отношения базиса. Другими словами, производственные отношения следует рассматривать в единстве с производительными силами и надстроечными отношениями. Не выработывая понимания собственности как целостности, как противоречивого единства, сам механизм движения и разрешения основного экономического противоречия не может представляться полным.

Осваивая новую технику и технологию, изменяются отношения человека к природе, т. е. происходят изменения в его производительных силах. Отношение же к средствам производства, процессу производства, формам общественной связи всегда опосредовано его сознанием, мышлением, прежним опытом, привычками, традициями и т. д., или институтами. Признавая производительность всех этих форм, следует полагать, что они не могут находиться вне механизма разрешения основного экономического противоречия. В процессе производственной деятельности не только производятся материальные блага или расширенно воспроизводятся производительные силы в ходе внедрения новой техники и технологии, изменяется

их «технологическая» кооперация, но меняются формы взаимоотношений людей в сфере материального производства. Производственная деятельность, которая выражает единство единичного, особенного и всеобщего, есть та внешняя форма, посредством которой выражается изменение и самой всеобщности.

Хотя вся история становления форм общения в обществе есть продукт деятельности преследующих свои цели людей, однако их деятельность не следует рассматривать как исключительно свободную, определенную только их сознанием. Формы сознания в то же время сами есть продукт взаимосвязи с наличествующими в обществе производительными силами, сложившимися производственными отношениями, нормами права и т. д. Утверждение, что достигнутый уровень развития производительных сил определил формы производственных отношений, а вместе с тем и формы сознания, может быть истинным только тогда, когда в самом этом же утверждении точно также истинно и обратное – производственные отношения определяют производственные силы. На сущностном уровне каждое утверждение есть в одном и том же отношении полагание другой, и наоборот. Следовательно, данный процесс есть не механизм детерминирования, а проявление организма целостности.

Сама фраза о возможности сознательного совершенствования производственных отношений, либо планомерного разрешения экономических противоречий полагается в своей односторонности, не выражает собственности как организма, как целостности. Во-первых, сознательное в действиях не сводимо к их свободе. Для сознательного совершенствования системы отношений собственности обязательно должен присутствовать момент необходимости. Последний определен достигнутым уровнем развития производственных сил, тем же уровнем развития производственных отношений, нормами развития отношения права, наконец, нравственным сознанием. Можно несколько «заострить» данный тезис. Сама необходимость, как не-свобода, в выборе форм действия людей предопределена формами сознания.

Для самой свободы, во-вторых, необходима предпосылка, что человек в своем действии свободен. И хотя законы экономического развития проявляются подобно «слепым силам природы», тем не менее, они всегда оставляют коридор сознательной

«самодеятельности», т. е. деятельности, определяемой исключительно его волей. В этом «коридоре» осознанных предпосылок необходимости человек свободен, хотя необходимость от этого не исчезла.

Человек воздействует на природу и одновременно на себя, изменяя, тем самым, объект воздействия на свою собственную природу. Его собственная сущность объективируется, закрепляется в природных явлениях, овеществляясь в формах производства, в изменениях содержания и характере труда. Следовательно, на дальнейшем этапе производственной деятельности то, что лежало в сфере необходимости, может стать сферой свободы. Суть, однако, заключается в том, в какой мере человек осознает свою собственную природу, законы развития производительных сил, форм общественной связи, в какой мере его деятельность по разрешению экономических противоречий адекватна его собственной природе, его целям и задачам. Законы материального производства, как и законы природы, объективны. Они не могут действовать либо не действовать. Если закон не действует, следовательно, и нет существенного явления. Другое дело, что человек может действовать (а его деятельность всегда опосредована сознанием) вопреки законам материального производства. Более того, если его деятельность не выражает адекватно требований необходимости воспроизводства общественного индивида, то тем самым он ограничивает себя все возрастающей мерой необходимости.

Тот факт, что в результате сознательной деятельности индивида или всего сообщества возникает совсем не то, к чему они стремились, свидетельствует о том, что их индивидуальное или общественное сознание не отражало, во-первых, объективную необходимость, а во-вторых, их сознательная деятельность была неадекватна требованиям развития материального производства, в-третьих, планомерность, как сознательно поддерживаемая пропорциональность принципиально невозможна в обществе, которое пронизано антагонистическими интересами не-собственников и собственников.

То, что люди застают определенный уровень развития производительных сил, производственных отношений, общественных форм сознания, возникает перед ними не преднамеренно, т. е. возникает перед ними как объективный мир. Посредством же свободного

действия (как это часто представляется авторам непосредственного воздействия на процесс разрешения противоречий собственности) должно возникать нечто такое, которое было положено их сознанием как цель. Однако возникают такие формы человеческого общения и формы действительного присвоения объектов природы, которые несут в себе нечто объективное, их «вторую природу». Если бы вся деятельность индивида определялась исключительно их свободой, то в этом случае ничего объективного во «второй природе» не появилось бы⁶⁷.

Достигнутый уровень производительных сил, степень зрелости производственных отношений, форм сознания, выступая как предпосылка, и составляют всеобщую основу всех форм человеческой деятельности. Сама же деятельность человека есть только бытие основного общественного закона – сохранение человеческого индивида⁶⁸, выражающаяся в единстве моментов свободы и необходимости. Моменты свободы и человеческой деятельности по разрешению экономических противоречий всегда, таким образом, есть полагание материальных предпосылок, сознания, воли, целей. И тем не менее результат деятельности, по полагаемому нами механизму, всегда несет характер объективного результата. Результат опять выступает как объективный мир для преследующих свои цели человека в процессе материальной производственной деятельности. В то же время в результате закрепилось, «овеществилось», «материализовалось» состояние момента сознательной, свободной «самодетельности» индивида.

Самосознание формы своего собственного бытия есть необходимый, но недостаточный момент самореализации, самовоспроизводства индивида в обществе. Момент сознания в процессе разрешения экономических противоречий в обществе есть только осознание своего бытия, осознание своих материальных потребностей бытия. Но материальные потребности, которые есть только «чувственная форма» этих экономических противоречий по своей природе как предпосылки объективны. «Осуществление» же самого бытия, как процесс удовлетворения потребностей, т. е. как момент

⁶⁷ Шеллинг Ф.В.И. Соч. в 2-х т. / [пер. с нем.]. Т. 1. М.: Мысль, 1987.

⁶⁸ Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2-х т. Т. 2., М.: Мысль, 1980. С. 340, 341.

разрешения экономических противоречий того или иного способа производства, и объективен, и субъективен по своей природе, как мы только что это показали. Результат несет в себе моменты и свободы, и необходимости, самосознания и бессознательного, субъективного и объективного. Тем самым представляется возможным более адекватно выразить диалектику процесса разрешения экономических противоречий при любом способе производства, преодолевая крайности от «непосредственного» совершенствования экономических противоречий и, кончая отрицанием момента сознательного в самих производственных отношениях, а также и в противоречиях самих производственных отношений.

Мы могли бы, таким образом, утверждать, что целеполагающая человеческая деятельность в процессе материального производства, есть форма «существования», само наличное бытие отношений собственности, а нахождение опосредующих связей в самой теории познания противоречий собственности может стать той формой, благодаря которой будут разрешены противоречия познания экономических противоречий собственности. Однако никакие «разумные категории» не разрешают действительных противоречий собственности. Противоречия собственности, как реальных, действительных отношений, могут быть разрешены только в результате человеческой деятельности, когда изменяется объективная экономическая реальность, когда в результате сознательной практической деятельности создаются новые формы производства, «новые отношения» которых будут сущностным выражением этих изменившихся внешних экономических форм.

Подобным опосредующим моментом движения собственности, ее развития и становления есть механизм хозяйствования. Так как разрешение основного экономического противоречия есть процесс развития самого производства, то хозяйственный механизм, как и сами отношения собственности, в своей целостности лежит в сфере производительных сил, в сфере производственных отношений, а также в тех надстроечных формах, которые непосредственно воздействуют на базовые отношения собственности. Как нельзя разорвать саму производственную деятельность по своим имманентным атрибутам – отношения человека к природе от отношений между

людьми – так и хозяйственный механизм представляет собой единое целое противоречивых отношений в сфере производительных сил, производственных отношений и надстроечных форм. Хозяйственный механизм как экономическая категория выражает отношения собственности на ее конкретно-особенном уровне. Здесь собственность выступает как своего рода «душа» конкретного.

Вместе с тем подобная гибкость понятий не должна привести нас к выводу, что сам хозяйственный механизм, который, являясь формой движения и реализации отношений собственности, есть сама непосредственная форма предметно-чувственной человеческой деятельности. Тем самым была бы отождествлена единичность и особенность. И хотя обе они несут моменты всеобщности, которая составляет их «душу», тем не менее, между ними есть существенное различие.

В хозяйственном механизме собственность как сущность существует в единстве со своим явлением – формами управления, организации, стимулирования, кооперирования. Иными словами, хозяйственный механизм есть собственность в ее «осуществлении», в движении.

Если рассмотреть собственность как субстанцию в единстве со всеми своими акциденциями, то последние будут представлять диалектическое единство внутреннего и внешнего. Собственность как противоречие производительных сил и производственных отношений, т. е. как субстанциальное отношение, развертывается в своей внешности. Собственно, хозяйственный механизм и являет собой собственность как деятельное отношение. Следовательно, с одной стороны, он выступает как нечто найденное в наличии, а с другой стороны, как движение самой собственности, как способ ее бытия. Само же бытие собственности не отрицает то положение, что хозяйственный механизм полагает свою сущность, выраженную во всей совокупности производительных сил и производственных отношений. Мы не склонны сводить сущность только к какому-либо одному производственному отношению, хотя и основному. Сущность же высвечивает какую-то одну сторону явления, пусть даже и важную сторону. Сущность есть «схватывание» в мышлении всей целостности, тотальности экономических явлений. Более убедительная точка зрения на природу сущности как единство многообразного,

а не его одной стороны. Таким образом, сущность более полно раскрывается не на абстрактно всеобщем уровне, а на конкретно- особенном и конкретно всеобщем. Ее истина не в застывшей давности, а в движении к Понятию. Поэтому сущность экономических явлений есть выражение единства содержания (специфической формы производительных сил) и общественной их формы, т. е. всей совокупности производственных отношений также в их специфической форме. Только познавая специфическую сущность специфического экономического явления, мы можем приблизиться к познанию сущности экономической реальности.

Используя терминологию Г.В.Ф. Гегеля, можно утверждать, что хозяйственный механизм представляет собой реальную действительность собственности в формах ее движения. Хозяйственный механизм представляет собой формы «осуществления» собственности во всем своем многообразии. Но и понятие собственности как всеобщности, сущности экономических связей уже не растворяется в данном многообразии форм и методов воздействия на экономику. Хозяйственный механизм уже есть не только собственность, выходящая вовне, но и явление, которое удерживает всеобщность производственных связей. Тем самым в хозяйственном механизме собственность сохраняется как его всеобщность. Представление хозяйственного механизма как бытия собственности, в ее движении в бесконечной смене конкретных форм, безусловно, выделяет хозяйственный механизм как более богатое определение, как целостное единство многообразных форм ее движения, реализации, «осуществления».

Таким образом, мы можем сделать важный вывод для последующего развития теории разрешения экономических противоречий собственности. *Хозяйственный механизм есть внешнее выражение собственности, он есть ее способ существования, движения и разрешения. Собственность как диалектическое противоречие находит в механизме хозяйствования, таким образом, свои формы движения.*

Каждое экономическое противоречие следует рассматривать не только в его целостности, но и принимать во внимание тот факт, что каждое производственное отношение, а, следовательно,

и экономическое противоречие, выражают его сущность, не остаются равнодушными друг к другу. Все они живут в «царстве» производственных отношений, экономических законов, экономических противоречий, подвергаясь воздействию от других и одновременно воздействуя на всю сопричастную совокупность.

По проблемам разрешения основного экономического противоречия имеются фундаментальные исследования. Остается в меньшей степени теоретически освещенным вопрос разрешения экономических противоречий в пределах экономической формации. Как нам представляется, классики уделяли исключительное внимание проблемам полного разрешения основного экономического противоречия, когда не только происходит образование нового качества, а происходит скачок, выход за пределы меры как единства качества и количества. Более того, К. Маркс и Ф. Энгельс вообще отрицали необходимость примирения, опосредования противоположностей, считая это ненужным. Например, в «Обращении Брюссельской демократической ассоциации к швейцарскому народу», подписанным К. Марксом, призывы к опосредованию социальных противоречий воспринимались как «преступная опрометчивость», как заклинание звучало требование не «внимать коварным предложениям о посредничестве»⁶⁹.

При понимании всей сложности и противоречивости обстановки, предшествующей принятию данного Обращения, явно проступает осознание того факта, что классики отрицательно относились к самой идее о поиске опосредованных форм движения и разрешения экономических и социальных противоречий капиталистической системы. Более того, они подвергали жесткой критике Г.В.Ф. Гегеля за попытки поиска опосредующих звеньев в разрешении противоречий.

Данное положение, как нам представляется, получило широкое распространение в современной научной философской литературе. Опосредование воспринимается как «примирение» противоположностей. Однако видится большая разница в попытках Г.В.Ф. Гегеля, который также был продуктом своего времени, совместить свою систему с тогдашней реальностью, пойдя на примирение

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 442.

противоположностей, разрывающих всю его конструкцию, и совсем другое дело – понять, что сам механизм опосредования есть осуществление процесса развития, становления предмета в границах меры, т. е. примирение при сохранении основного качества системы. Можно попытаться «заострить» данную проблему, выразив ее в антиномической форме. «Действительные противоположности в границах меры не могут быть опосредованы. Действительные противоположности постоянно опосредуют друг друга».

Таким образом, хозяйственный механизм производства по своей природе представляет собой выражение опосредования противоположностей собственности. Фактически его функция состоит в «увязывании» противоречий действительности экономического бытия. Его внутренняя природа полностью определена глубинными отношениями собственности, а с другой стороны, субъективным моментом – познанием этих объективных экономических противоречий собственности и самой конкретной деятельности, ее адекватности требованиям экономических законов. Сглаживание противоречий не должно пониматься как отмирание противоречий при, а снятие остроты следует понимать как нахождение форм их движения и разрешения. И если в процессе материального производства «общественного индивида» была найдена форма, которая разрешила какое-то экономическое противоречие, то это совсем не значит, что противоречие «исчезло».

Процесс разрешения экономических противоречий – это процесс одновременного воспроизводства другого экономического противоречия, либо придания «прежнему» другой его сущностной формы. «Старое» противоречие содержится в его основании, как в единстве тождества и различия. Последнее опять разовьется в существенное различие и в противоречие. Важно понять, что противоречие не разрешается в «ничто». Каждое экономическое противоречие всегда на поверхности экономической реальности есть противоречие между субъектами процесса присвоения. Следовательно, *самый ближайший признак того, что противоречие получило свои, требуемые развитием самого предмета, формы движения и разрешения, есть удовлетворение потребностей субъекта присвоения.*

Так как производственные отношения проявляются, в первую очередь как интересы, то данный процесс выразится именно в согласовании, в удовлетворении интересов. Только подобная форма может считаться наиболее адекватной для любого способа производства. ***На деле данное положение реализуется в руководстве интересами и посредством интересов.***

Вместе с тем данное положение не следует понимать несколько упрощенно. Оно ничего не имеет общего с выравниванием интересов, сведением всей совокупности экономических интересов к некоторой форме «единого интереса». Внутреннее экономическое противоречие разворачивается в сфере материального производства во внешнюю противоположность. Следовательно, на поверхности экономической реальности во взаимоотношениях субъектов присвоения процесс разрешения экономических противоречий порождает обогащение интереса субъекта, а не сведение его к какому-то «единому интересу», который как бы даже приобретает независимое от индивидуального (частного) интереса существование. Развитие отношений собственности выражается, таким образом, в обогащении системы интересов в конкретных отраслях, сферах экономической жизни.

Безусловно, правы те экономисты, которые доказывают существование формы собственности и при социализме. Необходимость существования коллективных форм присвоения доказана всем ходом исторического становления человеческой цивилизации. И совершенно правильно подчеркивается тот момент, что человек существо общественное. Однако часто забывают в своей чрезмерной категоричности, что ***человек есть общественный индивид, т. е. частное лицо.*** У него нет ни коллективного желудка, ни других общих органов присвоения. ***Конечное присвоение всегда сугубо индивидуально.*** Общественная форма собственности, коллективная и индивидуальная соотносятся между собой как соотносятся всеобщность, особенность и единичность. ***Общепародная форма собственности, если она не находит свои адекватные формы в присвоении индивидом, есть пустая абстракция, есть «ничто».*** Общепародная форма собственности под личиной государственной может находить свои действительные формы осуществления только в форме

присвоения индивидуумом, т. е. в форме индивидуальной. Развитие всегда связано с появлением многообразия форм «осуществления» бытия предмета.

Этот вывод находит свое подтверждение в том, что нынешнее развитие экономики дает новые формы хозяйствования, отличительная черта которых заключается в формировании множества субъектов присвоения, в формировании множественности форм присвоения и в появлении, в силу этого, более развитой целостности – системы экономических интересов в обществе.

С другой стороны, становится ясным тот факт, что не все формы человеческой деятельности приводили к разрешению экономических противоречий. Более того, в результате господства форм управления, хозяйствования некоторые проблемы не только не преодолевались, но и получили свои «обостренные» формы проявления. Сейчас можно только констатировать, что в данных случаях деятельность субъекта управления, хозяйствования не обогащала интересы сопроизводителей, в худших случаях, нивелировала интересы, подавляла всякую заинтересованность. Принцип материальной заинтересованности в развитии «общественного индивида» уступал место материальному принуждению, а затем и прямому принуждению, насилию. Можно, видимо, утверждать, что отход от политики НЭПа в двадцатых годах, принудительная коллективизация по своим экономическим и социальным последствиям свидетельствовали о наличии моментов «суживающего» воспроизводства экономических противоречий социалистической системы. Изменилось и отношение к экономическим противоречиям в теории строительства социализма. Экономические противоречия стали отождествляться с конкретными недостатками, а ликвидация недостатков стала ассоциироваться с ликвидацией противоречий при социализме.

«Осуществление» противоречий всегда есть процесс его воспроизводства. В то же время воспроизводство экономических противоречий не всегда есть их расширенное воспроизводство. Положение К. Маркса, высказанное в «Капитале о том, что противоречие одновременно осуществляется и разрешается, не следует понимать упрощенно⁷⁰. Оно очень часто приводится философами

⁷⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 113–114.

и экономистами в своих попытках доказать, что разрешение противоречий всегда имеет место в экономической реальности. Тело стремится к другому телу, но это стремление есть одновременно форма его удаления. Более того, и удаление, и приближение становятся моментами чего-то третьего, а именно движения. Для данного противоречия характерно то, что противоречие разрешается уже тем, что оно воспроизводится на прежнем своем качественном уровне.

Эллипсис не превратился в другой вид механического движения и даже не изменил свою пространственную форму движения. И не случайно то, что К. Маркс здесь ничего не говорит о качестве, в котором воспроизвелось новое состояние. Качество осталось тем же самым. Противоречие «осуществилось», т. е. воспроизвелось в границах прежней меры.

Частичное разрешение экономических противоречий есть процесс воспроизводства как самого соотношения в его внутренней самопротиворечивости, так и воспроизводство самих противоположностей. Экономические противоположности процесса, экономического явления выражают развитие предмета как со стороны его экстенсивных форм, так и интенсивных. Мы можем полагать, что в условиях экстенсивного развития экономических противоположностей не происходит возрастание степени напряженности этого «деятельного» отношения. Происходит процесс развития противоположностей в их внешних формах, тем самым идет процесс количественного накопления за счет экстенсивных факторов. В данном случае можно говорить об экстенсивном накоплении количества. На поверхности экономической реальности это проявляется в том, что расширенно воспроизводятся количественные характеристики системы, расширяется само поле материального производства, его экономическое пространство. Особенность заключается в том, что средства производства и рабочая сила воспроизводятся, хоть и расширенно, но в условиях своей качественно прежней определенности. Тем самым степень «напряженности» поля экономических отношений, его «градиент» как бы сохраняется.

Интенсивное накопление количественных характеристик противоположностей не только расширенно воспроизводит обе

диалектические противоположности, но и увеличивает степень «напряженности» этой «деятельной, напряженной» формы, тем самым возрастает «градиент поля диалектического противоречия».

В любом случае противоречие разрешается только частично, а не полностью. К. Маркс употребляет два термина для отмеченных выше форм разрешения экономических противоречий, которые на русский язык переведены одним выражением «разрешение противоречий». Так, когда экономическое противоречие разрешается только частично, как в случае с эллипсом, К. Маркс использует термин «*lösen*», который можно перевести более точно, как частичное разрешение диалектического противоречия⁷¹. В случае же полного разрешения противоречий К. Маркс употребляет термин «*Auflösen*», более адекватный перевод которого – «полное разрешение противоречия».

Основное экономическое противоречие есть противоречие в самом бытии собственности, поэтому процесс разрешения его мы можем наблюдать только опосредованно, через внешние формы. Как описывает исторический процесс развития противоречий товара К. Маркс, появление денег как бы разрывает процесс обмена на два внешне независимых процесса. Но это только внешнее проявление обособленности. Наступление кризисов несет в себе ту информацию, что внешняя обособленность может быть только видимостью. Развивая товарный обмен, противоположности расширенно воспроизводятся. Сам же кризис насильственно устанавливает единство товара, хотя опять же во внешних противоположностях. Данное единство процессов внешнего обособления снимает противоречия товара, однако, процесс разрешения экономического противоречия одновременно воспроизводит экономическое противоречие на более высоком уровне своего бытия.

Основное экономическое противоречие разрешается постоянно, хотя процесс разрешения экономических противоречий может быть только частичным в границах самого социалистического способа производства.

⁷¹ Marx Karl. *Das Kapital*. B. 1, 2, 3. Berlin, 1986. B. 1. S. 118.

На наш взгляд, можно выделить несколько возможных ситуаций в процессе разрешения экономических противоречий социализма. Так, вполне возможно представить такое абстрактное состояние социалистической экономики, когда последняя характеризуется как простое социалистическое воспроизводство. Для данного состояния характерно, во-первых, то, что отсутствует экономический рост. Сам процесс воспроизводства есть существование, проявление экономических противоречий. Но противоречие хотя осуществляется и воспроизводится, тем не менее, это воспроизводство есть воспроизводство прежнего качественного состояния с сохранением количественных характеристик системы. Основное экономическое противоречие как бы «качается» около своего среднего состояния. Экономические противоположности воспроизводства «общественного индивида» сохраняют свою качественную и количественную определенность. Данная схема, есть, безусловно, абстракция. Тем не менее она дает возможность выявить некоторые закономерности простого воспроизводства.

Диалектическое взаимообусловленное взаимопроникновение противоположностей производительных сил и производственных отношений – сохраняет «напряженность своего экономического поля». Возможности расширенного воспроизводства, как производительных сил, так и производственных отношений, безусловно, уже заключены в простом социалистическом воспроизводстве. Противоречие социалистической собственности еще не развернулось, хотя и «осуществилось». Основное экономическое противоречие проявилось здесь как источник экономического движения, но не как источник развития. В результате простого воспроизводства не возникало, и не могло возникнуть ничего нового.

Следующий момент в воспроизводстве экономических противоречий – это их расширенное воспроизводство. Данный процесс уже характерен тем, что диалектические противоположности собственности воспроизводятся уже в расширенном масштабе. Изменяются формы отношений воспроизводителей в процессе присвоения объектов природы. Внешней стороной этого процесса является не только количественный рост средств производства, но и рост числа работников. Однако качественное состояние факторов

производства остается на прежнем уровне. Отмечается процесс экстенсивного накопления количественных характеристик производственного потенциала «общественного индивида», рост количественных характеристик «экономического поля», однако «энергичность», «деятельность поля» при этом сохраняется.

На практике рост количественных противоположностей часто протекает одновременно с качественными изменениями самих противоположностей. Так, экономический потенциал возрастает не только за счет роста производственного инструментария прежних качественных характеристик, но и качественных изменений средств производства, возрастания качества рабочей силы и т. д. Фактически речь идет о необратимых количественных изменениях в производительных силах. Мы можем допустить обратимость изменений в экономике только, если данные изменения были связаны с экстенсивным накоплением количественных характеристик экономической системы. Это состояние может проявиться в сокращении объемов производства при прежнем уровне качества экономического потенциала. Интенсивное же накопление количественных характеристик может быть только необратимым. Люди, освоив более эффективные средства производства, открыв ранее неизвестные формы практического освоения природы, уже никогда не вернуться к прежним средствам производства и формам общественного устройства.

Неудачи экономической реформы середины семидесятых, 1988–1990 гг., находят свое теоретическое объяснение в том, что преобразования системы отношений собственности коснулись только ее экономической части. Собственность как целостность не была реконструирована, следовательно, возвращение к своему исходному состоянию, а в отдельных случаях, и скатывание назад, следует считать теоретически и практически доказанным фактом. Разрешение противоречий собственности затрагивает преобразования не только в экономической сфере, но и в сфере политики, нравственности, морали, права, других форм общественного сознания. Все намерения перестроить экономические отношения социалистической собственности, не затрагивая всю целостность, были только профанацией перестройки системы экономических отношений. Следовательно, успех экономической реформы конца восьмидесятых –

начала девяностых годов в СССР определился, как показал весь последующий опыт хозяйственного строительства и экономических реформ, в какой мере преобразования в отношениях собственности коснулись ее как целостности.

Новые формы хозяйствования как бы отбрасывают прежние формы управления, организации, одновременно новый хозяйственный организм как бы «умиротворяет» противоположности в самой собственности, каждая противоположность находит в другой формы удовлетворения своей потребности, воспроизводит себя опосредованно через другую противоположность. Через адекватность хозяйственного механизма отношениям собственности в последней оформляется временное соответствие ее внутренним противоположностей, т. е. временное соответствие между производительными силами и производственными отношениями.

Специфика же данного соответствия раскрывается в том, что уже в самом зародыше данного соответствия имманентно содержится момент их несоответствия. Содержательная сторона собственности, окованная прежними формами хозяйствования, приобретает предпосылки для последующего совершенствования форм хозяйствования. Полного примирения противоположностей не может быть уже потому, что противоположности в границах собственности всегда ассиметричны, производительные силы выступают всегда отрицающей противоположностью, моментом становления противоречия как самоотрицаемости. И, тем не менее, временное, относительное «умиротворение» противоположностей достигается. Производительные силы, которые содержат в себе «свое иное», реализуют свою собственную потребность, проявляющуюся через опосредование формы производственных отношений. Как мы полагаем, *система отношений собственности может развиваться не за счет подавления своей противоположности, а за счет развития «в себе своего иного»*. Не развивая свою противоположность, производственные отношения как и производительные силы не могут получить сами по себе, т. е. изолированно, требуемого развития. Поэтому задача в выработке нового хозяйственного механизма лежит не в подавлении противоположностей, а в их развитии,

так как только через развитие другой противоположности первая сторона может утвердить себя.

Хозяйственный механизм движения собственности всегда должен выражать требования как производительных сил, так и производственных отношений. Ведь формы организации производства всегда есть формы организации производительных сил, которые на внешнем уровне выступают в форме факторов производства. Так как производительные силы выражают свою потребность в развитии только через свою противоположность, т. е. производственные отношения, то последние проявляются на поверхности экономической реальности через интересы, стимулы в развитии производительных сил. Таким образом, ликвидация уравнительности в оплате труда, как важнейшая составная часть механизма перестройки форм хозяйствования, представляла собой направление по совершенствованию организации работников через систему материального стимулирования к более производительному соединению работников со средствами производства. Даже частичное разрешение основного экономического противоречия есть свидетельство того, что осуществляется изменение в самой сущности способа производства.

Каким же образом реализуется сама логика разрешения основного экономического противоречия собственности? Основное экономическое противоречие, являясь предметным диалектическим противоречием, проходит три стадии движения: стадию становления предметного противоречия, стадию ставшего противоречия и стадию разрешения.

Из этого положения вытекает, что на первой стадии своего становления противоречие находится в состоянии потенциальной возможности, в «зародышевом» состоянии. Оно фиксируется только как существенное различие.

На данной стадии, применительно к противоречию собственности, собственность выступает в своем естественном единстве, как внешне неразличенное бытие общественного индивида в форме процесса материального воспроизводства. Отношение человека к объектам природы, как к условиям его собственного существования, связано неразрывно с его общностью в племени. Он еще не выделяет себя из природы, но одновременно не выделяет себя и из первобытного сообщества. Отношение к продуктам природы как к своим

основано преимущественно на «естественном» праве. Однако уже здесь отношение человека к предметам присвоения как к своим опосредовано отношением данного индивида к сообществу. Отношение индивида к продуктам присвоения начинает определяться уже не только его ролью в процессе действительного присвоения, осуществляемого в производстве, но и местом в иерархии сообщества. Тем самым несущественное различие вырастает в ставшее, сформировавшееся различие, или существенное, т. е. противоположность. Характер присвоения уже четко определен местом индивида в обществе. Присвоение начинает осуществляться не только в обществе, но и посредством общества. Индивид внешним образом как бы раздвоился, выступая как работник, который противостоит не-работнику. Фактически же данное внешнее раздвоение есть только форма, выражающая внутреннее противоречивое единство в самом индивиде, т. е. форма, выражающая сущность бытия «общественного индивида». Следовательно, ***основное экономическое противоречие любого способа производства есть всегда противоречие «бытия общественного индивида», т. е. противоречия собственности.*** Это противоречие всегда приобретает специфическую форму выражения, выступая, например, при капитализме как противоречие капитала.

В настоящее время явно ощущается назревшее противоречие собственности в российском обществе. Данное противоречие по своей природе есть противоречие капиталистической формы присвоения, или капиталистической собственности. Разрешением основного экономического противоречия капиталистического способа производства будет достигаться восстановление первоначального единства в одном лице работника и собственника. Действительное противоречие опять начинает осуществляться для каждого индивида в процессе производства, но уже ликвидируется возможность присвоения за счет различия места в структуре общества относительно собственности на средства производства. Присвоение при этом осуществляется в обществе, но уже не за «счет» силы общества, не за счет власти олигархов, осуществляемой через принуждение посредством государственного аппарата насилия, а за счет эквивалентного обмена деятельностью других членов общества.

В послереволюционный период, разрешив основное экономическое противоречие капитализма, противоречие не было отброшено. ***Отрицается не само противоречие, а специфическое содержание основного экономического противоречия, т. е. отрицается специфическая форма собственности, а не собственности вообще.*** В социалистической собственности как форме соединения работника со средствами производства, таким образом, также было уже заключено противоречие. Свое выражение оно получает в различности индивида как производителя и как носителя отношений присвоения. Это существенное различие «существования» сопроизводителя и сособственника здесь выражено как противопоставление «общественного индивида самому себе», как носителя производительных сил и носителя производственных отношений. Суть данного противоречия на поверхности экономической реальности заключается в том, что присвоить определенный размер материальных благ человек может только в зависимости от того, в какой мере он реализовал себя как производитель. Само осуществление основного экономического противоречия есть противоречивое существование члена социализированного сообщества. Социалистическая собственность выражает только возможность реального равенства со стороны членов сообщества в присвоении материальных благ. Чтобы быть равными в этой сфере, члены социалистической ассоциации должны быть равными как со-производители. Последнее же условие принципиально невозможно, так как люди никогда не могут быть равны по своим природным потенциям.

В механизме хозяйствования данное противоречие находит свои формы выражения, например, в осуществлении принципа распределения по труду. Сам по себе принцип распределения по труду уже несет в себе противоречие, являющееся только скрытой подоплекой сущностного экономического противоречия – противоречия собственности. Чтобы реализовался принцип справедливого распределения по труду, должен априори реализоваться принцип распределения возможного труда по возможностям конкретного индивида. Однако уровень развития производительных сил на нынешнем этапе развития не позволяет реализовать данный принцип распределения. Осуществлять же данный принцип – это равносильно,

по образному выражению К. Маркса, что «декретировать всеобщую посредственность».

Неадекватное понимание сущности социалистической собственности явилось предпосылкой деформации самого механизма распределения, придав ему тенденцию уравнительности в распределении уже произведенных материальных благ. Данное противоречие в самом хозяйственном механизме есть ставшая форма внутренней противоположности социалистической собственности. Противоречие хозяйственного механизма выявило тем самым источник дальнейшего совершенствования отношений социалистической собственности. Сейчас можно утверждать, что потребность в ликвидации, преодолении уравнительных форм распределения, применительно к состоянию советской экономики на современном этапе, характеризует второй этап в развитии основного экономического противоречия (после перехода средств производства в руки общества), а сам процесс практического преодоления этих уравнительных тенденций есть третий этап становления основного экономического противоречия. Здесь отношение между производительными силами и производственными отношениями проявилось как «энергичная, деятельная форма», побуждающая к разрешению этого противоречия, как «живое, деятельное, беспокойное внутри себя» отношение.

Как было отмечено нами ранее, зрелая форма основного экономического противоречия характеризуется тем, что предпосылки для его разрешения уже созрели, они даны в самой экономической действительности. Они не могут быть реализованы раньше, так как становление противоречия есть в то же самое время и процесс создания предпосылок для его разрешения. Ни одна форма хозяйствования не отомрет раньше, чем система не исчерпает свои потенциальные возможности развития.

Хозяйственный механизм, будучи противоречивым по своей внутренней природе, через формы организации труда, производства в целом обеспечивает, с одной стороны, непосредственное соединение производителя со средствами производства, сочетая интересы работника и общества, а с другой стороны, опять же через материальную заинтересованность реализует соразмерность доли присваиваемого продукта его трудовому вкладу. Именно здесь устанавливается

некоторое взаимное проникновение противоположностей, через формы хозяйствования каждая противоположность получает возможность своего дальнейшего развития посредством «своего другого».

Адекватность процесса совершенствования хозяйственного механизма глубинным отношением социалистической собственности может быть выражена как более полное проявление социалистической собственностью своих сущностных черт, а именно: преодоление отчуждения от средств производства, от процесса труда и его результатов, в возрастании свободы каждого индивида в обществе, в становлении человека целью всего бытия. Суть отношений социалистической собственности как становящейся целостности скрывается в целокупности отношений *каждого* члена сообщества к условиям своего собственного воспроизводства как к своим и как самодостаточным.

Характер разрешения основного экономического противоречия в условиях социалистического способа производства может быть только частичным, или, как характеризует данную форму К. Маркс, «отрицательным». Основание, в которое разрешилось основное экономическое противоречие, есть само расширенное воспроизводство предмета – социалистическая собственность. На данном этапе происходит отрицание социалистической собственности в ее собственных границах.

Признавая, что основное экономическое противоречие является источником и движущей силой социально-экономического развития, мы тем не менее, хотели бы выразить свое отношение к механизму хозяйствования. В какой мере механизму хозяйствования, как внешней форме существования основного экономического противоречия, присуща роль источника и движущей силы экономического развития? Данный вопрос не получал своего развития в исследованиях политэкономов и философов. Фундаментальное положение материалистической диалектики заключается в том, что внутреннее противоречие предмета, процесса является источником его собственного развития, и ни у кого, как правило, сомнений не вызывает. Но могут ли внешние формы воспринимать роль источников развития предмета?

Мы полагаем, что было бы теоретически несостоятельно открывать внутренние источники развития предмета от форм бытия самого предмета, т. е. от его внешних форм существования.

Если наиболее адекватный образ экономического противоречия можно выразить как внутреннее самопротиворечивое существование общественного индивида, которое находит свою форму в самовоспроизводстве индивида, то тогда это самовоспроизводство общественного индивида (т. е. его форма «самодвижения») выступает внутренним бытием собственности как предметного противоречия, его «существованием» или жизнью. Само же воспроизводство на феноменальном уровне выступает только как его внешнее выражение. Это самовоспроизводство общественного индивида есть внутренняя форма бытия собственности. Хозяйственный механизм, как конкретное выражение собственности, содержит последнюю как «душу», которая обитает в конкретном и особенном. Поэтому не признавать, что хозяйственному механизму не свойственно выполнять роль источника и движущих сил воспроизводства общественного индивида было бы равносильно абсолютизировать различие внешних и внутренних форм, лишить хозяйственного механизма его «души».

Сам же хозяйственный механизм выявляет свой экономическую, политическую природу в экономической политике. Под экономической политикой обычно понимается комплексная система мер, инструментов, методов и приемов воздействия экономических субъектов на экономическую ситуацию, позволяющих обеспечить реализацию стратегических и тактических целей. Это системное образование инструментов и механизмов базируется на соответствующей теории взглядов, на традициях, доктринах, политических программах, а также экономических предрассудках и ложных ценностях. Все это образует своего рода идеологическую платформу экономической политики экономических субъектов по отношению как к контрагентам, так и к институтам государства.

Политика экономическая конкретного экономического агента есть политика единичного, или части всего многообразия общей экономической политики. Она представлена в форме государственной экономической политики и политики частных экономических

агентов. Это дает основания для утверждения, что понятие «общая экономическая политика» – есть понятие родовое по отношению к понятию «государственная экономическая политика» и соотносится как «целое–часть». Поэтому общая экономическая политика не направлена на решение конкретных задач конкретного макроэкономического института, например, населения страны. Общая экономическая политика скорее формирует вектор развития экономики, формирует определенное правовое поле, создавая преференции и ограничивая присущими государству инструментами и механизмами нежелательные повороты в развитии.

Отдельные экономические субъекты реализуют самостоятельно выработанную на основании понимаемых ими ценностей частную экономическую политику. Государственная экономическая политика становится при этом как рядоположенная экономическая политика, хотя ее влияние на все экономические субъекты будет оставаться доминирующим фактором.

Дискуссионным моментом остается проблема соотношения общей экономической политики, частной экономической политики и государственной экономической политики. Встречающееся в научной литературе утверждение о том, что каждый субъект хозяйственной деятельности – от домашнего хозяйства до институтов государства – является проводником своей собственной политики, ибо каждый руководствуется своими собственными целями и применяет свойственные ему инструменты, – нуждается в серьезном уточнении.

Государственная экономическая политика, как выражение требований всеобщности социально-экономического окружения, не может существовать вне единичного, т. е. требований объективного развития его частей. Всеобщее может находить формы своего бытия исключительно в конкретном, единичном, т. е. частном. Следовательно, утверждение о доминировании государственного интереса в противовес частным интересам в их облики необходимого, закономерного, т. е. всеобщего уже в рамках государственной экономической политики не может быть признано состоятельным. Применение термина «доминирование» вообще становится некорректным. Всеобщее не доминирует, оно выражает в своей всеобщей форме

требования единичного, т. е. частей. В противном случае исследование будет проводиться по методу примитивного механического детерминизма. Интересы части получают свое выражение в государственном интересе, но это совсем не означает, что интерес частный совпал с интересом государства. Часть не есть целое. Часть может осуществлять и проводить свою оппортунистическую экономическую политику. И если вектор этой частной экономической политики отдельного экономического субъекта будет разнонаправлен с вектором общей экономической политики, то эта частная экономическая политика должна быть признана неадекватной.

Это утверждение в полной мере относится и к государственной экономической политике. Последняя в форме политики, осуществляемой институтами государства, например, центральным банком страны, институтом таможенного дела, правительством, не соответствует требованиям всеобщности, т. е. существенным экономическим взаимозависимостям и связям, и эта государственная экономическая политика должна не доминировать над общей экономической политикой, а адаптироваться, видоизменяться, отражая требования объективного развития национальной экономики.

Экономическая политика, понимаемая нами как требование всеобщего применительно к особенному и единичному, частному, должна не только сводиться к деятельности государственных органов власти и управления, а относиться ко всей совокупности экономических субъектов в обществе, как занятых в процессе воспроизводства материальных условий жизни, так и институтов общественного и государственного управления

Политическая экономия не может оставаться неполитизированной наукой. В этом ее специфика, и вряд ли поэтому уместно подвергать критике за то, что этому предмету и самому процессу исследования присуще по своей внутренней природе. Следует не критиковать, а понимать это гносеологическое явление и учитывать его в процессе приближения к истине, которая есть целостность.

В определенной степени этим состоянием можно объяснить современное состояние российской экономической мысли, когда последние годы практически исчезли с поля зрения научные исследования, предмет которых лежит в раскрытие природы экономических доходов в современной России.

Часто статьи посвящены второстепенным вопросам, не затрагивающих глубинные отношения собственности в переходный период, последствия, проведенной по указке западных, в основном американских советологов и экономистов, в принципе враждебной для основной массы россиян ваучерной приватизации. Причины этого явления лежат на поверхности. Никакая теория не может дать внятного объяснения и обоснования необходимости лишения основной массы граждан России собственности. Власть осталась не на стороне простого народа, а на стороне коррумпированного чиновничества, крупного бизнеса, региональных политических элит. Эти организаторы всех российских бед в последние годы, осуществившие с воинствующим невежеством перераспределение общенародной собственности, преследуя, в первую очередь, исключительно свои собственные корыстные интересы, допустили фундаментальное нарушение принципов справедливости в российском обществе. Более того, это осуществление процесса перераспределения они осуществили во всем его объеме, т. е. не частично, не фрагментарно, включая привлечение государственного механизма с его репрессивным аппаратом на свою сторону. «Несправедливость в ее наиболее завершенном виде, когда благоденствует тот, кто нарушил справедливость, и в высшей степени жалок тот, кто на себе испытал несправедливость и все же не решился пойти против справедливости. Такова тирания: она то исподтишка, то насильственно захватывает то, что ей не принадлежит, – храмовое, государственное имущество, личное и общественное, и не постепенно, а единым махом. Частичное нарушение справедливости, когда его обнаружат, наказывается и покрывается великим позором. Такие частичные нарушители называются... то святотатцами, то похитителями рабов, то взломщиками, то грабителями, то ворами. Если же кто, мало того что лишит граждан имущества, еще и самих их поработит, обратив в невольников, его вместо этих позорных наименований называют преуспевающим и благодетельствующим, и не только соотечественники, но и чужеземцы, именно потому, что знают: такой человек сполна осуществил несправедливость. Ведь те, кто порицает несправедливость, не порицает несовершенство несправедливых поступков, они просто боятся за себя, как бы им самим не пострадать. Достаточно полная

несправедливость сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы, и властности, Справедливость – это то, что пригодно сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе»⁷².

Вряд ли можно что-то добавить по существу к тому, что было с такой простотой, ясностью и однозначностью было выражено Платоном в его Диалогах.

Следовательно, понимание принципов справедливости всего процесса организации производства, распределения, обмена и потребления, составляющих в своей совокупности и целостности процесс воспроизводства и присвоению человеком своих условий жизнедеятельности, дает основание выработать и специфику метода исследования природы дохода коррупционных структур. Одновременно это позволяет положить в основу метода понимание сути этих глубинных сущностных процессов в российском обществе вообще и в раскрытии экономической природы дохода чиновника, коррупционная суть которого сводится к использованию властного ресурса как необходимого фактора распределения в своих частных оппортунистических интересах. Именно в этой сфере злоупотребления в пользовании функцией распоряжения чужим объектом собственности в своих частных интересах, осуществляя оппортунистическое поведение по отношению к обществу в целом, следует видеть наиболее глубинные формы коррупции и природу источников коррупционного дохода.

Так как коррупционеры не всегда могут довольствоваться исключительно одномоментными формами извлечения дохода из-за краткого срока исполнения своих функций, то они стараются создавать коррупционную систему отношений распределения, пользования и присвоения в целом в обществе. Для этого в обществе формируется соответствующая ресурсная база, создание которой есть инвестиционная деятельность коррумпированного чиновничества, которая имеет соответствующий объект – институт властных коммуникаций в обществе. ***Власть становится таким же фактором присвоения, как и капитал, земля, предпринимательские способности.***

⁷² Платон. Диалоги: [пер. с древнегреч.]. Харьков: Фолио, 2000. С. 55.

Природа проявления власти как фактора присвоения аналогична природе власти самого государства. Никто не желает платить налоги, но люди их платят, понимая не только необходимость их для существования самого государства в целом, но и возможные нежелательные последствия в тех случаях, когда государство может применить аппарат насилия и понуждения. Однако в этом случае вся целостная система отношений собственности базируется экономика региона на принципах справедливости, которые потому и являются принципами, что из них вырастает вся система отношений и институтов распределения, производства, потребления и расходования в обществе.

При этом следует отдавать отчет в том, что именно принципы справедливости, на которых выстраивается вся система производственных отношений в обществе, оставались и продолжают оставаться самой сложной и трудно исследуемой проблемой в общественных науках. Важность выработки соответствующего методического аппарата, на наш взгляд, в том, что именно справедливость отражает наиболее глубинные основания господствующих в обществе форм производства и присвоения. Более того, само право, как политическое оформление сложившихся в обществе традиций и институтов только завершает, оформляет этот процесс присвоения в обществе, делая его понятным и необходимым для каждого гражданина. Все отношения присвоения в обществе есть одновременно процессы отчуждения произведенного продукта, следовательно, они затрагивают каждого материально. Соблюдение устоявшихся традиций в процессе присвоения дохода в обществе требует создания дополнительных институтов власти, которые позволяют власти достраивать недостающие ей звенья, превращаясь, таким образом, в некоторую целостность. Такими институтами становятся истинные атрибуты публичной власти, например, репрессивный аппарат, система принуждения к исполнению такой системы экономических отношений, которые в основном были оформлены как соответствующие принципам справедливости в обществе на данный исторический период времени.

Люди, осуществляющие те или иные реформы в обществе, суть которых не может не затрагивать глубинных отношений собственности и связанных с ними процессов присвоения дохода,

при осуществлении несправедливости в полном объеме привлекали на свою сторону и политизированных ученых. Последние научно объясняли в замысловатых теориях «справедливость» и необходимость осуществленных реформ. Следовательно, чтобы проблемы методов познания сути механизма распределения и получения доходов были достаточно ясно представлены и поняты, их мало понять с помощью рассудка. Эти проблемы нуждаются в понимании, а не только в осознании.

Поэтому далеко не случайно Дельтей вполне обоснованно считал, что «факты, относящиеся к обществу, мы можем понять только изнутри, только на основе восприятия наших собственных состояний, т. е. с любовью и ненавистью, со всей игрой наших аффектов созерцаем мы исторический мир»⁷³.

У Платона были основания утверждать, что, какая бы форма государственного устройства ни преобладала, в интересах господствующей формы справедливости «устанавливает законы всякая власть в свою пользу: демократия – демократические законы, тирания – тиранические, также и в остальных случаях. Установив законы, объявляют их справедливыми для подвластных – то есть как раз то, что полезно властям, а преступающего их карают как нарушителя законов и справедливости»⁷⁴. Таким образом, справедливость у Платона трансформируется в должное: «...Справедливо отдавать каждому должное»⁷⁵.

Однако когда начинает господствовать принцип «каждому – его должное», коррупционные структуры уже не могут открыто отнести свои корыстные интересы к интересам всего сообщества в целом. По крайней мере, мы еще склонны считать, что коррупция в России, которая достигла чудовищных масштабов, все же не позволяет нам судить о России как коррупционном государстве, где вся собственность принадлежит чиновникам, которые превратили государство в свою частную собственность.

Успешность мероприятий по борьбе с коррупцией нам видится в направлении разрушения инвестиционного направления

⁷³ Дельтей В. Предпосылки или условия сознания либо научного познания // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 145.

⁷⁴ Платон. Диалоги: [пер. с древнегреч.]. Харьков: Фолио, 2000. С. 55.

⁷⁵ Там же. С. 40.

коррупции. В этом случае будет подорвана ее факториальная, или капитальная база. Если признать, что власть есть фактор присвоения, то следует признать и то, что власть, которая приносит доход, обладает признаками капитала. Этот капитал коррупции, как продукт инвестиций во власть, должен быть замещен иными факторами присвоения чиновниками, например, теми высокими доходами, которые принадлежат чиновнику как соответствующее праву, т. е. как должное.

Разрушение коррупционных структур должно базироваться на следующих принципах. Во-первых, следует максимально сократить число аппарата, который принимает решения, реализуя властные функции. Процесс может и должен быть формализован, решение должно вырабатываться в соответствии с алгоритмом поведения участников отношений. Чиновник должен скорее наблюдать и контролировать прозрачные процедуры выработки проектов и решений, а не принимать их. Во-вторых, создать систему, которая резко увеличивает риски для чиновника. Здесь под рисками мы понимаем не опасность саму по себе, как это часто имеет место в научной литературе, и не вероятность наступления нежелательного события. Риск есть результат логической конъюнкции этих двух разных по экономической природе явлений, или результат логического умножения объемов понятий «вероятность наступления события» и «опасность».

Таким образом, возможны два направления борьбы с коррупцией в целях разрушения всей системы:

- повышение опасности для коррупционера, т. е. тяжести последствий, например, обязательной национализации доходов и собственности, полученных преступным путем;

- усиление прозрачности процедур принятия решений чиновниками, т. е. — вся информация должна быть доступна для всех путем применения современных компьютерных технологий.

- контакт чиновника и клиента должен быть практически исключен в своей массовости. Открытость заявления клиента должна завершаться такой же открытостью выработки и принятия решения чиновником.

Понимание принципов справедливости всего процесса организации производства, распределения, обмена и потребления, дает

основание выработать и специфика метода не только исследования природы дохода, но положить в основу метода понимания сути этих глубинных сущностных процессов в российском обществе.

При этом следует отдавать отчет в исследовании экономической природы дохода бюрократии том, что именно принципы справедливости оставались и продолжают оставаться самой сложной и трудно исследуемой проблемой в общественных науках. Важность выработки соответствующего методического аппарата усматривается нами в том, что именно справедливость отражает наиболее глубинные основания господствующих в обществе форм производства и присвоения. Более того, само право, как некоторый венец, политическое оформление сложившихся в обществе традиций и институтов, только завершает, оформляет этот процесс присвоения в обществе, делая его понятным уже для каждого гражданина. Все отношение присвоения в обществе есть одновременно процессы отчуждения произведенного продукта, следовательно, они затрагивают каждого материально. Соблюдение устоявшихся традиций в процессе присвоения дохода в обществе требует создание дополнительных институтов власти, которые позволяют власти достраивать недостающие ей звенья, превращаясь, таким образом, в некоторую целостность. Такими институтами становятся истинные атрибуты публичной власти, например, создание репрессивного аппарата, системы принуждения к исполнению такой системы экономических отношений, которые в основном были оформлены как соответствующие принципам справедливости в обществе на данный исторический период времени.

Люди, которые осуществляют те или иные реформы в обществе, суть которых не может не затрагивать глубинных отношений собственности и связанных с ними процессов присвоения дохода в обществе, для осуществления несправедливости в полном объеме привлекали на свою сторону и политизированных ученых. Последние научно объясняли в замысловатых теориях «справедливость» и необходимость осуществленных реформ. Следовательно, чтобы проблемы метода познания сути механизма распределения и получения доходов бюрократии были более-менее выпукло представлены и поняты, их мало «схватить мышлением» с помощью рассудка.

Эти проблемы нуждаются в понимании, а не только в осознании. Поэтому далеко не случайно Дельтей вполне обоснованно считал, что факты, относящиеся к обществу, мы можем понять только изнутри, только на основе восприятия наших собственных состояний.

Если речь уже идет о принципах диалектического детерминизма, то последний полагает в качестве своего основания рассмотрения взаимообусловленности, когда уже исчезают стороны предметов, отношений, явлений, когда исследуемый объект начинает уже исследоваться как самопорождающая себя субстанция, как причина самой себя, как спинозовская *causa sui*.

Но в этом случае право, нормы последнего уже не могут восприниматься в исследовании как самодостаточные в раскрытии внутренней природы объекта, они могут привлекаться исключительно как взаимодополнительные, что позволяет приближаться к некоторой уже целостной научной картине. Поэтому, наш метод исследования экономической природы бюрократии, исходит из более глубоких теоретических оснований, на которых покоится и само право с его нормами, т. е. на этике.

Ключевую роль выполняет понятие «справедливость». Более того, данное понятие мы принимаем в качестве и основного, и исходного понятия, из которого как из основания может только и вырасти вся теория дохода бюрократии.

Проблему мы усматриваем в том, что исследования, которые были осуществлены экономистами-теоретиками, представителями правовой сферы научного знания исходили из некоторого исторического предания о роли, месте, оценке бюрократии вообще. Более того, положив некритически осмысленное положение в качестве исходного, мы начинаем опираться на предрассудки. Последние проникают в экономические исследования в форме некоторого исторического предания, которое начинает господствовать в исследованиях, с претензией на научную состоятельность. Однако мы исходим из того, что речь не может идти о том, что следует оградить исследователя вообще от исторического предания, которое обращается к исследователю через массы научных публикаций, речь идет о том, что исследование, которое претендует на научную состоятельность должно учесть, понять и найти в оценке результатов научного

исследования соответствующее место историческому преданию в форме предрассудков теории. Другими словами, исследуя глубинную природу экономического бытия бюрократии, которое в качестве необходимого составляющего звена включает в себя и теневые формы экономики в целом, нам следует не отбрасывать эти предрассудки, которые имеют место в научных исследованиях, в форме истории формирования теневой экономики, а наоборот, оградить себя от того, что может нам помешать понять эту историческую предысторию в качестве предрассудка в пользу понимания самой природы бюрократии.

2.6. Воля к власти денег как фактор присвоения дохода в обществе

В философии экономики на протяжении последних не менее двух столетий предпринимались не совсем успешные попытки объяснить наиболее существенные мотивы поведения экономических субъектов в процессе производства, распределения и потребления создаваемых ими жизненных материальных и духовных благ. Например, после работ А. Смита возникло непререкаемое суждение о том, что индивидуальный или эгоистический интерес есть движитель всего прогресса. Люди руководствуются своими эгоистическими интересами, ориентируя их в направлении приращения богатства. Каждый, бессознательно реализуя свой корыстный эгоистический интерес, создает предпосылки для реализации некоторого уже общего интереса. Это соответственно формирует «невидимую руку рынка». Доход, его прирост стал основным движущим мотивом всего частного производства. Фактически речь идет о доминирующей цели коммерческого предприятия – получение прибыли, то есть, некоторого чистого дохода, который определяется как разница между получаемыми доходами и издержками производства, распределения и иными вмененными расходами.

Это исходное положение принималось как само собой разумеющееся и не нуждающимся в критическом осмыслении в силу своей очевидности и вне временного характера проявления. Однако это доминированное целеполагание не может быть признано, по крайней мере, с позиции текущего времени (*sub speci temporitatis*), а тем более с позиции вечности (*sub speci aeternitatis*). При этом мы исходим из того фундаментального положения в дальнейших наших выводах, что целеполагание формирует общую детерминанту развития материальной цивилизации, предопределяет вектор, ориентиры экономического развития общества, будучи при этом формой выражения уже более сущностного и вневременного, то есть субстанционального. Этой сущностью мы полагаем волю, опираясь на те философские воззрения, которые оставили нам представители немецкой философии А. Шопенгауэр, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Ницше. Воля как философское понятие становится центральным понятием в этих философских системах. Работы последних лет позволяют трактовать волю как социальное явление, которое базируется на глубоких онтологических основаниях. Воля как родовое понятие приобретает свои модифицированные формы, что позволяет исследователям построить уже свои философско-методологические системы, которые могут расширить наши познания в такой сложной области познания, как познание законов развития экономических систем. Как нам представляется, этим методологическим основанием может стать уже «воля к власти». А. Шопенгауэр и Ф. Ницше полагали, что модификация мировой воли в форме «воли к власти», понимаемая одновременно и как «воля к жизни» есть самая глубокое основание всех изменений в мире, формирующие вектор социально-экономического, политического развития сообществ. Однако мы не склонны полагать, что исключительно только воля, как «темное» начало у А. Шопенгауэра, есть источник всего сущего, своего рода кантовская «вещь-в-себе». Все остальное есть мир кажущийся, то есть мир как представление. Мир, который создается самим человеком, есть одновременно не только мир, творимый «темными» силами стихии человеческой природы, но и мир разумный. Воля и разум имеют один общий дом, они переходят друг в друга, отрицают друг

друга. Воля, как «темное» начало, доминирует в поведении человека, но будучи познаваемой разумом воля уже сама отрицается и переходит в сферу разумного, логичного⁷⁶.

Однако для реализации воли человек нуждается в ресурсах. Такими ресурсами становятся объекты природы, производящей (*natura natutans*) и природы производимой (*natura natutatis*), даровые силы природы, силы, которые уже даруются человеку самой организацией труда, то есть кооперацией, накопленным опытом, знанием, наконец, таким же человеком, которого другой может рассматривать как средство для достижения своих особых целей. Однако для того чтобы превратить другого человека как в средство, человек должен обеспечить применение ресурса власти. Власть становится тем самым тем ресурсом, который позволяет обеспечить одному человеку доминирование над другим, закрепляя его за выполнением определенных производственных функций и используя для этого силу, либо подчиняя его иными способами.

Таким образом, проблема воли может получить свое разрешение исключительно использованием этого ресурса власти. Воля становится действительностью по Гегелю посредством ресурса власти. Без этого ресурса воля есть некоторое темное вожделение. Другими словами, власть есть реализовавшая себя воля, которая из потенции трансформировалась в актуальность. Воля к власти есть, таким образом, стремление осуществлять процесс обеспечения условий своего воспроизводства. Подобное понимание дает основание Ф. Ницше понимать одновременно волю к власти и как волю к жизни.

Это наличие материальных ресурсов обеспечивает формирование особых отношений собственности, как некоторой совокупности объективных экономических условий, обеспечивающих производство, присвоение, распределение, потребление условий бытия самого человека. Эти отношения можно представить по своей природе и как социальные отношения, когда человек воспроизводит эти условия жизнедеятельности в некотором социуме. В результате в обществе оформляются властные отношения между отдельными членами сообщества, формируется властные поля со своими

⁷⁶ Останин В.А. Воля в структуре смысла: монография. Владивосток: ВФ РТА, 2005.

очагами напряженности и концентратами власти. Основными источниками властных полей в обществе всегда будут оставаться индивиды или группы людей, которые формируют свои особые отношения к средствам их собственного воспроизводства, в том числе и ресурсам власти. Эти особые группы людей следует классифицировать уже как классы во внутренне противоречивом «социальном поле».

Посредством сформировавшихся отношений власти реализуются подчинение, подавление воли других членов сообщества, а, следовательно, и реализация процессов присвоения, распоряжения и потребления. Власть таким образом впадает в отношения собственности, представляя уже собственность как некоторую целостность или тотальность. Это дает основания для суждений о том, что отношения собственности становятся материальной основой для других ветвей власти, например, политической. Это присвоение и распределение условий жизнедеятельности не может не опосредоваться такими институтами, как институтом религии, морали, этики. ***Собственность как целостность формирует и достраивает до своей целостности или тотальности иные формы человеческого бытия, что позволяет говорить о собственности как о религиозном отношении, этическом, нравственным.*** Этот методологический подход позволяет преодолеть абстрактность обедненного основания власти исключительно как экономического отношения. Однако следует только быть менее категоричным в утверждении собственности как экономического отношения как единственного основания. В сфере сущности не может иметь место детерминирование. Человек как носитель властных отношений есть всегда человек целостный, несмотря на то, что многие видные философы наделяют его эпитетом «одномерного человека». Человек экономический есть одновременно человек нравственный, религиозный, то есть целостный, даже если эти положительные качества у отдельных индивидов отсутствуют.

На протяжении всей мировой истории человек использовал фактор власти, подчиняя себе не только даровые силы природы, но и других членов сообщества, превращая его тем самым в средство своего собственного расширенного воспроизводства.

Решающими факторами на разных этапах были прямое подчинение вплоть до приковывания работника к средствам производства. Подчиняться или сопротивляться определялось соотношением факторов, которые обеспечивали это подчинение. Однако важнейшим всегда оставалась высшая ценность, то есть сама жизнь. Вся история становления человеческой цивилизации может быть представлена как непрерывно осуществляющийся процесс подчинения-освобождения индивидов. В истории менялись формы подчинения, инструменты, механизмы реализации власти в обществе, но суть оставалась прежней. Воля к власти могла получить свою реализацию и стать действительностью только при наличии ресурсов, которые в любом случае были пронизаны отношениями собственности, более того, сами эти властные отношения лежали в структуре отношений собственности.

Существенные изменения в отношениях власти-собственности произошли с наступлением индустриальной революции лишь 150 лет спустя. До этого периода можно говорить, что рыночная экономика скорее была эпизодом. Сами рынки в Средневековой Европе следует рассматривать как некоторые вкрапления в среду производства самого человека, другими словами, его выживания. Производство дохода в форме денег не было детерминантой, движущимся мотивом средневекового человека. Это феномен уже поздней «рыночной экономики» времен Адама Смита. Мотивы выживания доминировали в более ранние времена. Как свидетельствует историк и экономист Ф. Бродель, именно выживание, борьба с хищниками в средние века были более насущной проблемой, чем производство прибыли в современных условиях. Так, «в 1420 году стаи волков проникают в Париж через бреши в крепостных стенах или через плохо охраняемые ворота; а в сентябре 1438 г. они снова... нападают на людей. ...В 1640 г. переправившись через реку Ду возле городских мельниц, волки появились в Базансоне и «поедали детей на улицах»⁷⁷. Другой проблемой для населения был голод. Франция, наиболее развитая страна в Европе познала 10 голодных периодов

⁷⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XIII вв.: в 2-х т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. М., 2011. С. 56, 57.

в X веке, 26 – в XI, 2 – в XII, 4 в – в XIV, 13 – в XVI, 11 – в XVII и 16 голодных периодов в XVIII веке. Голод, который обрушился на Индию в 1630–1631 гг., охватил почти всю страну. По свидетельствам очевидцев люди, чтобы выжить продавали сами себя, имели место коллективные самоубийства, люди поедали павших. «Сотни и сотни тысяч людей умирали, так что страна была вся покрыта трупами, остававшимися без погребения. ... В одной деревне человечина продавалась на рынке»⁷⁸.

Другое неоспариваемое никем явление в мировой цивилизации – эпидемии, уносившие население целых территорий. Тот же Ф. Бродель приводит свидетельства, что ситуация с эпидемиями чумы ухудшалась от века к веку. «В Амстердаме чума царит ежегодно с 1622 по 1628 г., итог – 35 тыс. умерших. В Париже она присутствует в 1612, 1619, 1631, 1638, 1662 и в последний раз в 1668 г.». В Лондоне чума повторяется пять раз с 1593 по 1664–1665 гг., унеся... в общей сложности 156 463 жертвы. В XVIII в. наступит общее улучшение, однако чума 1720 г. в Тулоне и Марселе будет очень трагичной. В Марселе погибла более половина жителей. Улицы, по свидетельству историка, были полны «трупов, наполовину сгнивших и объединенных собаками»⁷⁹.

Данные исторического исследования подтверждают основную идею, что целеполаганием народов средневековой Европы не могло быть накопление богатства, получение прибыли в результате материального производства. Были весьма прозаические цели – выживание людей как таковых. Наибольшими шансами располагали те, кто обладал большими ресурсами власти, собственности. Воля к власти в этом отношении проявляется наиболее отчетливо как воля к жизни.

К этому материальному ресурсу прибавляется ресурс количества. «Количество разделяет мир, организует его, оно придает каждому массиву живущих на земле его удельный вес... определяет его уровень культуры и его действенность, ритм его биологического (и даже экономического) роста и даже судьбу его заболеваний

⁷⁸ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. С. 47, 48.

⁷⁹ Там же. С. 56, 57.

и сопротивления им. ... Но количество давит и на взаимоотношения живых масс между собой, на те отношения, которые характеризуют не только мирную историю людей – обмена, торговлю, – но и бесконечную историю их войн. ... Война – это многообразная деятельность, она присутствует всегда, даже на «нулевом уровне» истории. Итак, количество заранее намечает ее очертания, силовые линии, повторения, очевидную ее типологию. В борьбе, как и в повседневной жизни, шансы отнюдь не у всех равны. Количество почти безошибочно разделяет группы людей на господ и подданных, на пролетариев и привилегированных в смысле их нормальных возможностей и шансов на успех в данный момент»⁸⁰. Это дает основания для утверждения, что реализация воли в власти как воли к жизни не опосредовалась такими инструментами как деньги. Целеполагание огромных количеств масс сводилось к простому выживанию, которое отнюдь не исключало и расширенное воспроизводство, если этому способствовали внешние и внутренние условия народа. В средние века имели хождение действительные деньги. Характерными признаками действительных денег и их отличие от бумажных денег, или знаков стоимости, заключалось в том, что действительные деньги выполняли пять функций. Будучи изготовленными из драгоценных металлов, они измеряли стоимость товаров, ибо сами были носителями стоимости, материализованной в металле. Эти деньги выполняли функции обращения, платежа, сохранения стоимости, а при пересечении национальных границ выполняли также функцию мировых денег. В результате действительные деньги становились элитным товаром, в противовес остальной «товарной черни». Накопление денег означало накопление богатства. Власть денег была выражением власти, который обеспечивал материальный ресурс. Накопления денег придавали их владельцы соответствующую мощь. Если быть корректным, то термин, который употребляет Ф. Ницше «*Wille zur Macht*», и переведенный как «воля к власти» следовало бы более точно перевести как «*воля к мощи*».

⁸⁰ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное С. 62.

Мощь же в русском языке понимается как сила, как могущество. Эта сила и могущество, которое обеспечивалось обладанием ресурсов всех форм, позволяло реализовать основной вектор поведения индивидов – волю к власти на условиях собственного выживания и далее – расширенного воспроизводства. Эта сила и мощь позволяла надеяться, что человеку удастся вырваться из ада нечеловеческого бытия. Однако сам по себе вопрос о возможности предполагал и ответ на него. Эта возможность, как потенция, как сила, как мощь к жизни лежала не только в обладании силами природы, которые человек осваивал на протяжении всего своего существования. Эти силы лежали в системе общественного обустройства. Этот вопрос Ф. Бродель поставил и ответил сам. «Можно ли выбраться из ада? Иногда – да, но никогда самому по себе, без того, чтобы согласиться сразу же на тесную зависимость человека от другого человека. Нужно было возвратиться в берега социальной организации, какова бы она не была, или же целиком построить такую организацию со своими собственными законами внутри какого-то контробщества. Организованные банды незаконных торговцев солью, контрабандистов, фальшивомонетчиков, пиратов или же также особые группы и категории людей, какими были армия и многочисленная прислуга, – вот почти единственные прибежища для спасшихся, отказавшихся от пребывания в аду. Как бы то ни было, мошенничество, контрабанда восстанавливали порядок, дисциплину, бесчисленные формы круговой поруки. Бандитизм имел своих предводителей, свои договорные формы, свои кадры, так часто организованные напоподобие сеньории»⁸¹. Этот исторический экскурс дает основания понять, что люди лишь постольку только могли реализовать волю к жизни, поскольку объединяясь смогли создавать социально-экономические анклавов, в которых создавались отношения подчинения, т. е. власти. Однако не только власть как возможность и действительность подчинения обеспечивала изъятие производимого дохода. Сам доход мог создаваться в большем объеме при тех же ресурсах благодаря человеческой кооперации. Эти виды кооперации следует

⁸¹ Бродель Ф. Указ. соч. Т. 2. Игры обмена. С. 526.

признать уже как даровые силы самого социально-экономического сообщества. Устанавливая и подчиняя членов сообщества в рамках этого социально-экономических образований только и создавались не только уже иные силовые властные поля, но они и противостояли власти официальной, легитимной. Если в неофициальных нелегитимных полях в основном человек скорее воспринимался не только исключительно как средство, но и как средство и цель признаваемого в сообществе, то в структурах легитимных, официальных это уже было не обязательно. Там власть видела цель в самой себе. Все остальные члены сообщества воспринимались этой властной верхушкой как средство, например, рабы, крепостные, пролетарии, наемные работники).

Воля к власти через инструмент денег стала формироваться позднее, когда выделилось и стало оформляться сословие купцов. Купец получал источник дохода от спекуляций. Негоциант смотрит лишь на то и принимает во внимание лишь то, что может увеличить его капитал. Каким это образом будет достигнуто – для последнего не приобретало значения. Это можно проследить по деловой переписке негоциантов между собой. Не приходится сомневаться, они трудились, чтобы заработать деньги. Однако одно несомненно, капитализм стал формироваться из духа наживы. «Однозначное, «идеалистическое» объяснение, делающее из капитализма воплощение определенного типа мышления, всего лишь увертка, которой воспользовались за неимением лучшего Вернер Зомбарт и Макс Вебер, чтобы ускользнуть от признания мысли Маркса»⁸². Здесь не следует полагать, что в основе смены парадигмы развития имело место исключительно материальные условия, либо исключительно социальные, либо политические события. Попытка выделить один из аспектов, например, материальные предпосылки, как это сделал К. Маркс, приведет только к очередным бессодержательным абстракциям. Следует принимать во внимание всю целостность, отказываясь в методологии познания от принципа механического детерминизма. Наиболее глубокими основаниями следует считать смену парадигмы

⁸² Бродель Ф. Указ. соч. Т. 2. Игры обмена. С. 409.

«воли к мощи» на парадигму развития, которую можно обозначить как «волю к власти денег». Из этой парадигмы естественно вытекает современные формы присвоения, социально-экономического обустройства, духа наживы, стяжательства, дикой коррупции, более того самого духа не предпринимательства по М. Веберу, а духа стяжательства. Однако последние уже не могут быть логически объяснены исключительно тем, что класс олигархов, который сросся с государственной бюрократией в России, находится на грани вымирания, как это было ранее в средние века, либо во все доадамовские времена.

Деньги в новой парадигме вытеснили самое главное – источники расширенного воспроизводства и самого человека, которого следует признать как высшую ценность. Деньги как накопленное богатство есть деньги, которые временно «выпали в осадок» тогда, когда акт продажи не стал совпадать с актом покупки. Это скорее исключение для современного товарно-денежного обращения, своего рода *ad hoc*, а не закон, не существенное явление. Деньги есть не истинное бытие богатства индивида, а симулякр этого богатства. Однако для общества деньги имеют исключительную ценность, ибо позволяют преодолеть бартерные отношения, снизить так называемые транзакционные издержки. Общество извлекает громадную пользу от использования денег, которые опосредуют обмен. Польза для всего общества реализуется и как благо для индивида, но только опосредовано, окольно. Накопление денег как богатства есть скорее модифицированная форма сохранения и приумножения богатства. Эта форма может быть использована скорее на кратковременном периоде, принимая во внимание соотношение сохранения ценности и ликвидности.

Однако абсолютная ликвидность денег позволяет им трансформироваться в любые формы активов, имущество, производительный капитал, а также в систему власти. Понятие «инвестиции во власть» из некоего иррационального понятия превратилось в содержательное, с логичным концептом и денотатом. ***Власть денег и деньги как власть есть выражение одного и того же социально-экономического, политического, этического, религиозного феномена,***

*или феномена собственности как тотальности*⁸³. Индивиды, которые находятся в избранной ими концепции поведения, ориентированной на реализацию «воли к власти денег» используют деньги для позиционирования себя в новом силовом, социальном поле власти, конвертируя деньги во власть. Теперь уже власть становится фактором наращивания мощи денег, раскручивая спираль «власть-деньги-власть».

Однако в этом круговороте, где основным фактором наращивания богатства становится власть легитимная, публичная, человек уже не может рассматриваться как средство и цель одновременно. Индивиды, которые выпали из властного поля перераспределения дохода как реципиенты, могут стать исключительно как доноры индивидов, присвоивших ресурс публичной власти. Это реализуется посредством института государства. Государственная бюрократия, по К. Марксу, узурпирует властные публичные функции и превращает тем самым государство в свою частную собственность.

Сказанное нами не относится ни в коей мере ко всему сообществу публичной бюрократии. Наличие публичной бюрократии столь же необходимо, как и потребность в пекаре. Речь идет о той ее части, которая сменила и руководствуется парадигмой «воля к власти денег» как собственности. Тем самым оформляются особые отношения у этого группы к формам присвоения дохода. Мы имеем все основания для утверждения, что эти особые отношения у особой группы людей являются достаточным признаком для отнесения этой группы к классу общества с соответствующим участием распределения власти в обществе. Именно эта группа реализует отношения эксплуатации других членов сообщества. Именно эта группа и относится к другим членам сообщества как средству и только, но не как к средству и цели одновременно.

Новая оформившаяся парадигма социально-экономического, политического развития России таки образом обнаруживает свою эксплуататорскую природу, в результате чего в России реальностью стало отчуждение власти от народа, степень которой уже приводит

⁸³ Останин В.А. Философия присвоения: монография. Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011.

к социально-экономической и политической напряженности. Если в предшествующие эпохи воля к власти рассматривалась одновременно и как воля в жизни, что и позволяло обеспечить выживание, то в современных условиях воля к власти денег уже ведет к прямому уничтожению населения земли. Современные военно-политические конфликты имеют одну природу, один источник – реализуемый принцип «воли к власти денег». Деньги как власть становятся инструментом, позволяющим перераспределять власть, а, следовательно, и перераспределять материальные условия жизнедеятельности и факторы самой жизни человека. В современных условиях уже стало не обязательно и не необходимым прибегать к грубому насилию. Завоевателям следует еще заботиться о лице гражданского, культурного человека, которые не источник политического напряжения в стране или мире, а очередной нобелевский лауреат премии мира. Подкупать властителя в регионе, как собственной страны, так и подкупать марионеточного суверена уже в глобальной структуре миропорядка стало гораздо дешевле и менее накладно, то есть эффективно, если применять соответствующую либеральную терминологию.

Первый «покупает» ярлык на властвование, например, должность губернатора, федеральный центр покупает лояльность населения территории региона. Тем самым формируется новое поле власти, распределение власти в обществе, позволяющее обеспечить «гармонию» интересов во властных структурах. Лучшим инструментом, чем деньги для этих целей предусмотреть сложно. Деньги стали легитимным инструментом, реализовалась система институционализации денег, *деньги приобрели еще одну функцию – деньги как олицетворение власти экономической превратились в олицетворение власти политической как внутри страны, так и в глобальной экономике и политике.*

Заключение

По своей сути, заключение есть результат, полученный в ходе научного исследования. Однако здесь, т. е. в заключении, результат берется вне того метода, единство с которым он должен составлять. В противном случае этот результат превращается в труп, который оставил после себя тенденцию, как писал по этому поводу Г.В.Ф. Гегель.

Исследование, которое было осуществлено нами, позволило выявить не только исключительную сложность затронутых нами проблем политической экономии, но и общее неудовлетворительное состояние методологического уровня исследования предмета политической экономии – отношений собственности. И это несмотря на то, что систематически появляются работы, посвященные проблемам методологии политической экономии. Можно с определенной долей иронии заметить, что для нынешнего этапа исследования характерно обилие работ по проблемам методологии и бедность по результатам. Среди политэкономов и философов до сих пор отсутствует даже единство в определении понятия собственности. И как нам представляется, причиной является то, что собственность понималась как акциденция какого-то другого субстанциального образования, вместо того, чтобы саму собственность понимать как субстанцию, не нуждающуюся ни в каких априори данных определения.

Данное понимание собственности как субстанции всех явлений экономической реальности, как причины самой себя, позволяет утверждать, что различные, закрепленные в учебной и научной литературе, приводимые определения собственности есть лишь различные определения собственности как единой субстанции на различных ступенях ее развития со стороны онтологии и различные моменты отражения ее в процессе познания со стороны гносеологического момента исследования. Но в любом случае они все предстают как моменты собственности как целостности.

Будучи взятой в своей целостности, как комплексное отношение, собственность предстает уже как некоторое диалектическое целое, внимающее в себя отношения людей как производителей в единстве с отношениями, выражающими общественную форму существования отношений сферы производительных сил.

Теоретически преодолевается тот существенный недостаток в методологии исследования собственности, когда производительные силы как бы исключались из предмета политической экономии. Поэтому приобретает теоретическую значимость результат по обоснованию методологического положения о том, что все экономические явления в процессе познания схватываются мышлением на уровне «кажимости», на уровне абстрактной всеобщности, конкретной всеобщности, конкретно-особенном уровне и, наконец, явление предстает перед нами как диалектическое целое, как единство сущности со своим явлением, т. е. как действительность. Тем самым развивается то важное, на наш взгляд, положение, что «реабилитируется» онтологический момент исследования собственности. В этом мы видели цель нашего изложения.

Список литературы

1. Алле, М. Экономика как наука [Электронный ресурс]. http://vl.ucoz.org/_id/0/82_alle_m_ekonomik.pdf
2. Аринин, Е.И. Субстратный, функциональный и системно-функциональный принципы познания сущности явления: автореф. ... дис. канд. филос. наук. М., 1989.
3. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания 1955 г. М., 1990.
4. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. 2-е изд. М.: Весь мир, 2011.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / пер с фр. Л.Е. Куббеля. 2-е изд. М.: Весь мир, 2011.
6. Венедиктов, А.В. Государственная социалистическая ответственность. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
7. Вьяккерев, Ф.Ф. Диалектическое противоречие и марксистская политическая экономия. М.: Высшая школа, 1963.
8. Вьяккерев, Ф.Ф. Современное состояние теории диалектического противоречия и пути ее дальнейшего развития // противоречие как источник развития: межвуз. сб. /под ред. Ф.Ф. Вьяккерова. Вып. 13. Л.: ЛГУ, 1988.
9. Вьяккерев, Ф.Ф. Структура диалектического противоречия // Вопросы философии. 1964. № 9.
10. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1970–1972.
11. Гегель, Г.В.Ф. Различия между системами философии Фихте и Шеллинга в соотношении с работами Рейнгольда, имевшими целью облегчить обзор состояния философии в начале XIX столетия // Кантовский сборник: межвуз. темат. сб. научных трудов. Вып. 14. Калининград, 1989.
12. Гегель, Г.В.Ф. Собр. соч.: в 14-ти т. Т. I–XVI. М.–Л.: Соцэкгиз, 1932–1959.
13. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977.

14. Гуссерль, Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1 // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988.
15. Дельтей, В. Предпосылки или условия сознания либо научного познания / В. Дельтей // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–152.
16. Диалектика и практика. Вопросы теории социального отражения. М.: Наука, 1984.
17. Диалектическая логика: Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата: Наука, 1987.
18. Дубровский, Д.И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983.
19. История политической экономии социализма. Л.: ЛГУ, 1972.
20. История социалистических учений: сб. статей. М., 1990.
21. Кайдалов, В.А. Диалектико-материалистическая концепция самодвижения и ее современные проблемы. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982.
22. Клаус, Г. Кибернетика и общество. М.: Прогресс, 1967.
23. Колесов, Н.Д. Общественная собственность на средства производства – основное производственное отношение социализма. Л.: ЛГУ, 1967.
24. Кучевский, В.Б. Анализ категории «Материя». М.: Наука, 1983.
25. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
26. Локк, Дж. Избранные философские произведения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1980.
27. Лосев, А.Ф. Философия имени. М.: МГУ, 1990.
28. Маньковский, Л.А. Логические категории в «Капитале» К. Маркса // Диалектическая логика в экономической науке: Уч. зап. Моск. гос. педагог. ин-та им. В.И. Ленина. М., 1962. № 179.
29. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд.
30. Мещерская, Е.Н. Деяния Иуды Фомы. М.: Наука, 1990.
31. Останин, В.А. Воля в структуре смысла: монография. Владивосток: ВФ РГА, 2005.
32. Останин, В.А. Собственность: сущность, противоречия, формы их разрешения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1994.
33. Останин В.А. Философия присвоения: монография / В.А. Останин; науч. ред. Ю.В. Рожков; Российская таможенная ака-

демия. Владивостокский филиал. Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011.

34. Платон. Диалоги : [пер. с древнегреч.]. Харьков : Фолио, 2000.

35. Развитие общественных отношений социализма как целостности (проблемы методологии). Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1989.

36. Сталин, И.В. Вопросы ленинизма. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1952.

37. Сталин, И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952.

38. Федоровский, Н.Г. Марксизм как направление социалистической мысли // История социалистических учений. М.: Наука, 1990.

39. Шеллинг, Ф.В.И. Сочинения: в 2-х т.: [пер. с нем.]. Т. 1. М.: Мысль, 1987.

40. Geschichte der Politischen Okonomie des Sozialismus. Umriss. Berlin. 1986.

41. Stiehler G. Uber Elastizitat von Kategorien des historischen Materialismus. DZfph. 1977. № 7.

42. Marx Karl. Das Kapital. B. 1, 2, 3. Berlin, 1986.

43. Philosophisches Worterbuch. Leipzig, 1975. B. 1.

Научное издание

Автор

Останин Владимир Анатольевич

**Собственность: противоречия присвоения
(Проблемы теории и методологии)**

Монография

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Редактор Л.Е. Стрикускас

Корректор И.К. Вельяотс

Эл. верстка В.А. Моргунов

Дизайн обложки И.К. Щеголькова

Подписано в печать 29.05.2015. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 11,86. Уч.-изд. л. 10,68. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.).

Изд. № 160. Заказ № _____.

Гарнитура Times New Roman.

Редакционно-издательский отдел
Владивостокского филиала Российской таможенной академии.
690034, Владивосток, ул. Стрелковая, 16в.